

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 24. № 2

Volume 24. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2025

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

LOGOS ET PRAXIS

**2025
Том 24. № 2**

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

LOGOS ET PRAXIS

**2025
Volume 24. No. 2**

LOGOS ET PRAXIS

2025. Vol. 24. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)
Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)
Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

PhD in Sociology *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor, Proofreader: *Yu.A. Nikitina*

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Aug. 3, 2025.

Date of publication: , 2025.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 13.0. Published pages 14.0.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 74. «C» 23.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2025. Т. 24. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. *Д.Р. Яворский* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. *И.В. Василенко* (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

PhD по социологии *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия); д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань); д-р экон. наук., проф. *Н.В. Горшкова* (г. Волгоград); д-р экон. наук., доц. *Е.Г. Гуцина* (г. Волгоград); д-р социол. наук, проф. *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. *О.Э. Душин* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *С.С. Неретина* (г. Москва); д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор, корректор: *Ю.А. Никитина*
Редакторы английских текстов: *Е.А. Елтанская*,
Д.А. Новак
Верстка и техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 03.08.2025 г.
Дата выхода в свет: . 2025 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 74. «С» 23.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Карчагин Е.В.</i> О неакадемической философии	5
<i>Аршин К.В.</i> Германский миф против Кельтского мифа: к вопросу об одном аспекте европейского национализма	13
<i>Марченко А.Ю., Шипицын А.И.</i> Антропология рейтинга. Рейтинг как символическая машина культуры	22
<i>Макаров А.И., Кальницкая Т.Г.</i> Жизненная стратегия в религиозном контексте: философско-психологический анализ проблемы субъектности	30
<i>Штайн О.А.</i> Маска молчания как неотъемлемая часть автокоммуникации	40
<i>Слеженков В.В., Калашикова Н.А.</i> Дискуссионные аспекты развития юридической герменевтики (на примере современного французского правового реализма)	53

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Василенко И.В., Ткаченко О.В.</i> Социальные сети как пространство самореализации младших школьников с разным уровнем социометрического статуса	61
<i>Воробьева И.Н.</i> Некогнитивные навыки как ресурс социального участия населения	73
<i>Палачева Ю.А.</i> Социальная активность студенческой молодежи на примере Ярославской области: результаты исследования	87
<i>Скобелева Е.И., Прохорова М.В.</i> Анализ ценностных аспектов культуры устойчивого потребления в российском обществе ...	98
<i>Ромашкина Г.Ф., Кибукевич В.С.</i> Обоснование чрезмерных расходов на ритуальные празднования [На англ. яз.]	109

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Дружинин А.М.</i> Деструктивные медиа: двойные стандарты универсальных коммуникаторов	121
<i>Иванова Д.Д.</i> Понятия «жизненный путь личности» и «судьба»: социально-философский анализ	130

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Karchagin E.V.</i> On Non-Academic Philosophy	5
<i>Arshin K.V.</i> Germanic Myth Versus Celtic Myth: On One Aspect of European Nation-Building	13
<i>Marchenko A.Yu., Shipitsin A.I.</i> Anthropology of Rating. Rating as a Symbolic Machine of Culture	22
<i>Makarov A.I., Kalnitskaia T.G.</i> Life Strategy in Religious Context: Philosophical and Psychological Analysis of the Subjectivity Problem	30
<i>Shtayn O.A.</i> Mask of Silence as an Integral Part of Autocommunication	40
<i>Slezhnikov V.V., Kalashnikova N.A.</i> Debatable Aspects of the Development of Legal Hermeneutics (Based on the Example of Modern French Legal Realism)	53

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGY

<i>Vasilenko I.V., Tkachenko O.V.</i> Social Networks as a Space for Self-Realization of Primary School Students with Different Levels of Sociometric Status	61
<i>Vorobeva I.N.</i> Non-Cognitive Skills as a Resource for Social Participation of the Population	73
<i>Palacheva J.A.</i> Social Activity of Student Youth on the Example of the Yaroslavl Region: Research Results	87
<i>Skobeleva E.I., Prokhorova M.V.</i> Analysis of Value-Related Aspects Within Sustainable Consumption Culture in the Russian Society	98
<i>Romashkina G.F., Kibukevich V.S.</i> The Rationale Behind Lavish Feasting	109

ACADEMIC DISCUSSIONS

<i>Druzhinin A.M.</i> Destructive Media: Double Standards of Universal Communicators	121
<i>Ivanova D.D.</i> The Concepts of "The Life Path of a Personality" and "Fate": A Socio-Philosophical Analysis	130

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.1>

UDC 101.1
LBC 87

Submitted: 10.02.2025
Accepted: 30.05.2025

ON NON-ACADEMIC PHILOSOPHY ¹

Evgeniy V. Karchagin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article explores the problem of the existence of philosophy outside academic institutions in a contemporary context. Three key forms of philosophy are identified: *everyday* philosophy as a spontaneous worldview; *academic* (educational and institutional) philosophy; and *genuine* philosophy, which can exist both inside and outside the academy. The main thesis of the article is that the essence of philosophy is determined not by its institutional status, but by the *quality of thought* – rigor, depth of inquiry, and connection with life experience. The author analyzes the risks of philosophy: for the academy, scholasticism and abstractness; for the non-academic sphere, it is superficiality and the substitution of philosophy with pseudo-intellectual surrogates. Thus, philosophy should avoid extremes, both the snobbery of the academic elite and populist simplification. As a solution, the principle of *philosophical mastery* is proposed, synthesizing the study of classical texts, critical reflection, and ethical responsibility. It is emphasized that the Digital Age promotes the dissemination of non-academic philosophy (blogs, online courses), but does not eliminate the need to preserve its high-quality content core.

Key words: philosophy, academic philosophy, non-academic philosophy, philosophical mastery, philosophical education, worldview.

Citation. Karchagin E.V. On Non-Academic Philosophy. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 5-12. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.1>

УДК 101.1
ББК 87

Дата поступления статьи: 10.02.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

О НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ¹

Евгений Владимирович Карчагин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме существования философии за пределами академических институций в современных условиях. Выделены три ключевые формы философии: *обыденная* философия как стихийное мировоззрение; *академическая* (учебно-институциональная) философия; *подлинная* философия, которая может существовать как внутри, так и вне академии. Основной тезис статьи: сущность философии определяется не институциональным статусом, а *качеством мысли* – строгостью, глубиной вопрошания и связью с жизненным опытом. Автор анализирует риски философии в рамках академии (схоластичность и реферативность) и в рамках неакадемической сферы (поверхностность и подмена философии псевдоинтеллектуальными суррогатами). Таким образом, философия должна избегать крайностей: с одной стороны, снобизма академической элиты, с другой – популистского упрощенчества. В качестве решения предлагается принцип *философского мастерства*, синтезирующий изучение классических текстов, критическую рефлексию и этическую ответственность. Подчеркивается, что цифровая эпоха способствует росту неакадеми-

ческой философии (блоги, онлайн-курсы), но не отменяет необходимости сохранения ее качественного содержательного ядра.

Ключевые слова: философия, академическая философия, неакадемическая философия, философское мастерство, философское образование, мировоззрение.

Цитирование. Карчагин Е. В. О неакадемической философии // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 5–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.1>

Введение

Философия далеко не всю свою историю была академической, то есть связанной со специальными учебными заведениями, или более точно – привязанной к Университету. И до того, и параллельно с этим философия в ряде своих проявлений существовала как «частным образом», так и в связи с другими институциями (преимущественно религиозными).

М. Фуко в одном из своих многочисленных интервью отметил, что для философа вопрос интеграции в обществе до последнего времени вообще не стоял: «До XIX века философов не признавали. Декарт был математиком, Кант не преподавал философию, он преподавал антропологию, географию, риторику, а не философию, так что об интеграции философа не могло быть и речи. Именно в XIX в. наконец появились кафедры философии» [Foucault 1994, 553].

Впрочем, сама связь философии и Университета не всегда оценивались положительно. Так, А. Шопенгауэр в свое время утверждал, что «если правительства делают философию средством для своих государственных целей, то ученые, с другой стороны, видят в философской профессуре ремесло, которое, как и всякое другое, дает кусок хлеба; они и стремятся к ней, ручаясь за свою благонамеренность, то есть за свою готовность служить указанным целям» [Шопенгауэр 1992, 45]. Здесь нас интересует прежде всего болезненная тема злоупотреблений философией, в том числе в академическом мире.

В XX в. происходит массовизация и коммерциализация общественной жизни. Академия и философия сталкиваются с новым вызовом. Университет превращается в массовую «бюрократически организованную и относительно автономную потребительски ориентированную корпорацию» [Ридингс 2010, 25]. Все большее число людей сталкиваются с фило-

софией. Но насколько такое столкновение будет полезным для человека и для самой философии? Чем чреваты выход философии из академии или вход в академию «случайных людей»? Как мы понимаем академию: как эмпирически актуальную ситуацию распадающегося Университета и превращения его в экономическое предприятие или как символ свободной мысли, духа подлинного философствования (подобно Академии Марсилио Фичино, противопоставленной университетской схоластической учености)? Для чего и кому сейчас нужна философия за рамками университета и академических институций? Каким должно быть позиционирование философии и обучения философии вне академии?

В этом тексте представлены некоторые ответы на эти вопросы, а также ставятся новые вопросы. Тем самым здесь обсуждается проблема существования философии за пределами академических институций, нормативные условия и горизонт существования философии.

1

К сожалению, слово «философия» истаскано, издергано, избито. Соответственно, когда мы говорим о «философии», не всегда понятно, о чем, в сущности, идет речь. Это непонимание связано с представлениями, имеющие чувственный источник, это обывательский уровень в философии и вообще знания чего-либо. Самое распространенное толкование философии – это обывательские представления. Многие впервые слышат слово «философия», когда в повседневном общении с родственниками или с друзьями кто-нибудь говорит: «Ты философствуешь». Или в бизнес-сфере встречаются рассуждения примерно такого рода: «Философия нашей фирмы заключается в том, что мы клиентоориентированы, мы развиваемся». Когда люди говорят «про

жизнь», про свое восприятие жизни «на кухне» и сообщают людям это свое восприятие, свой опыт жизни, называя это своей «философией», тогда мы имеем дело с «доморощенной» философией. Вполне справедливо такая народная мудрость может быть подвергнута критике. Так, П.Я. Чаадаев писал: «Я всегда думал, что так называемый здравый смысл народа вовсе не есть здравый смысл; что не в людской толпе рождается истина» [Чаадаев 1991, 524].

Сегодня существуют разнообразные альтернативные прежним классическим институциям формы и проявления философии, имеющие высокую популярность: публичные лектории, сетевые учебные заведения, индивидуальное обучение и курсы для всех желающих от философа с академической аффилиацией, книги, паблики и блоги научно-популярного направления и так называемой популярной психологии, часто воспринимаемой в качестве «философии». Феноменально популярный в самых широких кругах стоицизм дает львиную долю содержания для такого рода форм.

Такое положение дел во многом усиливается благодаря развитию и распространению Интернета. Однако в этой связи значим вопрос объемов и форматов. Например, можно ли философствовать в блоге, на своей странице в социальной сети? Насколько достаточно для выражения философской мысли малого объема знаков? Насколько для мысли органично присутствие в социальной сети? Может ли такая публикация быть субстанциальной или она представляет собой только знак – отсылку к артефактам подлинной философии, к полноценной статье или книге. Однако и лекции, особенно когда их затем издают, могут быть носителями философского содержания. Являются ли они предельно допустимой полной формой философии? Может ли пост в соцсети быть равен колонке философа в «приличном» медиаиздании? Можно ли философствовать в блоге? И чья мысль целиком выражается в таком формате? Есть ли успешные блогеры-философы с оригинальным контентом? Очевидно, что развитие Интернета ничего, по сути, не поменяло и не может поменять. Могут усилиться только уже имеющиеся тенденции, и могут видоизмениться уже имеющиеся формы бытования философии.

Такая распространенность и популярность, как кажется, продиктованы глубинными мировоззренческими запросами современного человека. Еще И. Кант писал, что «спрос» на метафизику «никогда не может исчезнуть, потому что интерес общего человеческого разума слишком тесно с ней связан» [Кант 1965, 71]. В этом случае интерес к философии часто смешивается с более широким мировоззренческим интересом к религиозным учениям, мифологии и житейской мудрости.

Иногда такое смешение приводит к отождествлению смысложизненных и мировоззренческих поисков и практик с философской деятельностью: «Одна из причин, почему чтение важно для людей, заключается в том, что это философская деятельность. Я утверждаю, что для многих из нас чтение представляет собой способ поразмышлять на философские темы, поставить философские вопросы и, возможно, занять определенную позицию» [Пирси 2024, 15]. Для Р. Пирси сам процесс чтения является философской практикой, так как помогает индивиду обрести свою самость, сформировать свои этические взгляды и сориентироваться в мире вещей [Пирси 2024, 18–20]. При этом он к философии относит «характерные, фундаментальные вопросы» и утверждает, что «чтение – это философия именно в этом смысле – в том же, в каком философией могут быть кино и религия» [Пирси 2024, 16].

Такое мнение нередко и среди классиков. Так, А. Грамши считал, что все люди – философы, но «каждый на свой лад, бессознательно», за счет имплицитного мировоззрения в любой самой минимальной интеллектуальной деятельности [Грамши 1991, 26–27]. Аналогично этому К.Р. Поппер писал, что «все люди являются философами, хотя некоторые в большей степени, чем другие» [Поппер 2003, 10].

Ввиду того, что обыватель считает себя уже достаточно компетентным в мировоззренческих вопросах, он может враждебно воспринимать утонченные формы подлинной философской работы, бессознательно воспринимая их как опасного конкурента. Н.А. Бердяев дает удачное описание этого наблюдения: «Философия чужда большей части людей, и

вместе с тем каждый человек, не сознавая этого, в каком-то смысле философ. Весь технический аппарат философии чужд большей части людей. Большая часть людей готова употреблять слово “философ” в насмешливом и порицательном смысле. <...> Но каждый человек, хотя бы он этого не сознавал, решает вопросы “метафизического” порядка. Вопросы математики или естествознания гораздо более чужды огромной массе людей, чем вопросы философские, которые, в сущности, ни одному человеку не чужды. И существует обывательская философия тех или иных социальных групп, классов, профессий, как существует обывательская политика. Человек, испытывающий отвращение к философии и презирующий философов, обыкновенно имеет свою домашнюю философию. Ее имеет государственный деятель, революционер, специалист-ученый, инженер-техник. Они именно потому и считают ненужной философию» [Бердяев 1994, 238].

Проблема заключается не в самой связи философии и обыденного сознания. Эта связь понятна. Она в свойствах обыденного сознания.

Очевидно, имеются две разновидности обыденного мышления:

1) Замкнутая, ограниченная, застывшая в своей косности, самодостаточная и самодовольная обыденная мысль. Отсутствие сократического духа, иронии по отношению к самоуверенной мудрости, не знающего пределов вопрошания – верный ее признак. Многие предпочитают какую-никакую, а твердую истину, не видя в ее твердости никакой опасности.

2) Открытое, развивающееся, самосовершенствующееся обыденное мышление, которое уже с полным правом можно назвать философией, но в силу некоторых причин не достигшей яркого выражения, как это случилось с «философией философов» [Карчагин 2007, 65].

Именно ко второму типу примыкают элементы философии, имеющиеся в литературе, публицистике и научной мысли. Тем самым особый статус имеет проблема прямого и косвенного использования философских идей в других науках и дисциплинах, то есть опять же в стенах академии. Можно отметить влияние философских учений или прямое присут-

ствие элементов философии в установках и идеологии ученых-естественников, представителей социально-гуманитарных дисциплин, представителей творческих профессий.

2

Помимо обыденной «философии» есть академическая, школьная философия. В университетах и других учебных организациях она присутствует в виде учебников, лекций, семинаров, то есть в учебной форме. Ее представителем будет уже не «кухонный мыслитель» или популярный блогер, а преподаватель философии. Преподаватель философии действует буквально как профессионал. Ибо что такое профессиональная философская деятельность? Как отметил К.С. Пигров: «Первый формальный признак профессионализма» – получать деньги за свою работу [Пигров 2006, 118].

Профессионал от философии изначально поставлен в ситуацию искать свое место в имеющейся философской традиции, сформировать свое отношение к ней. М. Хайдеггер вопрошал: «Когда мы философствуем? Лишь тогда, очевидно, когда вступаем в разговор с философами. Это предполагает, что мы говорим с ними о том, что они обсуждают. <...> Одно дело констатировать и описывать мнение философов, и совсем другое – говорить с ними о том, что они традиционно обсуждают, о чем они повествуют» [Хайдеггер 1993, 119].

В зависимости от отношения к традиции выделяют следующие типы профессиональной академической философии [Филатов 1996, 218]:

– *компилятивный тип философствования*: философ стремится выразить свои мысли *через* мысли других философов, которые выступают для него в качестве безусловных *авторитетов*, угнетающих мыслительный процесс философствующего;

– *критический тип философствования*: философ выражает свои мысли через отрицание мыслей других философов, сознательно окарикатуривая концептуальные построения последних;

– *спекулятивный тип философствования*: философ пытается обойтись без медиатора, оставаясь в своей концептуальной деятельности наедине с самим собой.

– *реинкарнационный тип философствования*: философствующий мысленно перерождается в авторитет, становится им.

В связи с этим основная опасность для «профессионального» философа – утратить оригинальность. Но это не отрицает необходимости существовать вспомогательной для философии сферы «философствования», аналогичной художественной критике. «Есть генераторы творчества – философы, композиторы, изобретатели и т. п. Есть ученые, творческие исследователи и исполнители работ генераторов: философоведы, музыковеды, дирижеры, научные и технические работники» [Юркевич 2004, 94].

3

Есть третья разновидность философии – настоящая, подлинная философия. Когда имеются настоящие философы, которые решают и обсуждают философские проблемы, но которые, может быть, никогда не преподавали в учебных заведениях. Тем самым будет ложной дилеммой считать, что есть только две разновидности философии: обыденно-житейская и академическая / университетская. В сущности, всякая подлинная философия берет лучшее от каждой из названных: от житейской – укорененность в жизни, ее почвенность, от школьной – строгость, четкость, метод.

Одновременно с этим можно обозначить «врагов» подлинности. Первый враг или, скорее, антипод, эрзац, суррогат философии вне академии – это обыденное знание и все его свойства. Другой враг академической философии – это ее пустота, формальная имитация без содержания – реферативность и неоригинальность. Однако если обыденщина всегда служит своеобразным ахматовским «соромом» для философских проблем, то реферативность дает возможность сохраняться и продолжаться философии. У обыденной философии есть один плюс – живость интереса, хотя последний и не всегда является последовательным и долгосрочным. Ключевой момент – не академическая аффилиация или ее отсутствие; важно качество продукта, качество философского произведения.

Отметим наличие переходных форм философии, когда академический автор высту-

пает перед внешней аудиторией, ориентирован на нее. Примером могут служить выступления К. Ясперса на радио после второй мировой войны, публикации Б. Рассела для широкой публики и вообще публицистическая деятельность философов. Интересен пример Н.А. Бердяева, совершенно неакадемического и вольного автора, который, однако, долгие годы издавал журнал «Путь» по самым высоким академическим стандартам. Тем самым границу между академической и неакадемической философией в разные эпохи и в разных странах и регионах можно и нужно определять конкретно.

Институциональные «среды» сами по себе далеко не всегда способствуют появлению или существованию живой философской мысли, хотя и не препятствуют ей. Они лишь задают соответствующий контекст. Институционализация философии должна осуществляться осторожно. По сути, речь идет об институтах и формах, в которых не теряются содержание и подлинность.

Философия – строгое мышление, и она должна иметь «школу». Как отмечал А.И. Пигалев: «Многие думают, что философия – это такой свободный дискурс. Когда можно просто свободно говорить обо всем на свете и высказывать свое “мнение”. Я впоследствии студентам всегда говорил, что если вы изучаете философию, то это все равно, что изучать музыку. То есть вы не можете играть на скрипке, не потратив годы на то, чтобы научиться играть на этом инструменте. Точно так же философия требует владения определенной техникой мышления. <...> Без этой техники все будет очень “рыхло” и совершенно непрофессионально» [Пигалев, Карчагин 2022, 8].

Яркая фигура «любителя», противопоставленная современному «эксперту» и «профессионалу», в относительном недавнем эссе Э. Мери菲尔да [Мери菲尔д 2018] не противоречит нашим утверждениям как минимум в силу этимологического смысла термина «философии». Философ всегда «любитель». И одновременно с этим философ должен быть «мастером»². «Снятие противоположности между любителем и профессионалом осуществляется в понятии “мастер”, которое соединяет в себе достоинства того и другого.

<...> Философский факультет может гарантировать профессионализм, но не может гарантировать мастерства» [Пигров 2006, 117]. В этом смысле всякий истинный философ всегда «мастер».

Итак, философскую деятельность можно разделить на основании качества на следующие виды: низкое обыденное; высокое обыденное (в том числе в рамках других профессий); низкое профессиональное; высокое профессиональное; низкое любительское; мастерское любительское [Карчагин 2007, 68].

Все остальное, называющее себя философией, подпадает под термины «псевдофилософия» и «парафилософия».

В любом случае мастерское дело философии может совершаться как внутри, так и вне академии. Настоящая философия сродни известному евангельскому выражению «дышит, где хочет», может существовать в любых, в том числе институциональных, условиях. Однако она не может изменять фундаментальному принципу ориентации на Истину и другие философские ценности – Добро и Красоту. Подлинная философия питается от обыденной почвы и имеет интеллектуальную строгость «академии». Главный «рецепт» подлинной философии внутри и вне академической институционализации, в том числе и в «популярной» форме, заключается в сохранении высокого качества философского содержания.

4

При подготовке философов, при изучении философии и при популяризации философии необходимо учитывать, что философия есть особая интеллектуальная традиция, кристаллизованная и материализованная прежде всего в текстах. Но поскольку философия – это не любые тексты, а философские, то и обсуждение должно осуществляться с учетом принципов и содержательных признаков философии.

Если стоит задача качественной подготовки подлинных деятелей философии, то есть только один способ ее решить: сочетать чтение и изучение первоисточников с самостоятельным написанием текстов. В частности, именно так решалась задача подготовки первых советских философов философского отделения Института красной профессуры сра-

зу после Октябрьской революции. Эта подготовка длилась три года и состояла в изучении иностранных языков, проработке первоисточников и публикации самостоятельного исследования. Слушатель философского отделения ИКП (Институт красной профессуры) Г.И. Григоров рассказывал об этом так: «Меня включили в философский семинар Л.И. Аксельрод. Мы работали над подлинниками классиков философии. После досократиков изучали Платона, Аристотеля, Эпикура, Лукреция Кара, средневековых схоластов и теософию. Затем перешли к изучению английских и французских материалистов, Декарта, Спинозы и всей немецкой школы. У нас не было лекционной системы. Мы сами готовили доклады по тому или другому философу и зачитывали их на семинаре. Вокруг доклада обменивались мнениями, были горячие споры. Заключительное слово принадлежало руководителю семинара, он оценивал степень научности разработанной темы. Я разработал тему “Свобода и необходимость в философской системе Спинозы”» [Корсаков 2022, 88]. Изучение настоящей философии возможно через чтение трудов настоящих философов.

Классики не сомневались в возможности приобщения к философии самого широкого круга людей. Однако это приобщение не должно происходить стихийно. Вот, к примеру, практические советы по развитию в себе философского начала К. Ясперса: «Первое: участие в научных исследованиях. Оно уходит своими корнями в естественнонаучное знание и филологию и разветвляется в трудно обозримое разнообразие научных отраслей. Благодаря научному опыту, применяемым методам и критическому мышлению приобретает научная позиция, являющаяся необходимой предпосылкой для истинности в философствовании.

Второе: изучение великих философов. Чтобы прийти к философии, нужно пройти путь через ее историю. Этот путь для отдельного человека есть как бы восхождение вверх по стволу великих оригинальных сочинений. Однако это восхождение удается только в том случае, если опирается на изначальный импульс, который исходит из моего присутствия в настоящем, на собственное философствование, пробуждающееся в процессе изучения.

Третье: *повседневная добросовестность в том, как я провожу свою жизнь, серьезность принимаемых решений и принятие на себя ответственности за то, что я сделал и узнал из опыта* [Ясперс 2000, 150].

Таким образом, необходимый уровень или философское мастерство связаны с самостоятельным исследованием, рациональной подготовленностью, вписанностью в традицию и вниманием к практической стороне жизни, то есть этической рефлексией. Можно ли эти принципы реализовать вне академической системы? Очевидно, можно.

Заключение

Итак, философия существует в нескольких формах. Если «отсчитывать» от повседневного уровня, то первая ее форма – это философия «кухонная», обывательская, житейская. Далее человек может сталкиваться с философией на «школьной» скамье: в старших классах школы, в среднеспециальных и высших учебных заведениях. Этот второй вид – «школьная» философия. И это одновременно первая разновидность академической философии. Третья форма философии – это подлинная, настоящая философия, которая может быть «профессорской», академической в буквальном значении, но не сводится к ней.

Итак, для нас нет вопроса, какую именно философию нужно популяризировать. Это должна быть качественная философия. Ее необходимость мы видим в том, что в разрушающейся академии, в ситуации «руинирования» Университета философия вынуждена выходить за эти рамки. Опасность и главный вызов для нее – утрата подлинности, потеря сущности философии, производство и распространение под видом философии в лучшем случае бесполезных, а в худшем случае вредных суррогатов.

Тем не менее для подлинной и качественной неакадемической философии есть все возможности развиваться и сегодня. Противостоять этой опасности можно через обращение к чтению первоисточников и производство самостоятельных философских суждений в любой форме и в любом формате без утраты подлинного ядра и содержательного корня философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также: [Карчагин 2023]. Данные публикации обобщают мои размышления над проблемой, впервые системно исследованной в кандидатской диссертации, написанной в 2004–2006 гг. под научным руководством С.Э. Крапивенского [Карчагин 2007].

² Ср. яркую концептуализацию подлинного мастерства Р. Сеннетом: «Калека Гефест, гордый своей работой, но не собой, – вот образец наибольшего самоуважения, на которое мы можем рассчитывать» [Сеннет 2018, 314].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
- Грашши 1991 – *Грашши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.
- Кант 1965 – *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 67–210.
- Карчагин 2007 – *Карчагин Е.В.* Человек как философ: субъектно-деятельностный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2007.
- Карчагин 2023 – *Карчагин Е.В.* Homo philosophicus: о философской деятельности // Философ: мыслитель, исследователь, наставник: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 24–85.
- Корсаков 2022 – *Корсаков С.Н.* Советские философы поколения 1920 годов // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 65–117.
- Мерифилд 2018 – *Мерифилд Э.* Любитель. Искусство делать то, что любишь. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Пигалев, Карчагин 2022 – *Пигалев А.И., Карчагин Е.В.* «Философия – это текст»: беседа с Александром Ивановичем Пигалевым // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 2. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.1>
- Пигров 2006 – *Пигров К.С.* Профессионалы и самодельные философы: к развитию рецептивной философии // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 3 (31). С. 106–130.
- Пирси 2024 – *Пирси Р.* Чтение как философская практика. Ереван: Fortis Press, 2024.
- Поппер 2003 – *Поппер К.Р.* Все люди – философы: как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Ридингс 2010 – *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010.
- Сеннет 2018 – *Сеннет Р.* Мастер. М.: Strelka Press, 2018.

- Филатов 1996 – *Филатов Т.В.* Введение в технологию философствования. Самара: СГСХА, 1996.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Что это такое – философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113–123.
- Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 524–538.
- Шопенгауэр 1992 – *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М.: Моск. Клуб, 1995.
- Юркевич 2004 – *Юркевич Г.П.* Философия и философоведение // Философские исследования. 2004. № 2 (35). С. 87–97.
- Ясперс 2000 – *Ясперс К.* Введение в философию. Минск: Пропилей, 2000.
- Foucault 1994 – *Foucault M.* Dits et écrits, 1954–1988. En 4 t. Т. 1. 1954–1969. Paris: Gallimard, 1994.

REFERENCES

- Berdjaev N.A., 1994. *Philosophy of the Free Spirit*. Moscow, Respublika Publ.
- Gramshi A., 1991. *Prison Notebooks. In 3 Pts. Pt. 1*. Moscow, Politizdat Publ.
- Kant I., 1965. Prolegomena to Any Future Metaphysics That May Appear as a Science. *Sochinenija. V 6 t. T. 4, ch. 1*. Moscow, Mysl Publ., pp. 67-210.
- Karchagin E.V., 2007. *Man as a Philosopher: Subject-Activity Analysis. Cand. philos. sci. diss.* Volgograd.
- Karchagin E.V., 2023. Homo philosophicus: on Philosophical Activity. *Filosof: myslitel, issledovatel, nastavnik: monografija*. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 24-85.
- Korsakov S.N., 2022. Soviet Philosophers of the 1920s Generation. *Politicheskaja konceptologija: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij*, no. 2, pp. 65-117.
- Merifild A., 2018. *Ljubitel. Iskusstvo delat to, chto ljubish*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Pigalev A.I., Karchagin E.V., 2022. “Philosophy Is Texts”: Conversation with Alexander Pigalev. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 5-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.1>
- Pigrov K.S., 2006. Professionals and Amateur Philosophers: Towards the Development of Receptive Philosophy. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, vol. 8, iss. 3 (31), pp. 106-130.
- Pirsi R., 2024. *Reading as a Philosophical Practice*. Erevan, Fortis Press.
- Popper K.R., 2003. *All Men Are Philosophers: How I Understand Philosophy; Immanuel Kant – Enlightenment Philosopher*. Moscow, Editorial URSS.
- Ridings B., 2010. *The University Is in Ruins*. Moscow, Izd. dom VShE.
- Sennet R., 2018. *Master*. Moscow, Strelka Press.
- Filatov T.V., 1996. *Introduction to the Technology of Philosophizing*. Samara, SSAA Publ.
- Heidegger M., 1993. What Is Philosophy? *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 113-123.
- Chaadaev P.Ja., 1991. Apology of a Madman. Chaadaev P.Ja. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pisma. Vol. 1*. Moscow, Nauka Publ., pp. 524-538.
- Shopengaujer A., 1992. *Collected Works. In 5 Vols. Vol. 1*. Moscow, Mosk. klub Publ.
- Jurkevich G.P., 2004. Philosophy and Philosophy Studies. *Filosofskie issledovanija*, no. 2 (35), pp. 87-97.
- Jaspers K., 2000. *Introduction to Philosophy*. Minsk, Propilei Publ.
- Foucault M., 1994. *Dits et écrits, 1954–1988. En 4 t. T. 1. 1954–1969*. Paris, Gallimard.

Information About the Author

Evgeniy V. Karchagin, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Academicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Карчагин, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.2>

UDC 1(191)130.2
LBC 87.6

Submitted: 15.05.2025
Accepted: 30.05.2025

GERMANIC MYTH VERSUS CELTIC MYTH: ON ONE ASPECT OF EUROPEAN NATION-BUILDING

Konstantin V. Arshin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the evolution of national identity in France and Germany, focusing on the creation of myths and symbols that justify national unity. The author emphasizes that the Celtic and Germanic myths, although they refer to historical facts, build their own “past” on collective memory and social constructs that often have no direct relation to real history. The author shows how the Germanic myth, which originates from the ancient Germans and emphasizes the superiority of the German language, was transformed and used in various historical contexts, including the Nazi period. In parallel, the Celtic myth, which supported the ideas of freedom-loving Gauls as the ancestors of the modern French, and its development from the 16th century to the present day are considered. Thus, both the Germanic and Celtic myths were not static and changed over time, adapting to new social conditions and political contexts. The article demonstrates how both myths, while substantiating national identity, at the same time generate internal contradictions related to ethnic and cultural issues. In the Celtic myth, the contradictions were based on the difference between ethnic nationalism and the universal values proclaimed by the French state. The content of the German myth was also ambiguous, especially during the Third Reich, when the NSDAP, on the one hand, tried to use the unifying pathos of the myth to consolidate German society, and on the other hand, often hushed it up in favor of foreign policy demands. However, in general, the German myth was largely discredited by Nazism, while the Celtic myth retained its relevance and even acquired new meaning. In conclusion, the author emphasizes the importance of myth-making in the formation and consolidation of national identity in the modern context.

Key words: nation, nationalism, political myth, Arminius, Celts, Germany, France.

Citation. Arshin K.V. Germanic Myth Versus Celtic Myth: On One Aspect of European Nation-Building. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 13-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.2>

УДК 1(191)130.2
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 15.05.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

ГЕРМАНСКИЙ МИФ ПРОТИВ КЕЛЬТСКОГО МИФА: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА

Константин Валерьевич Аршин

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется эволюция национальной идентичности во Франции и Германии, с акцентом на создании мифов и символов, обосновывающих национальное единство. Обращаясь к Германскому мифу, который восходит к древним германцам и включает идеи превосходства немецкого языка, автор показывает, как этот миф трансформировался и использовался в различных исторических контекстах, включая период нацизма. Параллельно рассматривается развитие в период с XVI в. до современности Кельтского мифа, который утверждал представления о свободолюбивых галлах как предках современных французов. И Германский, и Кельтский мифы не были статичны и менялись со временем, адаптируясь к новым социальным условиям и политическим контекстам. Статья демонстрирует, как оба мифа, обосновывая национальную идентичность, в то же время порождают внутренние противоречия, связанные с этническими и культурными вопросами. В Кельтском мифе противоречия основывались на различии между этническим национализмом и универсальными ценностями, которые провозглашало французское государство.

Неоднозначным было и содержание Германского мифа, особенно в период Третьего рейха, когда НСДАП (национал-социалистическая немецкая рабочая партия), с одной стороны, пыталась использовать объединительный пафос мифа для консолидации немецкого общества, а с другой – зачастую замалчивало его в угоду внешнеполитическим требованиям. В целом Германский миф был во многом дискредитирован нацизмом, в то время как Кельтский миф сохранил свою актуальность и значимость. В заключение автор подчеркивает важность мифотворчества в формировании и закреплении национального самосознания в современных обществах и делает вывод о том, что Кельтский и Германский мифы хотя и обращаются к историческим фактам, но строят собственное «прошлое» с опорой на коллективную память и социальные конструкты, которые зачастую не имеют прямого отношения к реальной истории.

Ключевые слова: нация, национализм, политический миф, Арминий, кельты, Германия, Франция.

Цитирование. Аршин К. В. Германский миф против Кельтского мифа: к вопросу об одном аспекте европейского нациостроительства // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 13–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.2>

Процесс формирования европейских наций сопровождался процессом создания символов и ритуалов, которые должны были утвердить национальное единство перед лицом иных социальных общностей. Во Франции и Германии этот процесс привел к формированию Кельтского и Германского мифов соответственно.

Характерным моментом при формировании как Германского, так и Кельтского мифов являлся тот факт, что хотя они и апеллировали к истории, с фактической историей были связаны мало. Отечественный исследователь В.А. Шнирельман специально указывает на необходимость различать историю и прошлое, акцентируя внимание на том, что история – это то, чем занимаются профессиональные историки, а прошлое – это некий «образ» прошедшего, укоренившийся в коллективной памяти социума и служащий основой для функционирования коллективного самосознания [Шнирельман 1995]. Шнирельман специально отмечает, что история и прошлое не отделены друг от друга и могут пересекаться, даже сливаться в единое целое, однако в прошлом всегда присутствуют мифологические элементы.

При этом миф не является синонимом лжи или фальсификации. Миф – это форма «коллективной исторической памяти», передающаяся через социальные группы [Misztal 2003, 17], обеспечивающая соединение «подходящего прошлого» с «правдоподобным будущим» [Foucault 1978, 53–72] и нацеленная на то, чтобы «придать значимость миру», в котором живет человек [Bottici, Challand 2015]. При этом необходимо отметить, что мифы не

являются чем-то застывшим. Они текучи и изменчивы и со временем могут трансформироваться под влиянием изменившихся социальных условий социальных групп, для которых они являются значимыми [Шнирельман 1995, 4].

Как указывает отечественный исследователь О.И. Заиченко, германская историческая мифология достаточно разнообразна и неоднократно предпринимались попытки ее классифицировать. Общий Германский миф включает в себя две группы исторических мифов. Первая связана с ответом на вопрос «Кто такие немцы?» и включает «миф об общем происхождении немцев от древних германцев, а также связанные с ним представления о превосходстве и уникальности немецкого языка, и развивающий дальше во времени основные идеи “древнегерманского” мифа так называемый имперский миф» [Заиченко 2016, 311]. Ко второй группе мифов относились мифы о героях (Арминии / Германе, Зигфриде, Фридрихе-Барбароссе, Лютере и др.), обосновывающие дихотомию «свой – чужой» в условиях военного или социального кризиса.

Основу мифа об общем происхождении немцев составила заново открытая в 1425 г. книга малых произведений древнеримского историка Тацита. Обнаруженная папским секретарем Поджо Браччолини в инвентарной описи Герсфельдского аббатства, она была опубликована в 1470 г. в Венеции. Одно из малых произведений Тацита составляла «Германия», книга, в которой римский историк описал «взгляд культурных римлян на нецивилизованный неримский мир» [Заиченко 2016, 312]. На удивление, у немецких интеллектуалов

XVI–XVII вв. книга, описывающая общественную жизнь, быт, верования и облик древних германцев, не только вызвала существенный интерес, но и послужила основой для формирования немецкой национальной идеи и связанных с нею исторических мифов. Важной составной частью немецкой национальной идеи стала идея о древности германцев. В произведении Тацита отсутствует точная датировка заселения германцами той территории, на которой они проживали. Для интеллектуалов XVI–XVII вв. это стало основанием считать, что происхождение германцев намного древнее римского. В рамках дискуссий, которые велись в тот момент, это позволяло немецким интеллектуалам утверждать превосходство немцев над другими народами Европы, в частности французами и итальянцами (предками которых были римляне). Апелляция к древности германцев служила основанием для утверждения древности и чистоты немецкого языка, вытекающих из древности и чистоты германской расы. Учение о немецком языке как «главном языке» Европы возникло в XVII в. и связано с деятельностью «языковых обществ», которые, стремясь разработать иерархию европейских языков, неизменно ставили немецкий язык на вершину. В сущности, используемая ими аргументация повторяла аргументацию Данте, который старался найти первооснову итальянского языка. Однако там, где Данте остановился, не решившись отождествить латынь и первоосновной итальянский язык, немецкие гуманитарии сделали следующий шаг, отождествив немецкий язык и первый язык человечества. С их точки зрения немецкий язык, в отличие от латыни, которая была продуктом деятельности человека, являлся самым природным, а следовательно и самым естественным из европейских языков. Как писал немецкий писатель XVII в. Георг Филипп Хардёрффер, немецкий язык «рычит как лев, ревет как вол, бурчит как медведь, блеет как овца, хрюкает как свинья, лает как собака, шипит как змея, <...> мяукает как кошка, гогочет как гусь, <...> журчит и шумит водой, шепчет с ручьями, жужжит с пчелами, грохочет с громом, сжимается и потрескивает как горящее полено, лязгает как железо – и воспроизводит все звуки, которые только можно

услышать» [Заиченко 2016, 320]. Как отмечает О.И. Заиченко, «естественность» и «чистота» немецкого языка позволяли немецким интеллектуалам считать немецкий язык языком Бога, поскольку он «наиболее адекватно передает природные звуки» [Заиченко 2016, 321]. Соответственно, и народ, который говорит на этом языке, ближе к Богу, чем другие народы, и является более совершенным по сравнению с ними, тем более если учесть, что древние германцы, описанные Тацитом, характеризовались нравственной чистотой, естественностью, жизненной силой и т. д. И все эти качества благодаря сохранению языка унаследовали и их потомки. В XVIII в. один из крупнейших мыслителей Просвещения И.Г. Гердер в своих работах «Еще одна философия истории» и «Идеи к философии истории человечества» развил указанные идеи, создав миф о немцах как главной нации Европы. В частности, Гердер указывал, что именно немцам европейские народы обязаны своим политико-государственным устройством, поскольку все европейские государства были созданы немцами и именно немцы служили тем щитом, о который разбивались «варварские орды», идущие с востока. Именно немцы являлись народом, развивающим европейские науки и искусства. Наконец, именно немцы являлись теми столпами Европы, «на которых утверждены культура, свободы и независимость Европы» [Гердер 1977, 470].

Современное же Гердеру «жалкое» состояние Германии мыслитель объяснял тем, что немцы в течение всей своей истории вынуждены были защищать и обустривать Европу, заниматься развитием наук и искусств у других народов, вследствие чего не уделяли должного внимания обустройству собственного дома.

С мотивом борьбы против внешнего агрессора в значительной мере был связан Германский миф о герое, который воплощал все положительные качества, с которыми ассоциировало себя немецкое общество. Таким героем после повторного открытия «Анналов» Тацита в 1509 г. и позднее манускрипта с «Римской историей» Гая Веллея Патеркула стал вождь германского племени херусков Арминий, который в 9 г. н. э. нанес сокрушительное поражение римским легионам Публия Квинтилия

Вара, тем самым предотвратив продвижение Римской империи на восток.

Представляется, что акцент на фигуре вождя херусков Арминия был сделан не в последнюю очередь именно из-за его противостояния Римской империи, что в реалиях XVI в. осмыслялось как противостояние протестантских княжеств притязаниям римско-католической церкви и Империи. Тем самым почитание Арминия стало частью протестантской культуры, а он сам – фигурой, вокруг которой осуществлялась мобилизация немцев в периоды внешней и внутренней опасности вплоть до XX в., причем как в ФРГ, так и в ГДР. В этой связи немецкий политолог Г. Мюнклер писал: «Как только разгорались споры об интересах немецкой нации, о свободе и единстве немецкого народа – сразу всплывал Арминий. Политикам он был нужен, когда являлись “враги”: либо внешние, такие как Рим, Франция или Польша в определенные исторические периоды, либо внутренние – например, евреи. Причем в интерпретации политиков образ Арминия никогда не был самостоятельным, он блекнет без неприятеля, антагониста. Даже в ГДР он был первым “революционером”, борцом за классовую справедливость, противником “римского империализма”» [Münkler 2009, 5].

Однако общегерманское значение образу Арминия (в немецком переводе Германа) было придано только в XVIII веке. В 1743 г. поэт Иоганн Элиас Шлегель создал трагедию «Герман», которая считается первой немецкой национальной драмой. Шесть лет спустя автор «Оснабрюкской истории» Юстус Мёзер представил публике эпическую драму «Арминий», в которой попытался представить древних германцев, в пику Тациту, в качестве цивилизованного народа. Наконец, в 1769–1787 гг. рождается трилогия Фридриха Готтлиба Клопштока «Бардиты», состоящая из трех пьес («Битва Германа», «Герман и князя», «Смерть Германа»), в которых Арминий / Герман предстает в качестве объединителя немецких земель, павшего в неравной борьбе против предателей-вождей, продавших немецкую свободу римлянам. Здесь необходимо согласиться с российским исследователем Я.Ю. Межеричкиным, который отмечал: «Лучшие умы в историческом споре с соседями

пытались найти контраргументы в далеком прошлом, и Арминий, разгромивший римлян, был самым убедительным из них. Выросшая на этом энтузиазме литература XVIII в. трансформировала исторический факт в миф: Арминий, предводитель германцев, “вырос” в народного немецкого героя, основателя нации Германа» [Межеричкий 2009, 81].

В XIX в., в период расцвета немецкого национального сознания, фигура Арминия / Германа приобретает особый статус. В 1838 г. начинается строительство памятника Арминию на горе Гротенбург у г. Детмольда. Открытый только в 1875 г. памятник был обращен в сторону извечного противника Германии – Франции. В первой половине XX в. образ Арминия также активно использовался, «внося свою лепту в шовинистические настроения, характерные для Германии перед Первой мировой войной. И в межвоенный период образ Арминия продолжал эксплуатироваться националистической пропагандой» [Парфенов, Плеве, Лобачева 2012, 4]. В 1924 г. выходит в свет «Битва Германа. Величественная картина далекого прошлого Германии», в котором очевидным образом сравниваются образ Германии, одержавшей победу над римскими легионами, и образ Германии, униженной «Версальским договором».

В нацистский период официальные власти Германии относились к фигуре Арминия противоречиво. С одной стороны, его образ использовался в национал-социалистической пропаганде. В период 1933–1938 гг. было выпущено множество открыток, в которых сочетались образ Арминия и нацистская символика. На ряде пропагандистских плакатов образ Гитлера откровенно сливался с образом древнего германца, а усилия нацистского режима по преодолению последствий Версальского мирного договора отождествлялись с победами древних германцев над римлянами. Так, на одной из открыток с изображением А. Гитлера, взметнувшего руку в нацистском приветствии на фоне памятника Арминию, красовалась надпись: «Там, где когда-то был вождь германцев, немецкая земля освобождалась от врага! Развевайтесь победные знамена Гитлера, мощно идущего в новое время» [Киряева 2020, 107]. С другой стороны, официальные лица Третьего рейха относились к

фигуре Арминия достаточно прохладно. Например, в 1933 г. министр пропаганды Геббельс отказал в прошении детмольдского мэра утвердить памятник Арминию в качестве «национального места паломничества» [Engelbert 1975, 131]. В 1936 г. памятник был вычеркнут из программы государственного визита итальянского дуче Б. Муссолини, якобы из-за того, что созерцание фигуры победителя римских легионов могло оказать неблагоприятное воздействие на эмоциональное состояние итальянского диктатора, мнившего себя наследником римских цезарей. Порой даже появлялись открытки, в которых деятели Третьего рейха противопоставлялись фигуре Арминия [Киряева 2020, 108].

Тем не менее по окончании Второй мировой войны образ Арминия подвергся своеобразной денацификации. В 1950 г. в свет вышла книга немецкого историка Г. Кестинга «Освободитель Арминий в свете исторической традиции», выдержавшая более 16 изданий, что говорит о ее востребованности. В своем историческом трактате Кестинг акцентировал внимание на таком последствии победы Арминия над римскими легионами, как недопущение покорения Германии Римом и спасения германской культуры от поглощения римской культурой (в отличие от Галлии, которая была Римом покорена). В качестве апологии Арминия Кестинг приводил слова безымянного английского полковника, который в 1948 г. якобы указывал на позитивную роль Арминия в спасении английского языка и расы [Losemann, 1994].

В настоящее время использование образа Арминия носит все столь же противоречивый характер. С одной стороны, Арминий в сочетании с призывом «вышвырнуть всех иностранцев из Германии» появляется на неонацистских листовках. С другой стороны, в 2009 г. в рамках празднования 2000-летия разгрома римских легионов в Тевтобургском лесу немецкая и французская делегации отдали дань памяти Арминию – несмотря на тот факт, что образ Арминия использовался и в антифранцузской пропаганде [Межерицкий 2009, 82].

Впрочем, и сама Франция формировала не менее значимый миф о «престижных предках», вокруг которого строилась французская идентичность, а именно Кельтский миф. Хотя

Кельтский миф не является исключительно собственностью французов (в отличие от Германского мифа, который развивался исключительно в рамках немецкой нации), тем не менее именно во Франции он приобрел влияние, уравновесив Германский миф.

Как было показано выше, вопрос о галлах как предках французов ставился французскими историками еще в XVI–XVII вв. как аргумент в пользу великодержавных амбиций французских королей. Однако в силу того, что вопрос о единой идентичности населения французского королевства как таковой отсутствовал, дискуссии о том, происходили ли французы от галлов или франков, а может быть от римлян, какая часть их крови была римской, а какая варварской и т. п. не выходили за рамки узкой группы интеллектуалов, обслуживавших идеологические потребности французского королевского двора. Но все изменила Великая французская революция, в рамках которой вопрос о галльском происхождении представителей Третьего сословия был поставлен достаточно остро аббатом де Сийесом, возведшим Третье сословие к галлам и отождествившим его с нацией. С этого момента вопрос о предках современных французов был практически решен. Так, в 1799 г. французский академик Легран Д’Осси в рамках дебатов по Закону об охране древних памятников откровенно заявлял, что охране подлежат только галльские погребения, тогда как римские погребения «не принадлежали к культуре наших предков и являются... чужеродными памятниками» [Шнирельман 2007, 456]. Спустя шесть лет, в 1805 г., император Наполеон Бонапарт создал Кельтскую Академию. Академией были инициированы исследования, направленные на поиск «этнических границ» кельтской Европы. Безусловно, не последнюю роль в деятельности Академии играло стремление имперских властей обнаружить древние подтверждения территориальных претензий наполеоновской Франции, но как бы то ни было, Кельтский миф приобрел влияние, несмотря на те противоречия для французской идентичности, которые он породил.

Противоречия эти, как указывает В.А. Шнирельман, опирались на противоречивости внутреннего содержания Кельтского мифа и тех целей, которым он должен был слу-

жить. В то время как Франция начала XIX в. «жила универсальными ценностями и создавала гражданскую нацию» [Шнирельман 2007, 465], Кельтский миф с его акцентом на генетических предках французов в большей мере соответствовал проекту «этнического национализма», возводящего в абсолют чистоту крови. Тем не менее, несмотря на указанное противоречие, французские историки периода Реставрации и Июньской монархии активно пропагандировали галлов в качестве предков современных французов. При этом они акцентировали внимание не столько на прямой генетической линии преемственности французов от античных галлов, сколько на преемственности от них духа свободолюбия. Наиболее активно эта тема прорабатывалась историком О. Тьерри, который в своей «Истории Французской революции» проводил параллели между освобождением галлов от теократии друидов и освобождением французов от власти аристократов. Именно О. Тьерри создал образ Верцингеторикса как освободителя галлов, а самих галлов сделал носителями того духа свободы, который практически без изменений был воспринят французским народом XIX века.

Однако только после Франко-прусской войны 1870 г. Кельтский миф приобрел силу, позволившую ему вытеснить из общественного дискурса вопрос о германских предках французов и «образ римской Галлии». Следует отметить, что последний был достаточно влиятелен в период Второй империи. Хотя Император Наполеон III уделял большое внимание археологическим раскопкам на местах галльских поселений (в частности, им были профинансированы раскопки в крепости Алезия (1861 г.), в Жерговии (1862 г.) и в Бибракте (1867 г.)), а также в 1865 г. возвел памятник Верцингеториксу в Алезии, но для образованного класса Франции было очевидно, кто именно принес в Галлию «цивилизацию», которой так гордились французы.

После Франко-прусской войны 1870 г. фраза «наши предки галлы» стала обязательной мантрой для любого образованного француза, а вопрос об отце французской нации предполагал однозначный ответ – Верцингеторикс. Именно в период Третьей республики «улицы и площади Парижа начали переимено-

вываться и обретать галльские имена; многие другие города украсились скульптурами, изображавшими галлов. Галлам было посвящено бесчисленное множество художественных произведений, пьес, военных исследований» [Шнирельман 2007, 466].

Интерес к галлам снова поднял вопрос об этнической и гражданской основе французской нации, а также о тех ценностях, что должны служить основой французского самосознания. И если значимость галльского наследия для самосознания французов не подвергалась сомнению, то вопрос об этническом происхождении как основании для осознания себя французом стоял достаточно остро. Так, например, археолог Ж. Туттен настаивал на том, что этническая чистота галлов была сохранена римским завоеванием. В случае если бы римлянам не удалось бы покорить галлов, этническая чистота галльского племени была бы уничтожена «ужасными германцами». Туттена поддерживал видный французский анатом Катрфадж, видевший в современных ему немцах продукт расового смешения «финно-славянского происхождения». Видный французский историк К. Жулиан, преподаватель Коллеж де Франс, откровенно отождествлял кельтов и современных французов. Не столь бескомпромиссно, но в том же русле рассуждал и куратор Музея в Сен-Жермене историк А. Юбер, который хотя и выступал жестким критиком расового подхода, тем не менее видел в галлах этническую подоснову французской нации. Также необходимо указать и Шарля Морраса, одного из виднейших деятелей ультраправого движения во Франции межвоенного периода, утверждавшего существование «латинской расы», сформировавшейся на основе галло-римского симбиоза и легшей в основу французской нации [Davies 1981; Dietler 1994].

Военно-политическое поражение Франции в 1940 г. дало новый импульс развития Кельтского мифа. В период «режима Виши» было организовано несколько церемоний, направленных на поддержку духа французской нации. Так, в 1942 г. руководитель правительства Виши маршал Петен в местечке Жерговия инициировал общенациональную церемонию, в рамках которой были доставлены мешочки земли из всех французских департаментов.

В ходе церемонии сам Пэтен отождествлял себя с Верцингеториксом, что подтверждали выступавшие на церемонии ораторы. Без сомнения, целью церемонии было утверждение культа личности Пэтена, но одновременно и утверждение галльского происхождения французской нации. Тем более, что на подконтрольной нацистам территории Франции в 1940 г. развернулись масштабные археологические раскопки, имевшие целью подтвердить тот факт, что еще до прихода римлян территорию Франции населяли племена германцев, которые «окультуривали» племена диких галлов.

Вместе с тем нельзя не отметить досаточно противоречивое отношение к образу Верцингеторикса со стороны «режима Виши», которое, можно сказать, являло собой зеркальное отображение отношения нацистского режима к образу Арминия. И несмотря на масштабные церемонии, именно при «режиме Виши» многие статуи Верцингеторикса были сняты с постаментов и отправлены в переплавку.

В послевоенный период Кельтский миф пережил второе рождение, став важным элементом утверждения Францией своего национального суверенитета. Так, в 1985 г. президентом Франции Ф. Миттераном были инициированы раскопки на месте галльской крепости Бибракте, которые уже в 1990-х гг. стали «местом паломничества туристов и археологов», а также «региональным центром ежегодных друидских праздников» [Шнирельман 2007, 469]. Ряд французских политиков (Валери Жискар Д'Эстен и Жак Ширак) начинали свои избирательные кампании в Жерговии, а лидер «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пен одну из своих наиболее знаковых анти-мигрантских пресс-конференций, сделавших его политиком национального масштаба, провел в Алезии. Равным образом и современные Новые правые Франции «склонны подчеркивать свои кельтские корни и ценность дохристианских политеистических религий» [Шнирельман 2007, 468].

Вместе с тем следует отметить, что в отличие от Германского мифа, который носил строго партикуляристский характер, Кельтский миф содержал в себе элементы универсализма, которые позволили ему претендовать на формирование основы идентичности Евро-

пейского союза. Причина этого имеет как объективный, так и субъективный характер. Объективный характер универсальности Кельтского мифа состоит в том, что исторически кельты действительно населяли большую часть Западной и Центральной Европы, что как бы предопределяет историческое единство Европейского союза. Субъективно же Кельтский миф в отличие от Германского мифа (в значительной степени дискредитированного нацистами) воспринимается как универсальный, выстроенный на гражданских ценностях свободы, демократии и мирного сосуществования.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в 1990-е гг. Кельтский миф приобрел сепаратистский оттенок. Так, в мае 1999 г. в Ольстере (Северная Ирландия) ольстерские шотландцы (олланы) провели манифестацию, заявив о своей преданности шотландской культурной традиции. В Уэльсе в 1990-х гг. был инициирован процесс культивирования кельтской автотонности. Во Франции Бретань настаивает на своей культурной самобытности, и в 1977 г. между правительством Франции и Бретанью была подписана Культурная хартия, в которой закреплено обязательство Франции гарантировать свободное развитие Бретани, бретонского языка, а также культурную самобытность региона. В Италии националисты из «Лиги Севера» апеллируют к Кельтскому мифу с целью доказать принципиальное различие между Севером и Югом Италии. Идеологами «Лиги Севера» «кельты рисуются храбрым, независимым народом, жившим в условиях полной демократии и знавшим федеративное устройство общества. <...> Все это будто бы было перечеркнуто римлянами, которые выглядят в глазах Лиги жестокими колонизаторами, покорившими местное население, латинизировавшими его и заставившими подчиняться центральной власти Рима» [Шнирельман 2007, 477]. Наконец, в Испании Кельтский миф стал основой республиканской идентичности, противопоставленной «иберийским» националистам франкистского толка. В современной Испании Кельтский миф активно используется в качестве питательной среды для региональных идентичностей (баски, каталонцы и т. д.), которые находят в нем историческую подоснову для своей самобытно-

сти (несмотря на тот факт, что нет никаких археологических доказательств того, что кельтские племена когда-либо населяли территории современной Испании) [Ruiz Zapatero, 1996].

В заключение следует отметить, что Кельтский и Германский мифы сыграли значительную роль в формировании национальной идентичности французов и немцев соответственно. Хотя оба мифа обращаются к историческим фактам, каждый из них строит собственное «прошлое» с опорой на коллективную память и социальные конструкты, которые зачастую не имеют прямого отношения к реальной истории. Например, образ Арминия в Германии включал целую палитру смыслов – от символа противостояния Римской империи до фигуры, используемой для мобилизации немцев в разные исторические периоды, включая времена внешней и внутренней опасности. Однако пластичность национальных мифов обуславливала и их внутреннюю противоречивость. Германский миф использовался в период Второго и Третьего рейхов в качестве основы объединения немецкой нации перед лицом внешней опасности, но одновременно некоторые его аспекты замалчивались в угоду внешнеполитическим требованиям. В случае Кельтского мифа противоречия возникали из-за разницы между этническим национализмом и универсальными ценностями, провозглашаемыми французским государством. Подобная противоречивость сохраняется и поныне. Кельтский миф, с одной стороны, служит основой для формирования единой идентичности Евросоюза, а с другой стороны, используется сепаратистскими группами (баски, каталонцы, шотландцы) для обоснования необходимости завоевания автономии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гердер 1977 – *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- Заиченко 2016 – *Заиченко О.И.* «Германский миф»: немецкие интеллектуалы в поисках «общего прошлого» и национальной идентичности // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 305–335.
- Киряева 2020 – *Киряева А.А.* Образ Арминия Херуского в немецких почтовых открытках первой половины XX века // Вопросы студенческой науки. 2020. № 9 (49). С. 103–109.
- Межеричкий 2009 – *Межеричкий Я.Ю.* Римская экспансия в Правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н. э. // Норция. Воронеж: ИПЦ ВГУ. 2009. С. 80–111.
- Парфенов, Плева, Лобачева 2012 – *Парфенов В.Н., Плева И.Р., Лобачева Г.В.* Арминий и «Германский миф» к логике политического мифотворчества // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 1–8.
- Шнирельман 2007 – *Шнирельман В.А.* Единая Европа и соблазн кельтского мифа // Национализм в мировой истории. М.: Наука. 2007. С. 452–487.
- Шнирельман 1995 – *Шнирельман В.А.* Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 3–13.
- Bottici, Challand 2015 – *Bottici C., Challand B.* Imagining Europe: Myth, Memory and Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Davies 1981 – *Davies A.T.* The Aryan Myth: Its Religious Significance // Studies in Religion. 1981. Vol. 10, № 3. P. 296–297.
- Dietler 1994 – *Dietler M.* «Our Ancestors the Gauls»: Archeology, Ethnic Nationalism and the Manipulation of the Celtic Identity in Modern Europe // American Anthropologist. 1994. Vol. 96, № 3. P. 585–586.
- Engelbert 1975 – *Engelbert G.* Ein Jahrhundert Hermannsdenkmal 1875 – 1975. Detmold: Naturwiss. u. Histor. Verein f. d. Land Lippe, 1975.
- Foucault 1978 – *Foucault M.* Politics and the Study of Discourse // The Foucault Effect. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. P. 53–72.
- Losemann 1994 – *Losemann V.* “Varuskatastrophe” und “Befreiungstat” des Arminius. Die Germanienpolitik des Augustus in antiker und moderner Sicht // Varusschlacht und Germanenmythos. Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland. Oldenburg: o.J. (Sonderdruck), 1994. S. 25–44.
- Misztal 2003 – *Misztal B.A.* Theories of Social Remembering. Theorizing Society Series. Maidenhead: Open University Press, 2003.
- Münkler 2009 – *Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin: Rowohlt, 2009.
- Ruiz Zapatero 1996 – *Ruiz Zapatero G.* Celts and Iberians. Ideological Manipulations in Spanish Archeology // Cultural Identity and Archeology. The Construction of European Communities. L.: Routledge, 1996. P. 179–195.

REFERENCES

- Herder I.G., 1977. *Ideas for the Philosophy of Human History*. Moscow, Nauka Publ.
- Zaichenko O.I., 2016. The German Myth: German Intellectuals in Search of the “Shared Past” and National Identity. *Dialog so vremenem*, vol. 54, pp. 305-335.
- Kiryaeva A.A., 2020. The Image of Arminius of Cherus in German Postcards of the First Half of the 20th Century. *Voprosy studencheskoj nauki*, no. 9 (49), pp. 103-109.
- Mezheritsky Ya. Yu., 2009. Roman Expansion in Right-Bank Germany and the Death of Varus’ Legions in 9 AD. *Norciya*. Voronezh, IPC VGU, pp. 80-111.
- Parfenov V.N., Plehve I.R., Lobacheva G.V., 2012. Arminius and the “Germanic Myth” to the Logic of Political Myth-Making. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 3, pp. 1-8.
- Shnirelman V.A., 2007. United Europe and the Temptation of the Celtic Myth. *Nacionalizm v mirovoj istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 452-487.
- Shnirelman V.A., 1995. Nationalist Myth: Main Characteristics (Based on the Ethnogenetic Versions of the East Slavic Peoples). *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 3-13.
- Bottici C., Challand B., 2015. *Imagining Europe: Myth, Memory and Identity*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Davies A.T., 1981. The Aryan Myth: Its Religious Significance. *Studies in Religion*, vol. 10, no. 3, pp. 296-297.
- Dietler M., 1994. “Our Ancestors the Gauls”: Archeology, Ethnic Nationalism and the Manipulation of the Celtic Identity in Modern Europe. *American Anthropologist*, vol. 96, no. 3, pp. 585-586.
- Engelbert G., 1975. *Ein Jahrhundert Hermannsdenkmal 1875–1975*. Detmold, Naturwiss. u. Histor. Verein f. d. Land Lippe.
- Foucault M., 1991. Politics and the Study of Discourse. *The Foucault Effect*. Chicago, The University of Chicago Press, pp. 53-72.
- Losemann V., 1994. “Varuskatastrophe” und “Befreiungstat” des Arminius. Die Germanienpolitik des Augustus in antiker und moderner Sicht. *Varusschlacht und Germanenmythos. Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland*. Oldenburg, o.J. (Sonderdruck), S. 25-44.
- Misztal B.A., 2003. *Theories of Social Remembering. Theorizing Society Series*. Maidenhead, Open University Press.
- Münkler H., 2009. *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin, Rowohlt.
- Ruiz Zapatero G., 1996. Celts and Iberians. Ideological Manipulations in Spanish Archeology. *Cultural Identity and Archeology. The Construction of European Communities*. London, Routledge, pp. 179-195.

Information About the Author

Konstantin V. Arshin, Candidate of Sciences (Philosophy), Doctoral Student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St, 12, Bld. 1, 109240 Moscow, Russian Federation, Kosta-10@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

Информация об авторе

Константин Валерьевич Аршин, кандидат философских наук, докторант, Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская Федерация, Kosta-10@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.3>

UDC 130.2
LBC 87.52

Submitted: 19.02.2025
Accepted: 30.05.2025

ANTHROPOLOGY OF RATING. RATING AS A SYMBOLIC MACHINE OF CULTURE

Anastasia Yu. Marchenko

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Anton I. Shipitsin

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the cultural and anthropological analysis of the rating as a relatively young but significant phenomenon of modern culture and widespread social practice. The article analyzes the consequences of the influence of modernist attitudes on the formation of a modern personality type. The article describes the key characteristics of a person of postmodernity, among which the search for public approval, the desire for success, and the feeling of loneliness, frustration, fatigue, and the meaninglessness of being are highlighted. It is argued that one of the ways to gain subjectivity, power, and meaningfulness of life is the practice of creating and distributing various rating systems. The definition of the rating is given, and the elements of its structure are listed. The author's classification of rating systems is proposed using criteria such as object, subject, purpose, and audience. In the context of understanding the place and role of rating in modern culture and society, the key functions of this phenomenon have been identified and examined in detail: structuring social reality, socialization and social control, the formation of self-esteem and self-awareness, self-presentation and creative self-expression, and a measuring tool for various types of activities. Based on extensive empirical material, the analysis of the cultural specifics of the functioning of various rating systems and the reasons for their popularity, mutual influence, and inconsistency has been carried out. The complementarity of rating systems to each other, the dialectical interdependence of the subjective and objective in their functioning, and the susceptibility to distorting influences are noted. The high potential of the rating to act as an instrument of social justice, a form of direct democracy, and a grassroots initiative is emphasized. It is concluded that the growing number of ratings and their widespread use in all areas of social life have given rise to suspicion and distrust in the minds of modern people. An example of an attempt to artistically comprehend the influence of rating on people's relationships, their social status, and the distribution of material benefits is given.

Key words: rating, society, modern culture, personality, postmodernity, communication.

Citation. Marchenko A. Yu., Shipitsin A. I. Anthropology of Rating. Rating as a Symbolic Machine of Culture. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 22-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.3>

УДК 130.2
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 19.02.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

АНТРОПОЛОГИЯ РЕЙТИНГА. РЕЙТИНГ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ МАШИНА КУЛЬТУРЫ

Анастасия Юрьевна Марченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Антон Игоревич Шипицин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена культурно-антропологическому анализу рейтинга как относительно молодого, но значимого феномена современной культуры и распространенной социальной практики. Осуществлен анализ последствий влияния модернистских установок на формирование современного типа личности. Дается описание ключевых характеристик человека эпохи постмодерна, среди которых особо выделяются поиск общественного одобрения, стремление к успеху, чувство одиночества, разочарования, усталости, бессмысленности бытия. Утверждается, что одним из способов обретения субъектности, власти, осмысленности жизни является практика создания и распространения различного рода рейтинговых систем. Дается определение рейтинга, перечислены элементы его структуры. Предложена авторская классификация рейтинговых систем с использованием таких критериев, как объект, субъект, цель, аудитория. В контексте осмысления места и роли рейтинга в современной культуре и обществе выявлены и подробно рассмотрены ключевые функции данного феномена: структурирование социальной реальности, социализация и социальный контроль, формирование самооценки и самосознания, самопрезентация и творческое самовыражение, измерительный инструмент различных видов деятельности. На обширном эмпирическом материале осуществлен анализ культурной специфики функционирования различных рейтинговых систем, причин их популярности, взаимного влияния и противоречивости. Отмечена комплементарность рейтинговых систем друг другу, диалектическая взаимообусловленность субъективного и объективного в их функционировании, подверженность искажающим влияниям. Подчеркивается высокий потенциал рейтинга, позволяющий ему выступать в качестве инструмента социальной справедливости, формы прямой демократии и низовой инициативы. Делается вывод о том, что рост числа рейтингов и их массовое применение во всех областях социальной жизни породило в сознании современного человека установку на подозрительность и недоверие. Приводится пример попытки художественного осмысления влияния рейтинга на взаимоотношения людей, их социальный статус, распределение материальных благ.

Ключевые слова: рейтинг, общество, современная культура, личность, постмодерн, коммуникация.

Цитирование. Марченко А. Ю., Шипицин А. И. Антропология рейтинга. Рейтинг как символическая машина культуры // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 22–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.3>

Каждой культурной эпохе соответствует свой специфический тип личности. В свою очередь, знаковые достижения эпохи создаются личностями определенного типа. Человек эпохи постмодерна сложен для описания, но при этом определенные его характеристики проявляют себя со всей очевидностью и простотой. С одной стороны, современный человек с самого детства непрерывно занят поисками общественного одобрения, встраиванием в различного рода социальные иерархии и структуры коммуникации. Важнейшей формой социального взаимодействия становится процесс получения грамот, положительных оценок, эффективных контрактов, лайков, просмотров и подписок в соцсетях. С другой стороны, наш современник все больше тяготеет к бессмысленности идеологии консюмеризма и пресыщенности жизни исключительно «здесь и сейчас», стремится к ощущению подлинности и осмысленности собственного существования (хотя не всегда это стремление артикулировано и осознано), к поиску проблесков Бытия среди бесконечной повседневности бытия.

Эпоха модерна с присущими ей прогрессизмом, сциентизмом и оптимистическим

культуртрегерством пообещала своим наследникам многое: победу над смертельными болезнями и проникновение в тайны микро- и макромиров, межличностную гармонию и утопические проекты справедливого общественного мироустройства. Со всей очевидностью неоправдавшиеся ожидания не только породили эсхатологический алармизм, ресентимент и постапокалиптические настроения, но и сформировали человека невротического, фрустрированного, разочарованного в насущном и тоскующего по несбывшемуся. Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что в конечном итоге «постмодернизм в целом и постмодернистская концепция человека в частности представляют собой, в первую очередь, реакцию на закономерный и неизбежный кризис новоевропейского социокультурного проекта» [Пигалев 2017, 9].

Важным способом преодоления этой ущербности и бессилия, дающего иллюзию власти, приобщающего субъекта ранжирования к фантомному, но все же структурированию реальности, является, на наш взгляд, участие в создании и распространении различного рода *рейтингов*. Одним из популярных эпита-

тов для описания современного общества является «общество оценивания» или «общество аудита» [Dahler-Larsen 2012; Power 1997; Strathern 2000]. Субъект в подобном обществе считает себя вправе раздавать разного рода оценки и ставить «звезды» другим участникам социальных интеракций. Более того, зачастую он принуждается к этому тем или иным способом («пожалуйста, оцените качество оказанной вам услуги по данной шкале!»). Благодаря этой процедуре *homo evaluator* обретает долю субъектности, укореняя себя в Бытии.

Что же такое рейтинг? В строгом наукометрическом смысле *рейтинг* (rating – «оцени этот объект по шкале от 1 до 10 баллов») необходимо отличать от *ранжирования* (ranking – «вот 10 объектов, нужно расположить их от лучшего к худшему»). Тем не менее эти два процесса воспринимаются как элементы единого целого: общим является наличие в их структуре таких элементов, как объект и субъект ранжирования (коллективный или индивидуальный), его исходная установка, цели и набор критериев оценки, а также целевая аудитория, воспринимающая результат ранжирования и изменяющая под его воздействием свои планы и социальные стратегии. Потому для упрощения можно использовать только понятие «рейтинг», чаще употребляемое в отечественной культуре.

Говоря о разнообразии рейтингов, можно выделить несколько критериев их классификации. По *объекту* ранжирования рейтингованию может подлежать продукция человека, результаты деятельности (научные журналы, ценные бумаги), личности как носители определенных значимых статусов (политики, миллионеры, скандальные звезды, врачи в вашем районе), социальные институты (страны по уровню коррупции, регионы по уровню социального самочувствия, политические партии, рестораны, отели, высшие учебные заведения и т. п.).

В зависимости от *субъекта* ранжирования, рейтинги могут быть персональные (10 любимых книг известного бизнесмена или политика) и институционализированные (шортлист престижной книжной премии, номинанты на награду по мнению киноакадемии).

В зависимости от преследуемых *целей* рейтинги можно в рабочем порядке классифицировать на развлекательные, ресурсные

(распределение премий и надбавок, стипендиального фонда, финансирование вузов, принятие кадровых решений), просветительские. Также нельзя не упомянуть в данной связи о так называемых антирейтингах – ранжированных списках людей, предметов, явлений и т. п. с отрицательными качествами, основанных на результатах опросов общественного мнения и мнения экспертов. Антирейтинги зачастую являются инструментом «черного пиара» и выступают в качестве инструмента конкурентной борьбы.

Наконец, в зависимости от *целевой аудитории* рейтинги могут быть общедоступными и направленными на массовую аудиторию или сфокусированными на конкретной группе людей с определенными общими характеристиками. Например, суперпопулярный у киноманов рейтинг IMDb – Internet Movie Database IMDb, в переводе с английского «Интернет-база кинофильмов». В этой базе на начало 2025 г. собрана информация о более чем 7 млн фильмов и сериалов, а также более чем о 12 млн персоналий, связанных с кино и телевидением, – актерах, режиссерах, сценаристах и т. д. Принципиальной особенностью базы является возможность редактирования информации и выставления оценок любым зарегистрированным пользователем. Кроме того, рейтинги могут быть профессиональными (таковы, например, кредитные рейтинги, присваиваемые организациям специализированными рейтинговыми агентствами).

В рамках осмысления места и роли рейтинга в современной культуре попробуем выделить основные *функции* рейтинга как социокультурного явления. Во-первых, рейтинг через ранжирование ограниченных ресурсов структурирует социальную реальность. Как писал А.И. Пигалев, «культура как целостность предполагает согласованность как времени, так и пространства, наличие устойчивого хронотопа» [Пигалев 2001, 29]. Современный человек ощущает непрерывное ускорение исторического времени, протейность и симулятивность реальности, а следовательно, кризис традиционной идентичности. Невозможность классических способов «укоренения» в бытии влечет необходимость создания искусственной матрицы структурирования реальности через ее упрощение и оценивание.

Если определить культуру как «развернутое во времени и пространстве самоосуществление человека» [Шипулина, Шипулин 2016], можно сказать, что постоянное усложнение объективной реальности, с каждым десятилетием все менее поддающейся если не контролю, то хотя бы осознанию, вызывает потребность в упрощении способов осмысления этой реальности. Редукция многообразия к однонаправленному перечню позволяет создать иллюзию человекоразмерности и подвластности индивиду того или иного сегмента бытия. Задавая ту или иную систему критериев оценки, он выстраивает реальность определенным образом, исходя из своих представлений и насущных потребностей.

Современная культура вообще избегает сложности. Рейтинг выстраивает оцениваемые явления в одном направлении, сводя все разнообразие измерений, достоинств и недостатков к простой последовательности. Один из исследователей пишет: «Всякий рейтинг – это попытка оценить сложное явление одной цифрой. Сблудн максимально упростить ситуацию, чтобы получить простые ответы на простые вопросы: “так все плохо или хорошо?” и “а как у соседа?”» [Одинцов 2021, 36].

Вообще парадоксальность человека эпохи цифрового постмодерна проявляется в сочетании в нем, с одной стороны, подросткового максимализма, когда по каждому поводу необходимо иметь и непременно высказывать свое особое мнение, инфантильного стремления раздать оценки и навесить ярлыки, ощущая таким образом собственную значимость и власть через количество поставленных «звезд» и лайков («оцениваю, следовательно, существую»). С другой стороны, очевидна и своего рода усталость от классического понимания жизненного успеха, разочарование в идеологии консюмеризма и бескомпромиссного «достигаторства». Примером в данном случае может служить педагогический тренд на безоценочность. Современные продвинутые родители при желании похвалить ребенка отказываются от оценочных патерналистских высказываний («Молодец! Умница!»), стараясь способствовать формированию внутренней, а не только внешней мотивации. Первые отметки в школе в соответствии с современной практикой

в РФ принято ставить не ранее третьей четверти второго класса.

Во-вторых, социальная функция рейтинга связана с потребностью в социализации и социальном контроле: освоение и исполнение общественных норм, участие в воспроизводстве статусно-ролевой системы объективируется и становится измеримым в ходе получения определенных баллов, оценок или «звездочек». Пассажир или водитель такси, студент в ходе занятия, продавец маркетплейса ведут себя тем или иным образом во многом ради получения определенной оценки от партнера по коммуникации. Наиболее развитые институциональные формы функция социального контроля рейтинга приобрела в Китае, где активно разрабатывается и внедряется политика системы социального кредитования. Представляя собой широкую нормативную базу, предназначенную для представления отчетов о «благонадежности» частных лиц, корпораций и государственных структур по всему Китаю, система социального кредитования направлена на повышение уровня доверия (не только финансового) в китайском обществе. Подробный анализ того, как устроена и работает данная система и насколько оправданы обвинения в цифровой диктатуре и тотальном контроле над жизнью человека, представлен в статье «Китайская система социального кредитования: что это такое и как она функционирует?» [Donnelly web].

В-третьих, рейтинги играют немаловажную роль в формировании самооценки и самосознания. Наряду с другими параметрами, рейтинги задают систему координат для оценивания себя как успешного или не очень, успевающего или отстающего. Студент-отличник или высокорейтинговое агентство недвижимости зачастую позиционируют себя именно таким образом.

В-четвертых, рейтинги можно назвать одной из значимых форм саморепрезентации и творческого самовыражения, проявлением прямой демократии. При всей декларируемой демократизации различных сфер жизни, наш среднестатистический современник в реальности все меньше способен влиять на глобальные мировые тренды, процессы, происходящие в мире, собственном городе, а зачастую и в собственной семье. Участие в сис-

темах (взаимного или нет) оценивания позволяет индивиду выразить свое недовольство или, наоборот, поощрить партнера по коммуникации. «Пять звезд», поставленные пассажиром таксисту, а покупателем продавцу или парикмахеру, сегодня вполне заменяют традиционные чаевые, поскольку являются важнейшим фактором формирования репутации и позитивной узнаваемости.

В-пятых, всевозможные рейтинги, индексы и оценки являются важнейшим измерительным инструментом различных видов деятельности и социальных процессов. Современный тип капитализма с его ориентацией на менеджериальную эффективность и оптимальность диктует необходимость непрерывного оценивания ситуации с помощью разнообразных методик и подходов, сочетающих количественные и качественные, объективные и субъективные показатели. При этом используемые в управлении социальными процессами инструменты оценивания и сравнения претендуют на свою универсальность и объективность, поэтому активно внедряются в различные сферы деятельности – от бизнеса и производства до науки и искусства. Например, сегодня сложно представить российский вуз, который бы не стремился занять более высокое место в том или ином рейтинге университетов (мировом, национальном, профессиональном) и не внедрил в работу ученых и преподавателей те или иные показатели эффективности, как бы эта система оценивания не называлась – KPI (key performance indicator – «ключевые показатели эффективности») или «эффективный контракт». Преобразуя большие объемы информации в списки, схемы и таблицы, рейтинги помогают принимать адекватные ситуации управленческие решения, распределять ограниченные ресурсы, формировать положительный имидж, повышать конкурентоспособность организации.

Однако в погоне за экономической эффективностью рейтинги зачастую используются в качестве инструмента измерения успеха там, где их быть не должно, на что справедливо указывает М.В. Юрасова: «Требованием сегодняшнего дня являются простота, понятность и объективность оценки. Фактически встает вопрос о сведении любой сложной оценки к совокупности простых. Абсурдность

такой постановки очевидна как с точки зрения здравого смысла, так и с возвышенной философской точки зрения. Понятно, что не существует простой величины или совокупности простых величин для оценки работы врача или учителя точно так же, как и государственного управленца. Но есть требование общества, и ему как-то нужно соответствовать» [Юрасова 2017, 140].

Переходя от перечисления функций рейтинга к интерпретации его *культурной специфики* следует отметить, что при всей видимой несвязанности различных видов рейтинга они оказываются зачастую комплементарны друг другу. Персон, упоминающихся в рейтинге миллиардеров, легче встретить в пятизвездочных ресторанах и отелях, а не в придорожных кафе или бюджетных хостелах. Книжки и фильмы, разрекламированные блоггером-миллионником, с большей вероятностью приобретут статус бестселлеров и войдут, в свою очередь, в список номинантов престижной международной премии.

Рейтинги часто не только связаны между собой, но и взаимны. Яркий кейс – параллельное оценивание друг другом водителя и пассажира такси. У всех, кто хотя бы иногда пользуется услугами сервисов такси, есть тот или иной рейтинг, зависящий от того, как вы себя вели во время поездок. В конечном итоге рейтинг выступает в качестве инструмента социальной справедливости. К условно *хорошему* пассажиру такси приедет быстрее, и с большей долей вероятности машина будет более высокого класса и с не курящим в салоне водителем. Студент, исправно посещавший академические занятия, с большей долей вероятности будет получать стипендию. Продавец маркетплейса, предлагающий качественные товары и, следовательно, обладающий высоким рейтингом, скорее достигнет коммерческой рентабельности.

Рейтинг – постмодернистское, секулярное воплощение идеи социальной справедливости, проявление прямой демократии. Если официальная статистика может быть сфальсифицирована и не всегда заслуживает доверия, то *народный рейтинг* (если допустить его реальное существование) как проявление низовой инициативы выражает правдивое отношение людей к оцениваемому объекту, являясь инст-

рументом справедливого распределения социальных благ и элементом института репутации.

Безусловно, все знают цену рейтингам. Эта цена зачастую весьма невысока. Согласно популярному закону Кэмпбелла, «чем более какой-либо количественный социальный индикатор используется для принятия решений, тем больше он подвержен искажающим влияниям, извращая и нарушая социальные процессы, отслеживать которые он предназначен» [Campbell 1979, 85]. Организации, являющиеся объектами регулярного проводимого рейтингования, прикладывают все возможные усилия, вплоть до уголовно наказуемых, чтобы «подкрутить» те или иные показатели и таким образом поднять свою позицию в рейтинге, имея целью не столько объективно улучшить сервис или качество производимых товаров и услуг, сколько повысить шансы успешно выгладеть в общем списке. Но при этом даже делая скидку на эту симулятивность и потенциальную непрозрачность критериев и процедур ранжирования, мы в них участвуем, распространяем их и множим со все увеличивающейся скоростью. Вряд ли можно лучше описать этот парадокс, чем обратившись к сфере академического рейтинга. Студент-отличник, претендующий на все возможные виды поощрения, часто будет иметь свой высокий рейтинговый статус за счет усидчивости, трудолюбия и высокой посещаемости, а не за счет выдающегося интеллекта и способностей. В то же время его более талантливый и продвинутый в интеллектуальном отношении однокурсник может оказаться внизу рейтинговой таблицы из-за неидеальной посещаемости, природной лени или коммуникативной некомпетентности. При этом, как ни парадоксально, преподаватель при всем желании не может игнорировать необходимость их ранжировать именно таким образом, понимая всю условность и необъективность подобной рейтинговой оценки.

Кроме того, в соответствии с идеями классиков диалектики, рейтинги демонстрируют лабораторный образец ситуации перетекания субъективного в объективное и наоборот. Каждый отдельный посетитель ресторана вполне может быть несправедлив и пристрастен в его оценке, но если этих оценивших посетителей несколько сотен или тысяч

и большая их часть низко оценивает заведение, указывая на одни и те же проблемы, велика вероятность того, что очередной посетитель, не поверивший подобной оценке, также будет разочарован и солидарен с предшествующими критиками.

Перетекание объективного в субъективное также можно проиллюстрировать на общеизвестном примере зачетки, на которую сначала работает студент, а затем она «отвечает ему взаимностью». Преподаватель, видя высокий рейтинг студента, начинает относиться к нему как к заведомо одаренному, статья в высокорейтинговом рецензируемом журнале пользуется презумпцией доверия читателя, а спектакль в театре с более дорогими билетами, которые необходимо покупать заранее, обещает потенциальному зрителю большее удовольствие, чем спектакль студенческого театра миниатюр.

Переизбыток рейтингов в современной коммуникации можно проанализировать и в свете кризиса социального доверия. Происходит своеобразный аутсорсинг последнего: на смену ситуации, когда один из субъектов взаимодействия обладает репутацией (например, продавец товара или услуги), а второй (потенциальный покупатель) – в большей или меньшей степени доверяет этой репутации, приходит репутация как то, чем «владеет» вообще третья сторона (курирующая платформа): «IT-технологии и платформы сделали из репутации как чего-то неуловимого, но доступного и разделяемого всеми членами той или иной формальной или неформальной группы исчисляемую и прозрачную метрику, доступную любому пользователю» [Картавцев, Космарский 2021, 10].

Налицо никем не артикулированная, но интуитивно бесспорная *презумпция недоверия*. Если некто претендует на некоторый социальный успех – он априори обязан озаботиться наличием рейтинга. Не иметь рейтинга то же самое, что иметь низкий рейтинг. Никем не оцененные в «звездах» и отзывах гостиница, кафе, продавец на маркетплейсе вызывают подозрение как не заслуживающие доверия. Фильм, который никто не оценил на IMDb или Кинопоиске, вызывает обоснованное подозрение потенциального зрителя. Подозрительность как парадигма современного мышления проявляется в данном случае весьма ярко.

Такое социокультурное явление, как экспансия рейтингов в различные сферы жизни человека и общества представляет профессиональный интерес не только для ученых – философов, культурологов, социологов, – но и находит отражение в художественной культуре. Так, один из эпизодов популярного научно-фантастического сериала «Черное зеркало» под названием «Нырок» (режиссер Джо Райт, 2016) посвящен осмыслению последствий массового использования системы социального рейтинга на основе взаимных оценок пользователей социальных сетей. В несколько гиперболизированной, но при этом достоверной и эстетически выразительной форме показано влияние рейтинга на человеческие взаимоотношения, распределение материальных благ, социальный статус и место человека в обществе.

Сегодня, в условиях кризиса метанарративов, атомизации общества, социальной аномии, «сокращенного пребывания в настоящем» [Люббе 2016] рейтинг являет собой не просто прикладной инструмент управления социальными процессами, а символическую машину культуры, функционирование которой не исчерпывается утилитарными операциями оценки и сравнения товаров или услуг. Отличаясь многообразием форм, рейтинг играет значительно более важную, но в то же время неоднозначную роль в жизни человека и общества. Он имплицитно выполняет функции упорядочивания мира и структурирования социальной реальности посредством их упрощения; играет важную роль в социализации, социальном контроле и формировании самооценки индивида; является формой презентации и самовыражения; выступает инструментом социальной справедливости и прямой демократии; наделяет современного человека субъектностью, а его бытие – хоть каким-то смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Картавец, Космарский 2021 – *Картавец В.В., Космарский А.А.* Общество взаимного оценивания: как устроены и что скрывают современные системы рейтингования // Социодиггер. 2021. Т. 2, вып. 7 (12). С. 5–15.
- Люббе 2016 – *Люббе Г.* В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд-во ВШЭ, 2016.
- Одинцов 2021 – *Одинцов А.В.* «Черные ящики» и «сжатые» данные: почему рейтинги теряют значимость для бизнеса (на примере рейтинга системы здравоохранения) // Социодиггер. 2021. Т. 2, вып. 7 (12). С. 31–37.
- Пигалев 2001 – *Пигалев А. И.* Культура как целостность. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
- Пигалев 2017 – *Пигалев С. А.* Философские основания постмодернистского понимания человека // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 2. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.1>
- Шипулина, Шипулин 2016 – *Шипулина Н. Б., Шипулин В. Н.* Повседневная культура городов в современных urban studies // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. Т. 10, № 2. С. 103–106.
- Юрасова 2017 – *Юрасова М. В.* Рейтинг как инструмент измерения успеха: «за» и «против» // Вестник Московского ун-та. Серия 18, Социология и политология. 2017. № 2, С. 137–164.
- Campbell 1979 – *Campbell D. T.* Assessing the Impact of Planned Social Change // Evaluation and Program Planning. 1979. Vol. 2, iss. 1. P. 67–90.
- Dahler-Larsen 2012 – *Dahler-Larsen P.* The Evaluation Society. Stanford: Stanford University Press, 2012.
- Donnelly web – *Donnelly D.* China Social Credit System Explained – What is it & How Does it Work? [Horizons] // <https://joinhorizons.com/china-social-credit-system-explained/>
- Power 1997 – *Power M.* The Audit Society: Rituals of Verification. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Strathern 2000 – *Strathern M.* Audit Cultures: Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy. N.Y.: Routledge, 2000.

REFERENCES

- Kartavtsev V.V., Kosmarsky A.A., 2021. Mutual Measurement Society: How Modern Rating Systems Are Structured and What They Reveal. *Sociodigger*, vol. 2, iss. 7 (12), pp. 5-15.
- Lubbe G., 2016. *Keeping up with the Times. A Shortened Stay in the Present.* Moscow, Izd-vo VShE.
- Odintsov A.V., 2021. “Black Boxes” and “Compressed” Data: Why Ratings Are Losing Significance for Business (Using the Example of a Healthcare System Rating). *Sociodigger*, vol. 2, iss. 7 (12), pp. 31-37.
- Pigalev A.I., 2001. *Culture as Integrity.* Volgograd, Izd-vo VolGU.
- Pigalev S.A., 2017. Philosophical Foundations of the Postmodern Understanding of Man. *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.1>

- Shipulina N.B., Shipulin V.N., 2016. Everyday Culture of Cities in Modern Urbanism. *Vestnik Asociacii vuzov turizma i servisa*, vol. 10, no. 2, pp. 103-106.
- Yurasova M.V., 2017. Rating as a Tool for Measuring Success: Pros and Cons. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, no. 2, pp. 137-164.
- Campbell D.T., 1979. Assessing the Impact of Planned Social Change. *Evaluation and Program Planning*, vol. 2, iss. 1, pp. 67-90.
- Dahler-Larsen P., 2012. *The Evaluation Society*. Stanford, Stanford University Press.
- Donnelly D., 2024. China Social Credit System Explained – What Is It & How Does It Work? *Horizons*. URL: <https://joinhorizons.com/china-social-credit-system-explained/>
- Power M., 1997. *The Audit Society: Rituals of Verification*. Oxford, Oxford University Press.
- Strathern M., 2000. *Audit Cultures: Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy*. New York, Routledge.

Information About the Authors

Anastasia Yu. Marchenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Volgograd State Social and Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400131 Volgograd, Russian Federation, sundayk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-6830>

Anton I. Shipitsin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Volgograd State Social and Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400131 Volgograd, Russian Federation, ship81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9915-3191>

Информация об авторах

Анастасия Юрьевна Марченко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, sundayk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-6830>

Антон Игоревич Шипицин, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, ship81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9915-3191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.4>

UDC 1.128
LBC 87.52

Submitted: 22.10.2024
Accepted: 30.05.2025

LIFE STRATEGY IN RELIGIOUS CONTEXT: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE SUBJECTIVITY PROBLEM

Andrey I. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Tatiana G. Kalnitskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is a comprehensive interdisciplinary analysis of the genesis of the meaningful content of the term “life strategy.” This concept is considered from the point of view of the history of philosophy, psychology, and the philosophy and psychology of religion. According to the authors, life strategy is not just a psychological phenomenon but a complex phenomenon in which philosophical concepts of freedom, subjectivity, and determinism are combined with psychological mechanisms of self-regulation and goal-setting and, in the case of a believer, are transformed under the influence of religious views on the role of higher forces in human life. The authors of the article are to overcome the contradiction (which was identified by S.L. Rubinstein) between recognizing the transformative power of religious practices and limiting a person’s genuine creative activity to a religious worldview. To accomplish this task, the historical and philosophical foundations of the concept of life strategy were first identified through an analysis of the works of H. Wolf, V. Wundt, and V. Dilthey, as well as empirical research by S. Bühler. Second, the influence of dialectical Hegelian philosophy and neo-Kantianism on the development of psychological concepts of subjectivity and free will in the twentieth century was examined. Third, the theory of S.L. Rubinstein, who introduced the concepts of the “subject of life” and the “external through internal,” was considered in relation to the concept of life strategy. Fourth, the concept of life strategy developed by K.A. Abulkhanova-Slavskaya was reviewed, including its typology, structure, and criteria for effectiveness. Finally, the authors focused on describing the religious dimension of life strategy by analyzing the functions of religion as outlined by K. Pargament, who also developed a typology of believers’ attitudes regarding God’s involvement in resolving life problems.

Key words: life strategy, S.L. Rubinstein, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, K. Pargament, religious coping, cooperation with God.

Citation. Makarov A.I., Kalnitskaia T.G. Life Strategy in Religious Context: Philosophical and Psychological Analysis of the Subjectivity Problem. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 30-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.4>

УДК 1.128
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 22.10.2024
Дата принятия статьи: 30.05.2025

ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ КОНТЕКСТЕ: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОСТИ

Андрей Иванович Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Татьяна Григорьевна Кальницкая

Московский государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – комплексный междисциплинарный анализ содержательного наполнения понятия «жизненная стратегия». Это понятие рассматривается с точки зрения истории философии, психологии, философии и психологии религии. По мнению авторов, жизненная стратегия представляет собой не просто психологический феномен, но комплексное явление, в котором философские представления о свободе, субъектности и детерминизме соединяются с психологическими механизмами саморегуляции и целеполагания, а в случае верующего человека – трансформируются под влиянием религиозных взглядов на роль высших сил в человеческой жизни. Задача авторов статьи – преодолеть противоречие (которое было обозначено С.Л. Рубинштейном) между признанием трансформирующей силы религиозных практик и ограничением подлинной творческой активности человека религиозным мировоззрением. Для выполнения поставленной задачи, во-первых, были определены историко-философские основания концепции жизненной стратегии, что было сделано с помощью анализа работ Х. Вольфа, В. Вундта и В. Дильтея и данных эмпирических исследований Ш. Бюлера; во-вторых, было выявлено влияние диалектической гегелевской философии и неокантианства на формирование психологических концепций субъектности и свободы воли в XX в.; в-третьих, рассмотрена в аспекте концепции жизненной стратегии теория С.Л. Рубинштейна, который ввел понятие «субъект жизни» и принцип «внешнее через внутреннее»; в-четвертых, была рассмотрена концепция жизненной стратегии, развитая К.А. Абульхановой-Славской; и наконец авторы подробно остановились на описании религиозного измерения жизненной стратегии с привлечением анализа функций религии, проведенном К. Паргаментом, который также построил типологию установок верующих относительно участия Бога в разрешении жизненных проблем.

Ключевые слова: жизненная стратегия, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, К. Паргамент, религиозное совладание, со-работничество с Богом.

Цитирование. Макаров А. И., Кальницкая Т. Г. Жизненная стратегия в религиозном контексте: философско-психологический анализ проблемы субъектности // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 30–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.4>

В современной психологии концепция жизненных стратегий представляет собой одно из наиболее перспективных исследовательских направлений, позволяющих интегрировать философские, психологические и социальные аспекты человеческого бытия. Однако в контексте религиозного мировоззрения данная концепция обретает особую сложность и противоречивость, которую С.Л. Рубинштейн, один из основоположников субъектного подхода в отечественной психологии, обозначил еще в середине XX века. В труде «Человек и мир» он сформулировал принципиальное противоречие, с которым сталкивается религиозное понимание человеческой субъектности: с одной стороны, религиозные практики обладают значительной трансформирующей силой, влияющей на личность и ее отношение к миру, с другой – религиозное мировоззрение ограничивает подлинную творческую активность человека, перенося источник инициативы и ответственности в трансцендентную сферу. В современной психологии религии, особенно в работах американского исследователя религиозного совладания К. Паргамента, исследуются различные способы интеграции религиозных представлений и практик в

процессы жизненного планирования и преодоления трудностей. На наш взгляд, его типология религиозных копинг-стратегий и моделей взаимодействия с Богом (полная самостоятельность, полное делегирование ответственности и сотрудничество) позволяет по-новому взглянуть на сформулированную Рубинштейном проблему междисциплинарного исследования понятия жизненной стратегии через призму религиозности человека. Мы исходим из предположения, что жизненная стратегия представляет собой не просто психологический феномен, но и комплексное явление, в котором философские представления о свободе, субъектности и детерминизме соединяются с психологическими механизмами саморегуляции и целеполагания, а в случае верующего человека – трансформируются под влиянием религиозных взглядов на роль высших сил в человеческой жизни.

Идея о том, что человек может и должен быть творцом своего жизненного пути, проделала долгий путь от философских размышлений до конкретных психологических концепций. Философские предпосылки для понимания человека как стратега своей жизни можно найти в античности. В диалоге

«Федр» (246b) Платон уподобляет душу колеснице, где возница – разум управляет двумя конями – благородным (символизирующим часть души, в которой преобладают рассудительность, совесть и которая есть «друг истинного мнения» (253d)) и необузданным (символизирующим часть души, в которой преобладают неукротимость, своеволие и с которой нужно обходиться со всей строгостью), стремясь направить всю упряжку по верному пути [Платон 1993, 155, 164]. В Новое время эта идея обрела новое звучание. Значительное влияние на развитие представлений о взаимосвязи души и тела оказал Б. Спиноза. Рассматривая аффекты как изменения в способности тела к действию, он предвосхитил современные теории эмоций, подчеркивающие их адаптивную функцию. Его акцент на детерминированности психических процессов и стремление к рациональному пониманию человеческой природы повлияли на развитие научного подхода к психологии, основанного на принципах причинности и объективности. В то же время он писал, что человек, правильно пользующийся своим разумом, не может впасть в печаль, поскольку он познал Бога и в этом познании «пребывает в благе, которое представляет собой совокупность всех благ и в котором заключается вся полнота радости и наслаждения» [Спиноза 1957, 126]. Дж. Локк и его единомышленники подчеркивали важность опыта и чувственного восприятия в формировании знаний. Появляются первые идеи о важности воспитания детей, а также о возможности саморазвития и самовоспитания. Он пишет: «Девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, чем они есть, – добрыми или злыми, полезными или бесполезными, – благодаря своему воспитанию» [Локк 1987, 145].

Важной вехой стали труды Х. Вольфа, который в XVIII в. предпринял одну из первых попыток систематизации психологического знания, различая психологию «рациональную» и «эмпирическую». Рациональная психология, по Вольфу, опиралась на логические рассуждения и метафизические принципы, а эмпирическая должна была строиться на наблюдении и опыте. В труде «Эмпирическая психология» (1732) он не только ввел систематическую терминологию и классификацию

психических процессов, но и заложил методологические основания для последующего развития психологии. Идеи Вольфа получили развитие в работах И. Канта, который, с одной стороны, подверг критике рациональную психологию как метафизическую дисциплину, с другой – признал важность эмпирического изучения психических явлений. Кантианская традиция (особенно его учение о трансцендентальном субъекте и автономии личности, но также и педагогические работы) заложила философский фундамент для последующего понимания человека как активного деятеля, способного к самоопределению и конструированию собственного жизненного пути. «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» [Кант 1966, 25]. Эти слова стали не просто манифестом эпохи, но и заложили философский фундамент для понимания человека как субъекта, способного к осознанному построению собственной жизни.

В первой половине XIX в. произошло дальнейшее развитие эмпирической традиции в изучении психических процессов благодаря прогрессу физиологии. Исследования И. Мюллера, сформулировавшего закон специфической энергии органов чувств, а также работы Э. Вебера и Г. Фехнера, заложившие основы психофизики, создали важный методологический мост между философскими размышлениями и экспериментальным изучением психических процессов. Это развитие привело к возникновению физиологической психологии, предшествовавшей экспериментальной психологии В. Вундта.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась становлением научной психологии. В. Вундт, основав в 1879 г. первую психологическую лабораторию в Лейпциге, осуществил переход от философской психологии к эксперименталь-

ной науке. Однако сам Вундт сохранял связь с философской традицией, разделяя психологию на физиологическую, изучающую элементарные процессы сознания методом интроспекции, и «психологию народов» (*Völkerpsychologie*), исследующую высшие психические процессы через анализ продуктов культуры. Этот дуализм отражал более глубокое методологическое разделение, которое впоследствии оформилось в противопоставление естественнонаучного и гуманитарного подходов в психологии.

Критическая реакция на психологический атомизм Вундта привела к формированию альтернативных подходов, среди которых особое место занимает «понимающая психология» В. Дильтея. Представитель неокантианской традиции, он противопоставил объяснительной (естественно-научной) психологии описательную, утверждая, что психическая жизнь должна изучаться не через разложение на элементы, а в ее целостности и исторической обусловленности. Дильтей оперировал понятием «жизненного пути» (*Lebenslauf*) и подчеркивал значимость биографического метода в психологии, что стало важным шагом к формированию представлений о человеке как субъекте жизни [Дильтей 2004, 248].

Параллельно развивалась философская традиция немецкого идеализма (И.Г. Фихте, Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель), уделявшая особое внимание проблемам самопознания, свободы воли и диалектике субъект-объектных отношений. Эта традиция, особенно гегелевская диалектика с ее акцентом на деятельности и самореализации духа, стала впоследствии одним из источников формирования субъектного подхода в психологии, в том числе в работах С.Л. Рубинштейна.

Неокантианство, представленное работами В. Виндельбанда и Г. Риккерта, развивало идеи о методологическом различии между науками о природе и науками о культуре (или науками номотетическими и идиографическими). Эта дискуссия сыграла ключевую роль в становлении гуманитарного направления в психологии, акцентируя внимание на индивидуальности и своеобразии человеческой личности. С формированием гуманитарной парадигмы в психологии на рубеже XIX–XX вв. произошел переворот в понимании человека

как активного творца своей судьбы. Концепция «жизненной стратегии» и «стратегии поведения» формировалась не напрямую из философских идей, а через сложное взаимодействие различных психологических школ XX века.

На протяжении своей истории философия оперировала такими метафизическими категориями, как «свобода воли», «сущность человека», «смысл жизни». Прагматизм в лице У. Джеймса, Дж. Дьюи и феноменология в лице Э. Гуссерля предложили более операциональный подход к этим категориям, рассматривая их через призму конкретного опыта и интенциональности сознания. Работы немецкой исследовательницы Ш. Бюлер сыграли ключевую роль в переходе от философских концепций жизненного пути к их психологическому исследованию. В 1933 г. Бюлер опубликовала труд «Жизненный путь человека как психологическая проблема», в котором систематически исследовала жизненные истории людей, используя биографический метод, а также предложила рассматривать жизненный путь в единстве биологического, психологического и социального аспектов. Н.А. Логинова отмечает: «На большом эмпирическом материале ею было установлено, что, несмотря на индивидуальное своеобразие, существуют закономерности (“регулярности”) в сроках наступления оптимумов жизни в зависимости от соотношения духовных, “ментальных”, и биологических, “витальных”, тенденций. Были обнаружены также различные типы жизненного развития личности, а также была разработана концепция развития человека как процесса постепенного становления и изменения духовных целевых структур самосознания» [Логинова 1985, 104]. При этом самоопределение рассматривается как центральный механизм построения жизненного пути.

Теоретические наработки Ш. Бюлер были позитивно восприняты психологом, философом, впоследствии академиком АН СССР С.Л. Рубинштейном. В 1909–1913 гг. он получал образование в университетах Берлина, Марбурга (учился у Г. Когена, П. Наторпа) и Фрайбурга, в 1914 г. в Марбурге защитил диссертацию по философии «К проблеме метода», в которой подвергал критическому рассмотрению рационализм Г.В.Ф. Гегеля. В то же

время, как отмечает К.А. Абульханова-Славская, «гегелевская категория субъекта как источника активности, самодвижения и саморазвития сознания из гносеологической была преобразована С.Л. Рубинштейном в онтологическую путем раскрытия сознания как высшего, совершенного качества человека, занимающего центральное место в мире» [Абульханова 2005, 4]. Рубинштейн видел своей задачей поиск иного пути философии, который не впадал бы в крайности материализма и идеализма, и на этом пути обратился к феномену деятельности человека, его философским, психологическим и педагогическим аспектам. В небольшой работе «Принцип творческой самодеятельности» (1922) он критикует традиционное понимание объективности как независимости от познающего субъекта, показывая, что оно приводит либо к догматическому объективизму, либо к субъективному идеализму. Рубинштейн предлагает понимать объективность как внутреннюю завершенность системы знания, где все элементы определены через их взаимоотношения внутри этой системы. Конфликт между объективностью и конструктивной активностью познающего субъекта преодолевается, по мнению Рубинштейна, признанием того, что объективность включает творческую самодеятельность: «Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» [Рубинштейн 1986, 106]. Для нас, однако, крайне интересна следующая интуиция Рубинштейна относительно религии, сформулированная там же: задолго до современной педагогики мировые религии придерживались принципа «действия формируют сознание». Религиозные практики (ритуалы, молитвы, посты) были спроектированы не просто как внешнее исполнение обрядов, но как система действий, призванная трансформировать внутренний мир верующего, «породить соответствующее умонастроение» [Рубинштейн 1986, 106]. Однако Рубинштейн указывает на фундаментальное противоречие в религиозном мировоззрении. С одной стороны, религии стремились изме-

нить человека через его действия. С другой стороны, понимание Бога как абсолютного творца всего сущего не позволяло признать истинно творческую, преобразующую природу человеческой деятельности. Поэтому, полагает Рубинштейн, «действия, которые должны были служить проводниками божественного воздействия на человека, могли быть лишь символическими актами: как деяния они были чисто фиктивны» [Рубинштейн 1986, 106]. Верующий в такой системе остается пассивным «получателем божественной благодати», а не активным со-творцом реальности. В этом контексте творческая свобода создания личных ритуальных практик, ответственность за которую принимает на себя человек, способна, на наш взгляд, объяснить их развитие и популярность.

В посмертно изданной работе «Человек и мир» Рубинштейн вводит понятие «субъекта жизни». Он пишет: «Человек не только находится в определенном отношении к миру и определяется им, но и относится к миру и сам определяет это свое отношение, в чем и заключается сознательное самоопределение человека. Важна не только его обусловленность объективными условиями, но и различные позиции субъекта, понятой не субъективистически (то есть субъект против объекта), а как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации» [Рубинштейн 2003, 371]. Это понятие стало ключевым для понимания жизненной стратегии, поскольку связало философскую идею свободы с психологическими механизмами саморегуляции. Опираясь на Гегеля, Рубинштейн предложил диалектическое решение философской проблемы детерминизма и свободы воли, сформулировав принцип «внешнее через внутреннее», согласно которому внешние причины действуют через внутренние условия. Он пишет: «Сознательная регуляция, включающая и осознание окружающего, и действия, направленные на его изменения, – важное звено в развитии бытия. Отличительная особенность человека – “детерминированность через сознание”, иными словами, преломление мира и собственного действия через сознание, – вот основное для понимания проблемы свободы человека и детерминации бытия» [Рубинштейн 2003, 371].

К.А. Абульханова-Славская, ученица Л.С. Рубинштейна, в своих трудах завершила концептуальный переход от философии к психологии жизненного пути, сформулировав собственное понятие жизненной стратегии как «принципиальную, реализуемую в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [Абульханова-Славская 1991, 245]. Другими словами, это умение выстраивать свою жизненную стратегию, опираясь на личностные особенности и характер, а также находить баланс между внутренними потребностями и внешними обстоятельствами, преобразуя жизненные условия в соответствии с собственными ценностными ориентирами. При этом акцентируется взаимосвязь мышления и действий как интеграция внутреннего мира и внешней активности человека, тогда как «внутреннюю жизнь следует рассматривать как психологическую составляющую жизненного пути. Она не только отражает реальные события, но и сама является субъективной реальностью – жизнью» [Логинова 1985, 105].

Абульханова-Славская выделяет три основных типа жизненных стратегий: 1) стратегия благополучия (ориентация на удобство и комфорт, эвдемонизм); 2) стратегия достижения (ориентация на успех и признание, прагматизм); 3) стратегия самореализации (ориентация на творчество и развитие, перфекционизм). По мнению Абульхановой-Славской, «основную жизненную стратегию личность осуществляет только в качестве субъекта своей жизни» [Абульханова-Славская 1991, 129], и она представляет собой стратегию «поиска, обоснования и реализации своей личности в жизни путем соотношения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения» [Абульханова-Славская 1991, 129–130]. Стратегия жизни – это «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [Абульханова-Славская 1991, 130]. Через проживание жизненных стратегий происходит разрешение внутренних конфликтов. Человек

определяет сферы применения своих способностей и формы самовыражения, а также находит пути преодоления возникающих трудностей, благодаря которым выстраивает маршруты самореализации. При этом наличие жизненной стратегии личности свидетельствует о ее социально-психологической зрелости и способности решать жизненные противоречия [Абульханова-Славская 1991, 67].

Как отмечает Н.А. Логинова, «принцип жизнедеятельности, разрабатываемый К.А. Абульхановой-Славской, конкретизирует применительно к личности более общий принцип единства сознания и деятельности. Соответственно тому, как сознание формируется и проявляется в деятельности, в жизнедеятельности формируются и проявляются в качестве ее субъективных регуляторов интегральные, “вершинные” структуры личности – характер и талант, жизненная направленность и жизненный опыт» [Логинова 1985, 105]. Каждый индивид выстраивает свою уникальную модель взаимодействия с социальной средой, опираясь на понимание как открытых правил игры, так и неписаных законов общественного устройства. Процесс самоопределения включает в себя глубокую внутреннюю работу по осмыслению личных ресурсов и качеств, что в итоге определяет уникальное социальное положение человека. К.А. Абульханова-Славская подчеркивает, что центральная задача личностного развития заключается в создании собственной модели существования в социальном контексте, которая представляет собой динамичный процесс согласования внутренних потребностей с внешними условиями, результатом чего и становится индивидуальный стиль жизни.

Обращаясь к религиозному измерению жизненных стратегий, мы сталкиваемся с необходимостью методологического перехода от классических психологических концепций к современным подходам в психологии религии, осуществленного, в частности в работах американского исследователя религиозного совладания К. Паргамента. В работах Абульхановой-Славской жизненная стратегия представлена как способ разрешения фундаментального противоречия между социальными требованиями и индивидуальными потребностями личности. В дальнейших разработках

представителей школы Рубинштейна мы можем найти такое определение веры: «Вера – наиболее близкий оптимизму личностный конструкт, имеющий не только выраженную эмоционально-чувственную, но и мировоззренческую основу и наделенный способностью выходить за пределы данного, “наличного бытия” (С.Л. Рубинштейн) в пространство будущего как желаемого, оправданного и одновременно реально возможного» [Воловикова, Джидарьян 2018, 27]. На наш взгляд, исследования Паргамента органично дополняют эту концепцию, демонстрируя, как религия участвует в разрешении экзистенциальных противоречий человеческого бытия. Религиозное мировоззрение предлагает уникальные способы сопряжения метафизического и психологического измерений жизни, позволяя верующему интегрировать трансцендентное в повседневное. Когда мы рассматриваем эту концепцию в контексте религиозной жизни, мы обнаруживаем, что верующие люди опираются на дополнительные ресурсы при формировании своих жизненных стратегий. Переживая жизненные трудности, решая насущные проблемы, верующий человек обращается не только к религии, но и к группе единоверцев в поисках социальной поддержки. Поэтому жизненные стратегии будут определяться, во-первых, собственной системой ценностей, убеждений, намерений и действий, через призму которых рассматриваются проблемы; во-вторых, связью между людьми с общей идентичностью в общине единоверцев и социальной поддержкой в ней; в-третьих, представлениями о нормативном поведении, обусловленном вероучительными истинами о правильных отношениях между человеком и Творцом (высшим существом, вселенским разумом и т. п.). Паргамент описывает пять ключевых функций религиозного копинга: 1) поиск смысла травмирующих событий в более широком религиозном контексте; 2) возвращение себе контроля над ситуацией через религиозные практики; 3) обретение психологического комфорта посредством ощущения близости к Богу или высшим силам; 4) обоснование необходимости перемен в жизни, личностной трансформации; 5) стремление к близости с другими верующими и участию в религиозной общине [Pargament 1997, 181].

Религиозные жизненные стратегии носят конструктивный характер, проявляясь через духовное единение с принадлежащими той же вере, позитивную религиозную интерпретацию жизненных событий, обращение к духовным ресурсам для получения поддержки и др. Как отмечает отечественный исследователь духовного совладания Ф.М. Шаньков, в таком случае они приводят к повышению удовлетворенности жизнью, улучшению физического и психологического благополучия, уменьшают проявление депрессии [Шаньков 2016, 134]. В то же время необходимо отметить и деструктивный аспект религиозных жизненных стратегий, который может выражаться в гипертрофированном чувстве собственной греховности, восприятию Божества как карающей инстанции, объяснении трудных жизненных ситуаций воздействием демонических сил и т. п. При доминировании подобных установок в кризисных ситуациях наблюдаются усиление депрессивных и тревожных состояний, снижение физиологического благополучия, эмоциональное выгорание.

Немаловажной в контексте жизненных стратегий является типология установок верующего человека относительно участия Бога (высших сил) в его жизни, предложенная Паргаментом и его коллегами [Pargament et al. 2013]. Она включает три основные модели:

1. Ответственность за разрешение ситуации полностью перекладывается на высшие силы, Бога. Такая модель характеризуется подчиненностью, пассивностью, предоставлением решения проблем воле Бога. Эта установка, на наш взгляд, соответствует тому ограничению субъектности, которое отмечал С.Л. Рубинштейн.

2. Полная самостоятельность: согласно этой модели, Бог предоставил человеку все необходимое для разрешения проблемы, к Его помощи взывать излишне. Такая стратегия характеризуется стремлением решать проблемы собственными силами, сохраняя автономию даже в контексте религиозного мировоззрения.

3. Со-работничество: совместное с Богом решение проблемы. Эта модель представляет собой диалектический синтез, сочетающий идеи личной ответственности и божественного участия в человеческой жизни.

Именно третья модель, на наш взгляд, предлагает продуктивное разрешение противоречия, обозначенного Рубинштейном. В этой модели религиозность не ограничивает субъектность, но трансформирует ее, переводя в иное качественное состояние, где личная ответственность и инициатива соединяются с доверием высшим силам и ощущением поддержки со стороны трансцендентного. Субъектность человека, таким образом, претерпевает качественное преобразование, расширяющее возможности личностного развития.

Религиозное измерение жизненных стратегий не только не противоречит идее человека как субъекта жизни, развитой в отечественной психологической традиции, но при определенных условиях может способствовать более полной реализации этой субъектности.

Подведем краткие итоги нашего исследования. Анализ исторического развития представлений о субъектности – от рационализма Вольфа и критической философии Канта до неокантианства и гуманистической психологии – свидетельствует о глубинной связи между философскими концепциями свободы воли, автономии личности и психологическими моделями жизненных стратегий. Концепция субъекта жизни, разработанная С.Л. Рубинштейном и получившая дальнейшее развитие в трудах К.А. Абульхановой-Славской, создала теоретико-методологический фундамент для понимания человека как активного деятеля, способного к осознанному построению своего жизненного пути. Однако вопрос о реализации этой субъектности в контексте религиозного мировоззрения требовал дополнительного рассмотрения. Современные исследования в области психологии религии, в частности работы К. Паргамента, позволяют дифференцированно подходить к пониманию религиозности и ее влияния на жизненные стратегии. Религиозные жизненные стратегии могут быть позитивными – и в таком случае они приводят к повышению удовлетворенности жизнью, улучшению физического и психологического благополучия; могут быть негативными, приводя к возникновению тревоги, ухудшению здоровья, эмоциональному выгоранию. На наш взгляд, дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с более

детальным изучением конкретных механизмов формирования и реализации религиозных жизненных стратегий, их культурной и конфессиональной специфики, однако особенно важным представляется изучение возможности интеграции религиозных и психологических подходов к пониманию и развитию личностного потенциала человека. Продуктивное взаимодействие философских, психологических и религиоведческих подходов к изучению жизненных стратегий не только обогащает наше понимание человеческой личности, но и открывает новые возможности для междисциплинарных исследований в области гуманитарного знания, соответствуя глубинным традициям отечественной психологической школы, стремившейся к целостному пониманию человека в единстве его телесного, душевного и духовного бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова 2005 – *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4. С. 3–21.
- Абульханова-Славская 1991 – *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Воловикова, Джидарьян 2018 – *Воловикова М.И., Джидарьян И.А.* Развитие идей С.Л. Рубинштейна в исследованиях лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 1 (9). С. 20–42.
- Дильтей 2004 – *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004.
- Кант 1966 – *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Сочинения. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–36.
- Логинова 1985 – *Логинова Н.А.* Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 103–109.
- Локк 1987 – *Локк Дж.* Мысли о воспитании // Коменский Я.А., Локк Дж., Руссо Ж.Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1987. С. 145–178.
- Платон 1993 – *Платон.* Федр // Собраний сочинений. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.
- Рубинштейн 1986 – *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским

- основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. №4. С. 101–109.
- Рубинштейн 2003 – *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 282–427.
- Спиноза 1957 – *Спиноза Б.* Краткий трактат о боге, человеке и его счастье // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 67–172.
- Шаньков 2016 – *Шаньков Ф. М.* Обращение к духовному и религиозному совладанию в психотерапии. Обзор западных исследований // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 5. С. 151–177. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240509>
- Pargament 1997 – *Pargament K.* The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice. N. Y.: The Guilford Press.
- Pargament et al. 2013 – *Pargament K.I., Falb M.D., Ano G.G., Wachholtz A.B.* The Religious Dimension of Coping: Advances in Theory, Research, and Practice // Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality, 2nd ed. N. Y.: The Guilford Press, 2013, pp. 560–579.
- Dilthey W., 2004. Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit. *Sobranie sochineniy. V 6 t. T. 3.* Moscow, Tri kvadrata Publ.
- Kant I., 1966. Answer to the Question: What Is Enlightenment? *Sochineniya. V 6 t. T. 6.* Moscow, Mysl Publ., pp. 25-36.
- Loginova N.A., 1985. The Life Path of a Person as a Problem of Psychology. *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 103-109.
- Lokk J., 1987. Some Thoughts on Education. Komenskiy Ya.A., Lokk J., Russo Zh.-Zh., Pestalozzi I.G. *Pedagogicheskoye naslediyе.* Moscow, Pedagogika Publ., pp. 145-178.
- Platon, 1993. Fedr. *Sobraniy sochineniy. V 4 t. T. 2.* Moscow, Mysl Publ., pp. 135-191.
- Rubinshteyn S.L., 1986. The Principle of Creative Self-Activity (Towards the Philosophical Foundations of Modern Pedagogy). *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 101-109.
- Rubinshteyn S.L., 2003. Man and World. *Bytiye i soznaniye. Chelovek i mir.* Saint Petersburg, Piter Publ., pp. 282-427.
- Spinoza B., 1957. A Short Treatise on God, Man and His Happiness. *Izbrannyye proizvedeniya. V 2 t. T. 1.* Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., pp. 67-172.
- Shankov F.M., 2016. Appeal to Spiritual and Religious Coping in Psychotherapy: A Review of Western Research. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 24, no. 5, pp. 151-177. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240509>
- Pargament K., 1997. *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice.* New York, The Guilford Press.
- Pargament K.I., Falb M.D., Ano G.G., Wachholtz A.B. 2013. The Religious Dimension of Coping: Advances in Theory, Research, and Practice. Paloutzian R.F., Park C.L. (eds.). *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality.* New York, The Guilford Press, pp. 560-579.

REFERENCES

Abulkhanova K.A., 2005. The Subject Principle in Russian Psychology. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 2, no. 4, pp. 3-21.

Abulkhanova-Slavskaya K.A., 1991. *Life Strategy.* Moscow, Mysl Publ.

Volovikova M.I., Dzhidaryan I.A., 2018. Development of S.L. Rubinstein's Ideas in the Research of the Laboratory of Psychology of Personality of Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya*, vol. 3, no. 1 (9), pp. 20-42.

Information About the Authors

Andrey I. Makarov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarov_ai@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Tatiana G. Kalnitskaia, Postgraduate Student, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovsky, 27, Bld. 4, 119192 Moscow, Russian Federation, kalnitskaya.tata@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1279-2000>

Информация об авторах

Андрей Иванович Макаров, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarov_ai@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Татьяна Григорьевна Кальницкая, аспирант кафедры философии религии и религиоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация, kalnitskaya.tata@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1279-2000>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.5>

UDC 1(316)045
LBC 87.2

Submitted: 14.02.2025
Accepted: 30.05.2025

MASK OF SILENCE AS AN INTEGRAL PART OF AUTOCOMMUNICATION

Oksana A. Shtayn

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article exposes the capacity of the silent mask as a philosophical model of autocommunication. The relevance of the article lies in the fact that silence, as a necessary part of internal communication – a pause of self-knowledge, a thoughtful conversation with oneself – is not reduced to a simple ordering of consciousness. Silence takes consciousness out of stillness, out of the situation of initial archaic experience or philosophical wonder. Therefore, silence is not simply an interruption of the message; it is written over the stillness as an imperative of inner consideration and speech. This article aims to identify the mask of silence as linking archaic practices of socialization and contemporary practices of consciousness. The archaic mask establishes patterns of cultural consciousness, whereas contemporary consciousness brings out the original constituents of ultimate experience in these patterns. Therefore, archaic concentration, which presents itself as a mythic-ritual transcending of the self, is reflected in contemporary consciousness as a prescription of the initial conditions of finding one's identity. These initial conditions are the isolation of one's own, authentic in consciousness, which cannot be conveyed either in words or in silence; the self-creation of identity as orienting not only among experience but also among the learned facts of consciousness; and the relation to the facticity of communication as produced over stillness as the original static of being, which does not distinguish between fact and word. Autocommunication involves the acquisition of a kind of consciousness that cannot be reduced to individual mental acts or to two separate facts of consciousness. The disclosure of the facticity of consciousness determined the objectives of the paper: to consider the archaic mask as a primary image of collective self-consciousness, to show the reflexive potential of mytho-ritual complexes, and to identify how the horizon of historical consciousness moves in auto-communicative reflection and how the possibility of developing one's own system of historicization of lived experience arises. The conclusions reached in the article can apply to understanding the genres of philosophical work, its voice and questioning, as well as to criticizing the forms of individual and collective consciousness through a strict distinction between autocommunication and simple self-address or the use of communicative forms to organize the work of consciousness. Autocommunication as a tacit accounting of what is experienced and said is the alterity of the mask of silence.

Key words: mask, silence, stillness, archaic, communication, autocommunication, consciousness, cultural patterns of thinking.

Citation. Shtayn O.A. Mask of Silence as an Integral Part of Autocommunication. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 40-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.5>

УДК 1(316)045
ББК 87.2

Дата поступления статьи: 14.02.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

МАСКА МОЛЧАНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ АВТОКОММУНИКАЦИИ

Оксана Александровна Штайн

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается потенциал молчащей маски как философской модели автокоммуникации. Актуальность статьи состоит в том, что молчание как необходимая часть внутренней коммуникации, как пауза самопознания, как вдумчивый разговор с собой не сводится к простому ритмизированию сознания. Молчание выводит сознание из безмолвия, из ситуации начального архаического переживания

или философского удивления. Поэтому молчание не есть просто перерыв сообщения, оно пишется поверх безмолвия как императив внутреннего рассмотрения и речи. Цель статьи – выявить маску молчания как связывающую архаические практики социализации и современные практики сознания. Архаическая маска создаёт паттерны культурного сознания, тогда как современное сознание раскрывает исходные составляющие предельного опыта в этих паттернах. Поэтому архаическая концентрация, предьявляющая себя как мифоритуальный выход за пределы себя, отражается в современном сознании как прописывание исходных условий обретения своей идентичности. Эти исходные условия включают: вычленение собственного, аутентичного в сознании, что нельзя передать ни словом, ни молчанием; самосоздание идентичности как ориентирующей не только среди опыта, но и среди усвоенных фактов сознания; отношение к фактичности коммуникации как произведенной поверх безмолвия как изначальной статичности бытия, не различающей между фактом и словом. Автокоммуникация – это обретение той фактичности сознания, которая не сводится ни к отдельным данным по умолчанию актам сознания, ни к отдельным фактам сознания. Раскрытие фактичности сознания определило задачи работы: рассмотрение архаической маски как первообраза коллективного самосознания, раскрытие рефлексивного потенциала мифоритуальных комплексов, выявление того, как в автокоммуникативной рефлексии перемещается горизонт исторического сознания и возникает возможность создания собственной системы историзации пережитого. Полученные в статье выводы могут быть применены для понимания жанров философской работы, ее голоса и вопрошания, а также для критики форм индивидуального и коллективного сознания через строгое отличие автокоммуникации от простого обращения к себе или использования коммуникативных форм для организации работы сознания. Автокоммуникация как молчаливый учет пережитого и сказанного – инобытие маски молчания.

Ключевые слова: маска, молчание, безмолвие, архаика, коммуникация, автокоммуникация, сознание, культурные паттерны мышления.

Цитирование. Штайн О. А. Маска молчания как неотъемлемая часть автокоммуникации // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 40–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.5>

Загадкой остается поэтическое слово такого рода,
чей сказ давно уже возвратился в молчание.

М. Хайдеггер

Актуальность исследования вытекает из необходимости развития теории автокоммуникации в социальной философии. Молчание как необходимая часть внутренней коммуникации, как пауза самопознания, как вдумчивый разговор с собой не сводится к простому регулированию упорядочиванию сознания. Автокоммуникация как обращение к себе включает в себя не только высказывание, но и молчание, это часть индивидуального сознания. Молчание выводит сознание из безмолвия, из ситуации первичного архаического переживания или философского удивления. Поэтому молчание не есть просто прерывание сообщения, оно пишется поверх безмолвия как императив внутреннего *усмотрения и речи*.

Молчание – процесс формирования сознания и совести, базовое условие автокоммуницирования, а безмолвие, безмолвствование – коллективный вызов, покоящийся на исторических и мифологических основаниях. Безмолвие можно обнаружить во многих архаических культурах, в том числе в шаманском

камлании. Безмолвствование ритуально подержанное – встраивание в чужую автокоммуникацию. Ярким примером служат первобытные паттерны поведения, когда безмолвие настолько вызывающе, что заставляет участников ритуалов надеть маску, которая молчит за них.

Безмолвие – осознанный поступок, действие, вызывающее ответную реакцию (ответы сакральных сил или политических противников). Молчание – это право наравне с правом высказывания, которое осуществляет индивид, безмолвие – процесс коллективного волеизъявления и коллективного действия. Совершая обряды, племена создают действительность и пространство сакрального безмолвия, храня за щитом маски индивидуальный голос (вспомним употребляемое в языке он «хранит молчание» или «вы имеете право хранить молчание» в правиле Миранды, но в наши дни хранящие молчание «безмолвствуют лукаво»).

В архаике молчания как осознанной автокоммуникации еще не было, было безмолвие шаманизма как средство вызова сакральных сил, привлечения чужого голоса, обретения ответа, захвата внимания. Безмолвие

шамана помогало встроиться в сакральную автотелекоммуникацию. За маской пряталось лицо, взгляд осуществлялся тайком, через подсматривание, за маской таился собственный голос. Участники ритуалов во всеобщем безмолвии подслушивали голоса высших сил, обретая себя.

В современных исследованиях появилось понятие молчащей маски как медикалистское, означающее один из интерфейсов сурдообщения. Особое внимание такой маске уделяется в японской культуре и технологии [Igarashi, Futami, Muraо 2024], что можно объяснить культурной японской традицией изображения лица как повышенно информативного. Молчащая маска рассматривается исследователями либо с точки зрения молчаливого изготовления ее самим перформером в ряде архаических культур, когда через нее молчат начальные условия перформанса [van Beek 2022], либо с точки зрения особой *темной агентности* шамана, где не столько ритуальные действия шамана, сколько маска размечает дальнейший успех действия, символическое разрешение ситуации [Zorbas 2024]. Показательна недавняя дискуссия о сибирском шаманизме [Hall 2022]: следует ли понимать молчащую маску как проводника сил или как резонантный медиум. Очевидно, что на этот вопрос отвечает не антропология, а философия, в которой понятия *событие* и *ситуация* не сводятся к частностям быта. Можно попутно заметить, что тяжелое дыхание кинематографического Дарта Вейдера – как раз попытка осмыслить эту странную природу молчащей маски, которая выступает одновременно и как проводник злодейского замысла этого персонажа, и как резонатор его архаической природы.

Наиболее перспективным в антропологии оказывается рассмотрение маски как средоточия ритуальной жизни племени, переключаящегося с тишиной и ночью, благодаря чему можно не только организовывать социальную жизнь, но и вовремя переключать внимание племени на наказание преступников или сатирическое отношение к себе [Okoye 2021]. Тогда молчащая маска оборачивается экстатическим медиумом трансгрессивных решений племени и одновременно спокойным медиумом многозадачности, хотя ее природа при этом не проблематизируется философски.

Мы в философском анализе природы молчащей маски исходим не из отдельных актов молчания, но из реконструкции природы события средствами современной философии.

В академической истории философии и общенаучной методологии до середины XX в. (до развития критической эпистемологии) нормой было признание основной роли языка и знака в человеческой рациональности. Только язык как система самодостаточных знаний, с точки зрения лингвистики и семиотики, в силах «обслуживать» рациональное знание. Познавательная деятельность вершится вербально, не принимая в расчет иных средств человеческой выразительности и поступающей от них информации. Визуальные, аудиальные, тактильные, обонятельные, интуитивные каналы познания и поступления информации именовались в парадигме классической рациональности как «невербальные», указывая на первичность вербальной коммуникации.

Цель статьи – выявить *маску молчания* как связывающую архаические практики социализации и современные практики сознания. Архаическая маска создает паттерны культурного сознания, тогда как современное сознание раскрывает исходные составляющие предельного опыта через эти паттерны.

Социальные дискурсы устроены как последовательность знаков и реакций на них. Поэтому можно сказать, что эти дискурсы – характерные совокупности знаков, взятые как отраженные в личном поведении индивида в обществе. Они не просто задают границы манифестации индивида, они как бы оказываются *прописаны в его лице*, тогда как взгляд этого лица на другого стремится вернуть личное действие в область устойчиво принимаемых решений. Но *значимый другой* как адресат тоже воспринимает не только взгляд. Он прочитывает высказывания адресанта как отражения или слепки своего собственного поведения. Внешность адресанта он воспринимает как подтверждение своей, а не чужой точки зрения. В результате оба участника коммуникации совпадают в том, что воспринимаются друг другом в соответствии с заранее признанной социальной ролью. Социальные дискурсы расчерчивают место для каждого в социальной реальности, и это место оказывается непроницаемым. Индивид осуществ-

ляется в системе связей, имен, шаблонов и освоенных стратегий. Личное тогда оказывается не только по ту сторону привычного поведения, но и по ту сторону привычного дискурсивного осуществления.

Архаическая концентрация, предъявляющая себя как мифоритуальный выход за пределы себя, отражается в современном сознании как прописывание исходных условий обретения своей собственной идентичности. Эти исходные условия включают: вычленение собственного, аутентичного в сознании, не передаваемого ни словом, ни молчанием; формирование самоидентичности как ориентирующей лицо не только в области опыта, но и в области усвоенных фактов сознания; отношение к фактичности коммуникации как произведенной поверх безмолвия, признанного в качестве изначальной статичности бытия, не различающей между фактом и словом.

Социальная коммуникация может быть осмыслена как сцена власти, где власть как «власть языка» (Р. Барт) исполняет перформанс, представляет себя и разыгрывает себя в ожидаемом другими участниками коммуникации представлении. Социальные дискурсы тогда рутинизируют такое представление и захватывают в плен предрассудков всех участников коммуникации. Индивид становится единицей, функцией от знаковых систем. Функционирование индивида в этом случае отождествляется не с поступками, а с текущей включенностью в социальную реальность. Отношения социального дискурса оказываются и маршрутами такого включения, и маршрутами подтверждения включения.

Автокоммуникация – это обретение той *фактичности* сознания, которая не сводится ни к отдельным данным по умолчанию актам сознания, ни к единичным фактам сознания. Раскрытие фактичности сознания определило *задачи* работы: рассмотрение архаической маски как первообраза коллективного самосознания, раскрытие рефлексивного потенциала мифоритуальных комплексов, выявление того, как в автокоммуникативной рефлексии перемещается горизонт исторического сознания и открывается возможность создания собственной системы историзации пережитого.

Задачи определили *методы* исследования: систематическую интерпретацию фактов сознания в свете опытов активного выражения глубинного сознания от архаического ритуала до современных практик себя как императивных; критическое рассмотрение границ опыта как заданных паттернами коллективного сознания; интроспекцию, разоблачающую масочную сторону автокоммуникации.

Невербальные и вербальные аспекты коммуникации [Бушмакина 2009] устанавливают три аспекта своего социального осуществления: 1) массовая информация и коммуникация, где социальные институты задают пределы обмена информацией и принятия информации к сведению, 2) межличностная коммуникация (Я–Другой) и 3) автокоммуникация (Я–Я). В первом случае пределы не могут быть преодолены; во втором случае другой оказывается точкой, где предел пробивается, открывается намерение и мысль другого; в третьем случае Я как Другой обретает свою мысль как руководство к действию. В результате любого об(ра)щения: Я–социальный институт, Я–Другой или Я–Я, складывается коммуникативное пространство со своим порядком границ и точек пересечения – пространство *молвного и безмолвного* (вербального и невербального). Граница публичного высказывания оказывается точкой пересечения безмолвной мысли, и только автокоммуникация может сделать это пересечение частью поступка.

Безмолвное пространство социально по своей природе, в качестве границы оно удерживает щит, условную или прямую маску, разделяя публичную / приватную сферы. Молчание – это часть сознания, безмолвие – это вызов, начиная с шаманизма и архаических ритуальных практик. Молчание – способ форматирования сознания, основа автокоммуникации, а безмолвие – способ обретения в своей мысли чужой автокоммуникации, основа публичной социальной коммуникации.

Онтология молчащей маски

Молчание – это одно из онтологических условий «быть в маске». Коммуницировать с Другими люди научились постепенно, начав с архаического опыта коммуникации с высши-

ми силами. Коммуницировать с сакральными силами – значит убеждаться коллективно в значимости актуального исторического бытия. В древних космогониях все актуальное налицо, а коммуникация как встреча с божеством, то есть начало различия, от-личия, требует использования масок.

Маска – безмолвное олицетворение, невербально предьявленное изображение, связанное с тайной. Тайна – это *образ образа*, граница, за которой мы вскрываем другую границу, а не интенциональный предмет. Поэтому кроме вещей, которые сходятся со словами, говорят сами за себя, есть тайна, которая сама узнала свою границу и узнается, узнаваема только в этом своем полном дохождении до границы как до упора. Тайна часто лишает нас слов, сверхъестественное не знает привычного словаря, артикулирования. Священное как одно из проявлений тайны непостижимо в своей запретной сущности, неизреченности, неизглаголанности. О.М. Фрейденберг начало истории человечества назвала «детством» [Фрейденберг 1978, 15]. Ритуальная маска манифестирует себя, обращаясь к сакральным силам, испытывая страх и трепет перед ними, ощущая собственную уязвимость. Последняя заставляет использовать прикрытие-маску, которая в прямом смысле держит рот на замке, защищает. Маска по самой своей граничности, конфигурации поверхности вообще не подразумевала использования слов. Она «безмолвствует лукаво». На месте рта в маске обычно делалась прорезь, позволяющая человеку видеть, оставаясь скрытым – своеобразное «подглядывание» из-за маски. Человек в маске подглядывал, прячась за фактурой, он пытался похитить увиденное взглядом, не проронив ни слова, так как голос – это уже заявление о присутствии. Голос может выдать и погубить.

Архаический человек растворялся в пейзаже, прося благословения сакральных сил на собственное безопасное присутствие. Поэтому маска-степь или маска-сова помогали слиться с единой природой. Человек еще не персонифицирован и не выделен как отдельно значимое, наделенное авторитетом или репутацией, запятнанное или высокое лицо; он онтологически мимикрирует, не имея и не выдавая своего голоса. Все, что он может со-

брать и при-своить себе – это увиденное, взглядом захваченное. Все, что он может знать, – это услышанное или даже подслушанное в обращении «особых голосов».

«У захвата, – утверждает В.В. Бибихин, – древнее лицо» [Бибихин 2001, 96]: захват исторически связан с хитростью, хищением и происходит украдкой, украдывая не только время и вещь, но и взгляд, деформируя не только социальные отношения, но и саму направленность взгляда. Захват буквально не знает отношений, он не соотносится с незахваченным или захваченностью, которую открыла только философия как *удивление*, и не относится к какому-то роду или виду и поэтому не может отнести взгляд дальше, но только присвоить видимое. Архаическая маска прячет взгляд. Человек в маске не смотрит, а подсматривает. Там, где должны быть глаза, в масках присутствуют вогнутые или выпуклые пустые глазницы («черные дыры субъективности», по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, а также согласно интерпретации В. Подороги [Штайн 2013, 16]). В погребальных урнах Этрурии IV в. до н. э. глазницы и рот масок зияют пустотой, как и античные терракотовые пластины с черными глазницами масок раба, слуги, сатира или пана.

Мы помним, что герои Эллады вынуждены были избегать губительного взгляда горгоны Медузы, захватчицы, хватающей и тем самым сразу умерщвляющей. Изобретенный Персеем зеркальный щит позволил хищный взгляд Медузы сделать *хищением, восхищением, экстазом*, который лишает привычек всё присваивать себе, но лишает и движения, потому что Медуза не знала никаких других движений, кроме захватнических. В архаических ритуальных действиях таким зеркальным щитом служили маски, благодаря которым человек уклонялся от захваченности духами и *захваченно* (экстатически) общался с высшими силами, оставаясь прикрытым, в соответствии с прикрытостью божеств. Этот ответ, прикрывающий, стыдливый, и образовал мысль о сакральном как продолжение ритуалов, ритуал стал мыслящей себя мыслью, стыдящим себя стыдом. Человек в маске подсматривает, но не смотрит напрямую в глаза высших или опасных сил. Человек в маске молчит и задает вопросы, боясь про-

пустить ответы в атмосфере коллективного безмолвия и тишины.

Архаическая маска и безмолвие

Архаический человек не вступает в открытый диалог с высшими силами, он по своей природе мал и априори проиграет или разозлит их. Вспомним образ сирен. Гомер в «Одиссее» рассказывает о том, что главный герой, проплывая между скалой Сциллы и островом Цирцеи, залил уши своей команды воском, а себя велел привязать к мачте. Сирены губили, уносили в пучину, топили своих жертв так же, как русалки в славянской мифологии или ундины в скандинавской. Не только видеть, но и слышать потусторонние силы было опасно для мифологического («имажинарного», по терминологии О.М. Фрейденберг [Фрейденберг 1963]), человека, если только он не был посвященным (как, например, Пифия). Настаивая на субъект-объектном единстве человека и мира в архаике, Фрейденберг говорит о конкретном переживании собственной судьбы древним человеком как объективной и субъективной, космической и личной одновременно, что требовало особых техник работы со своими мыслями и чужими голосами [Фрейденберг 1963, 28].

В древнегреческом пантеоне богом молчания является Гарпократ. Изображение младенца с приложенным к губам пальцем принято истолковывать как знак молчания или призыв к молчанию. Гарпократ – это греческое истолкование египетского бога Гарпехрути, сына Изиды и Осириса. Он изображался в виде голого ребенка с пальцем у рта.

Функция рта в архаических масках и преданиях не сводилась к произнесению слов. Лицо, как и персону, не было сформировано. Оно было разъединено, о чем свидетельствует сказка африканского народа гурманче: «Когда рот умер, у других частей тела спросили, которая из них возьмется за погребение» [Штайн 2013, 19]. Разъединенность и разнородность органов, первоначально существовавшие как хаотичная конъюнкция, постепенно обретали функциональное единство в процессе взаимодействия с Другим – например, в ритуале погребения, где маска служила инструментом символического преображения.

Маска сохраняла сходство с лицом, но воспринималась окружающими как другое лицо, наделенное сакральными свойствами и силой. Если человек не мог напрямую предъявлять свое лицо и свой голос, он начал это делать посредством выдуманного лица-маски. Лицо как феномен не могло возникнуть в эпоху неразличения или безразличия инструментальных самопредъявлений бытия, поэтому органы перемешивались в единую колоду и тасовались, так что неизбежен был вопрос, кто же будет хоронить рот? Далее мы изложим на основе трудов Т.И. Борко [Борко 2004] и Т.В. Волдиной [Волдина 2016] особенности полагания границы безмолвия в архаике и актуализируем затем смысл этого полагания.

Примером разрозненности древней картины мира является представление иткульских металлургов (VII–III вв. до н. э.). Картина мира была трехчастной. Медный антропоморфный идол, найденный на литейной площадке горной станции Исеть, иллюстрирует это. Верхний мир, в котором обитало высшее божество – солнце, – представлен солнечной короной над головой. Средний мир – земля, на которой живут люди и звери, – символизирован пятиполосным поясом, окружившим идола. Нижний мир – подземный или подводный, куда уходят души умерших, – обозначен фигурой волка сбоку: по представлениям древних угров, волк переносит души умерших в подземный мир. На литейных площадках встречались фигурки хищных птиц с раскрытыми крыльями. Иткульские металлурги поклонялись птицевидным идолам, приносящим солнечный огонь для задувки горна. Это говорит о том, что соотношение трех миров понималось динамически: мировой огонь может быть усилен или ослаблен – то есть временно скрыт, замаскирован, но не уничтожен окончательно. Огонь – это лицо жизни, метафора развития (вспомним *Огонь* Гераклита как диалектику жизни). Олицетворение жизни предъявлялось через тотемические маски.

Многие исследователи *homo neandertalis* считают, что уже 35 тысячелетий назад стоянки неандертальцев включали сакральный топос – святилища. Шаманизм как одно из распространенных верований оставил множество артефактов, ставших археологическими

находками. Например, обнаружение обода бубна шамана интерпретировалось как знак его смерти именно здесь: ведь при жизни шаман говорил лишь голосом бубна, а теперь этот голос умолк навсегда. Шаман – посредник, не имеющий собственного голоса, проводник сакральной речи. *Бубен был маской и голосом шамана*, посредством которого он говорил не своим голосом и за которым он прятался в индивидуальном молчании.

Шаман взывал к сакральным силам через бубен, говорил бубном, лечил им. Бубен шаман изготавливал сам, и этот тонкий интимный процесс напоминал рождение. Считается, что первый бубен был изготовлен из ветки Древа Жизни. Для обруча на священном месте брали древесину березы, лиственницы или ели, после обруч обкладывали сырой шкурой оленя, лося, собаки или кожей налима; высохнув, она вплотную обтягивала обруч. В путешествиях между мирами живых и мертвых бубен предстал в качестве лодки, оленя или птицы, на которых душа шамана перемещается в другой мир. Колотушка служила веслом либо хореем – шестом, чтобы погонять оленей, рыб или птиц. Такие весла были по виду плоскими, вытянутыми лопатками длиной около 40 см, обтянутыми оленьим или заячьим мехом.

Бубен – голос шамана, который молчит. Шамана как личности и как социальной единицы не существует. Он – материальный медиум, бубном призывающий добрых духов и изгоняющий злых. В архаике молчания в качестве осознанной автокоммуникации еще не было, но было безмолвие шаманизма в качестве формы вызова сакральных сил, чужого голоса, обретенного ответа, внимания. Безмолвие шамана помогало коллективу встроиться в сакральную автокоммуникацию. За маской пряталось лицо, взгляд осуществлялся через подсматривание. За маской прятался собственный голос, таясь в безмолвии, участники ритуалов подслушивали голос высших сил, обретая собственный. Вспомним «Познай самого себя» в Дельфах (то есть, по интерпретации А.В. Маркова, говори только о своем и молчи только о своем, не тревожь бога чужим, не исповедуйся в чужих грехах [Марков 2021]) и несвязную речь оракулов, воспроизводящую услышанное у божественных духов.

Перед началом камлания шаман облачался в обрядовую одежду и начинал разговаривать с бубном. Он бил его по мембране, поднимая ото сна или (что то же) пробуждая дух тотема в его утробе. Когда дух просыпался, шаман садился верхом на него и отправлялся в другой мир. Во время обряда он миметически изображал, как он летит к небесному богу, спускается в нижний мир, борется со злыми духами. Это визуализация мифов, сказок и легенд своего народа. Обряды требовали хорового пения всех собравшихся под удары колотушки в бубен. Мы не можем не вспомнить древнегреческий хор, повествующий о происходящем на театральной сцене, поддерживающий нарративом безмолвную катастрофу трагедии. Актеры в масках индивидуального голоса не имели, но только голос мифа как истории. Шаману не нужно было сцены, он не нарратор, а путешественник. Он мог камлать в любом месте – на улице, на берегу, в доме, но чаще для него отводился «черный дом» или «закрытый чум», где собирались обитатели окрестных селений. В течение жизни у шамана в зависимости от традиции было от семи до девяти бубнов. Когда рвался последний бубен, силы шамана истощались. Вскоре шаман умирал, а бубен оставался; но без хозяина он больше не пел и не говорил. Наступало сакральное молчание.

Как показывают материалы коллекции И.П. Лаврова (1939–1940 гг.) [Щербакова 2021], культура Чукотки глубоко пронизана шаманизмом. Лавров повествует об инициации шамана: символически он умирает, тело его расчленяют. Вот она, разобщенность и разъединенность органов тела, которую нужно вернуть единому коллективному телу, а до этой поры оно напоминает «тело без органов».

Шаманизм был распространен не только на севере, но и на юге. Маски тайного общества Коре (Мали, Африка), представляли 8 зооморфных разновидностей, участвующих в обрядах вызывания дождя. Носитель масок был главой религиозного общества, обладающим «предметами силы» – масками из рогов, костей, когтей, облитых кровью жертвенных животных. Дух Кома – покровитель растений, был подвластен носителю масок. Такой африканский шаман для защиты от злых духов тоже применял бубен, жезлы, маски.

С помощью бубна и находясь в маске, шаман вызывал дух, на котором передвигался: дух коня, птицы. Духов-помощников он называл «особыми голосами». Сам шаман голоса не имел, он транслировал «особый голос», вызванный к вожделеющим ответа. Безмолвствовали и участники ритуала, они обязаны были благодарить, пряча свою малую природу за масками. Любое обращение к высшим силам происходило посредством масок.

Ритуальное молчание от архаики к современности

Маска была предназначена не только для лица человека, но и для всей жизни, повернутой лицом к исполнителям ритуала. Архаический человек еще не обладал сформированным резервом совести, поэтому в его случае не наблюдается осознанного обращения к себе как к участнику автокоммуникации. Безмолвие шамана было вызовом, вопрошанием заданного ответа, но чтобы сокрыть дерзость, он укрывался. Это напоминает коллективные жертвоприношения, о которых писал Р. Жирар, исполнителем насилия в которых был палач в маске. Маска помогала выстроить дистанцию, совершить отчуждение отдельно взятого исполнителя от социально навязанной функции и воли быть проводником насилия. Маска сохраняла не только дистанцию, но и берегла исполнителя от возмездия. Совершался коллективный акт, и посредством маски палач манифестировал коллективное лицо. Свое индивидуальное лицо, как и голос, он прятал за маской – подобно тому, как за зеркальным щитом прятал лицо и жизнь мифологический герой.

Маски согонинкун или чвара употребляются в земледельческих церемониях, предшествующих началу работ на общественном поле (народ бамбара, Африка, Республика Мали, район Бугуни). Маска хранила молчание, и «особый голос», вызванный шаманом, не воспроизводил человеческую речь. Это был внутренний голос, обращенный к высшим силам, но не к соплеменникам. Парадокс диалога с сакральными силами (ведь был *вопрос-ответ*) заключается в том, что он часто проходил как монолог. Вспомним, что под диалогом М. Бахтин подразумевает выход за

свои пределы, карнавальное переворачивание, обходящее скандал. Следовательно, в диалогизме есть монологизм, как обход скандала или умалчивание о нем. Молчание выступает механизмом онтологического обоснования, снимая «скандальность» бытия. Предметность тогда обосновывает и учреждает себя в бытии как частичное ограничение скандала.

В мистериях Цам (монг. «цям» или тибет. «чам» – ритуальные танцы) в цикле новогодних обрядов происходят цамы-пантомимы и цамы-диалоги. Маски, используемые в мистериях, делались из папье-маше или из дерева. Цам начинались после чтения молитв Владыке подземного царства Яма, отличительным признаком которого была бычья голова. Согласно легенде, отшельник медитировал в пещере. В канун его просветления в пещеру ворвались разбойники и убили его. Убитый отшельник приставил к себе голову быка и обернулся страшным демоном Бодхисатва Менджушри в образе гневного Ямы. Разыгрываемая пантомима о его жизни предполагает молчание и сохранение тишины во время обращения к сакральному как со стороны персонажа в маске, так и со стороны реципиентов – участников мистерии. Молчание связано с отдельно взятым участником, в то время как безмолвие воспроизводит персонаж с бычьей головой в качестве коллективного волеизъявления. Именно он совершает коллективное действие, создает атмосферу и пространство сакрального безмолвия, сберегая за бычьей головой индивидуальный голос.

Двор монастыря, на территории которого совершаются новогодние мистерии, расчерчивается кругами и линиями, обозначая места и порядок передвижения персонажей в масках. Он – расчерченный топос, предполагающий *рас-положение* в пространстве смысла.

Toros и tropos – это определение пространственной статики и динамики. Топос чаще всего фиксирует точку остановки, а тропос – линию движения, передвижения, troposом может быть тропа лесная или тропа стихотворная. Лесная тропа и стихотворная тропа (троп, букв. «поворот») связаны с сакральным молчанием. «Загадкой остается поэтическое слово такого рода, – писал М. Хайдеггер, – чей

сказ давно уже возвратился в молчание» [Хайдеггер 1993, 302]. М. Хайдеггер онтологически связывает бытие и слово, вещь и слово. Он разбирает стихотворение Гельдерлина «Слово»: «Не быть вещам, где слова нет». Хайдеггер рассуждает: отсутствие есть знак собственной катастрофы, лакуна не в тексте, а в самих условиях бытия знака, обрыв не просто сообщения, но общения и самих условий общения. Оборвать нечто значит что-то отнять, чего-то лишиться, сделать бытие *лишенцем*, оборвышем. Лишение чего-то – всегда нехватка, а где не хватает слова, там нет вещи, вещь не может появиться оборванцем перед всеми. Она должна быть снабжена бытием как таковым, а не отдельными условиями или условностями бытия, которые мы принимаем за вещи: «Лишь имеющееся в распоряжении слово наделяет вещь бытием» [Хайдеггер 1993, 303].

С высказыванием, как было уже сказано выше, связан любой тип социальной коммуникации: Я–Другой, Я–социальный институт, Я–Я (автокоммуникация). Высказывание – раскрытие, извещение о чем-то, дарение вещей, вещание, приоткрывание, показывание. Показать – казать, как и с-казать, значит говорить. Показать, явить смысл – выставить, выдать (вы-дать). Через вы-с-казывание мы познаем. По-знать значит из-ведать: изведать тот, кто у-видел, заметил, и, более того, больше не потеряет из виду у-виденное. Отказаться видеть – это тоже нравственный выбор: отказ, отказаться – значит оставить притязания на что-то. М. Хайдеггер вспоминает Гельдерлина: «Так я скорбя познал запрет: Не быть вещам где слова нет» [Хайдеггер 1993, 303].

«Познанный запрет, – пишет Хайдеггер, – не голое отречение от притязания, но превращение речи в почти потаенно журчащий песенный отголосок несказанного сказа» [Хайдеггер 1993, 308]. Слово и есть *у-слов-ие* вещи, *у-слов-ность* мира, окружающего нас. Молчание – тоже *вы-сказ-ывание*, топос – хранение памяти: «Как отказ себе зарок остается речью» [Хайдеггер 1993, 307], это речь другого тона, как говорит Хайдеггер, другого «мелоса», она по-другому звучит. Познающий всегда находится в движении, он стремится по стезе знаний, по-стигать (постижение и есть из-ведывание, научение).

Язык – всегда язык бытия. Бытие говорит через меня посредством языка: «Не я говорю на языке, но меня проговаривает язык. Язык предшествует человеку и даже учреждает его как такового», – говорит У. Эко [Эко 1998, 15]. В коммуникации участвует человек, и тогда речь идет не о мире сигнала, а о мире смысла. Процесс означивания оборачивается реализацией возможностей знаковой системы. Мегабайты обрушивающейся на человека информации, которые адресат-получатель должен наполнить значением, говорят, что сама знаковая система уже необозрима, поэтому она предстает как облако социального, как некоторая социальная реальность, которую человек пассивно принимает. Вопрос об основе устройства социальной коммуникации любого вида тогда может быть сведен к пониманию социальной реальности в ее тождестве с коммуникацией. Реальность как целое в таком случае раскрывает себя в структурах самопонимания семиотической реальности; но информация оказывается не тождественна смыслу, выступая только как манифестация социальных отношений, а не как самораскрытие реальности, предшествующей социальным договоренностям.

Информации может быть много; она достигает порога, за которым не в силах передать содержание события. Существует предел сообщаемости сообщения, за которым оно остается только фикцией, неким призраком социального, пугающим своей безразмерностью.

Самая распространенная позиция социальной коммуникации – это опосредованное целесообразное взаимодействие двух субъектов. Социальная коммуникация – это феномен субъект-субъектных отношений разного уровня (институционализированных, аутообращенных и межличностных). Субъект-субъектные отношения о-предел-иваются информацией. Под информацией Клод Шеннон подразумевал обмен между двумя отдельными объектами, тогда как передача смысла предполагает участие субъектов, порождающих непредсказуемую информацию [Рогозина 2009]. Еще Клод Шеннон утверждал («Математическая теория связи», 1948), что передача информации эффективна при 1) исключении избыточности как порождающей двусмыслен-

ности и 2) однозначном кодировании. Добавим, что только тогда общение возможно не только как содержательное, но как intersubjective: благодаря прямоте и однозначности сообщения оно воспринимается не как шум, а как целенаправленно отправленное другим субъектом. Поэтому мы можем сказать, что диалог в философском смысле Бубера и Бахтина возможен благодаря уточнению топика и семантики сообщений, то есть локализации передатчика и приемника информации для такой эффективной передачи, которая и есть аутопойесис знания.

Аутопойетический потенциал молчащей маски

При анализе коммуникативной реальности допустимо использование в качестве стержневого аргумента принципа аутопойезиса, который позволяет видеть коммуникацию как самодостаточный процесс: относительно замкнутую, автономную структуру, при этом трансцендируя субъекта за пределы изучаемой системы, но укрепляя его как часть самодостаточных и самообеспечивающих процессов. Аутопойетическая система У. Матурана и Ф. Варела [Матурана, Варела, 2001] подразумевает, что процесс самодостаточного самосоздания *несет в себе весь внешний мир* и на основе сигналов, поступающих из него, проецирует как любую текущую (наблюдаемую или верифицируемую) статику мысли собственную (выработанную в самосоздании) модель этого мира. Наблюдатель тогда должен отождествиться с субъектом, находящимся внутри аутопойезиса, осуществляя *в каждом новом сигнале репрезентацию произведенных с собой взаимодействий*: самонаблюдение, самосознание, самописание, самореферентность и круговую организацию сообщения и развития смыслов. Эта репрезентация и есть не-упущение сигналов, которое делает мысль процессом, а коммуникацию – сообщением другому действительных, а не мнимых внутренних процессов сознания.

Модель аутопойезиса позволяет рассмотреть коммуникацию как замкнутую структуру. В такой автокоммуникации субъект наблюдает систему, в которой он существует,

и дистанцирует себя в ней как того самого наблюдателя, наблюдающего за собой и общающегося собственные процедуры наблюдения как единственные решительные действия по отношению к себе. «Самоопределение субъекта коммуникации в дискурсе сообщения возможно, если точкой отсчета системы станет наблюдатель, помещенный в автономную коммуникацию, который самообнаруживает себя в качестве субъекта этой коммуникационной системы» [Рогозина 2009, 11]. Сообщаясь с самим собой, субъект наблюдает свои действия как решения по отношению к себе и сообщает себе и другим результаты этих решений, на самом деле производимые аутопойетической системой как целым (а не отдельной позицией субъекта), закрепляя эти наблюдения в константном (фиксирующим постоянные поступки самосознания) дискурсе с собой и вероятном (фиксирующем общий для других смысл твоего самосознания, его доступность другим как залога их поступков) дискурсе с читателем, будущим или настоящим. Это не только со-общение, но и общение с актуальным / потенциальным актором.

В диссертации «Самоопределение смысла текста социальной коммуникации» (Ижевск, 2005) автор рассматривает, в частности, то, как субъект обнаруживает себя через язык. По мнению Рогозиной, самопознание возможно, только если субъект тождествен самому себе как «Другой». Тождество языка и «Другого» приводит к тому, что язык становится субъектом [Рогозина 2009]. Язык самоопределяется и реализуется через понятия, суждения, умозаключения и другие формы лого-построения. Так происходит *систематическое поступание логоса* как наделение сознания другого (собеседника) формой. Материальная действительность или гуссерлевская «вещность» вызывает к собственному означиванию, о-предел-яющему границы (пределы) и смысл предметности. «Вещность» мира не самодостаточна, она, как аристотелевская материя нуждается в оформлении и именовании. Имя закрепляет компонент значения (функционального регулятора), смысла (актуализированного значения) и замысла (целостности системы). Имя завершает это единство. То же самое следует сказать и относи-

тельно своего собственного по-именования. Человек в метафизическом измерении вопрошает о себе как о разумном существе, закрепляя значение, смысл и замысел о себе самостоятельно, причем находясь в этом демиургическом состоянии поиска и работы всю жизнь.

По-именованный субъект-наблюдатель и есть автор, пишущий свой текст. Пространство системы оказывается место-положением смысла. В нее включаются социальные институты, индивиды и Я, отсюда упомянутые выше три типа коммуникации: Я–социальный институт (к примеру, Я и церковь как социальный институт), межличностная коммуникация (Я и мои друзья) и автокоммуникация (Я и моя совесть). Все три типа коммуникации определяют траекторию существования и вектор поиска смысла: найти веру, сделать доброе дело другу, жить по совести.

Общество отчасти утрачивает способность к продуктивной стороне коммуникации. Наблюдаемая в период пандемии атомизация общества снизила порог межличностной коммуникации, превратив ее в простой обмен данными или подтверждение данных (а также ложных убеждений, как в случае фейк-ньюз). Развитие технических средств, множество занятых профессионально на удаленном режиме работы, постпандемическая культура удержания социальной дистанции определили иные нормы соотношения социальной и автокоммуникации. Молчание – особое *место положения смысла* внутри этих сложных соотношений не-коммуникации.

Отношение молчания и безмолвности в современном мире изменилось. Из детства человечества мы перешли во взрослую жизнь. В эпоху Романтизма поэты и музыканты обрели безмолвие природы, что окружающими воспринималось как аутопойесис гения. В современном мире коммуникация и коммуникабельность обретают иные характеристики. Не молчание, а безмолвие вновь собирает коммуникацию и новую универсальную идентичность личности в той мере, в какой личность социальна по своей природе.

Мы пропитаны медиа и сами являемся медиа, посредниками текстов и смыслов. Мы воспроизводим и транслируем их, передавая аудитории тексты, встраиваясь в публичное

пространство. Молчание личного пространства становится вызовом или высказыванием в публичном: соцсети, reels’ы, аватары выполняют функцию маски. Архаические деревянные и глиняные маски трансформировались в экран телефона или любого другого гаджета, который мы все время носим с собой. Там и происходит коммуникация, формирующая нашу новую универсальную идентичность, а коммуникабельность как навык прямого общения в современном мире утрачивается. Происходит коммуникация посредством экрана, за которым мы молчим, обретая «особые голоса», становясь сами себе шаманами, камлая новые смыслы и получая ответы.

Молчание связано с отдельно взятым индивидом, в то время, как безмолвие – процесс коллективного волеизъявления и коллективного действия. Совершая обряды, племена создавали атмосферу и пространство сакрального безмолвия, храня за щитом маски индивидуальный голос. Молчание – это право наряду с правом высказывания, которое осуществляет индивид, а безмолвие – коллективное действие. Поэтому мы индивидуализированы, пока молчим, но молчим оправданно; безмолвие же все чаще оказывается неоправданным, оказывается шаманизмом без бубна. Но без соотнесения безмолвия и молчания мы не сможем найти ту точку оправдания, где молчание как место действия становится местом исключения скандала и начала уже насыщенного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бибихин 2001 – *Бибихин В.В.* Слово и событие. М.: УРСС, 2001.
- Борко 2004 – *Борко Т.И.* Шаманизм. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2004.
- Бушмакина 2009 – *Бушмакина О.Н.* Язык и бытие: проблемы структурирования. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 2009.
- Волдина 2016 – *Волдина Т.В.* Долгой жизни вековечный танец: реинкарнация в контексте мифо-ритуальных традиций обских угров. Тюмень: Формат, 2016.
- Марков 2021 – *Марков А.В.* Сократ: Я ничего не знаю. С комментариями и иллюстрациями. М.: АСТ, 2021.
- Матурана, Варела 2001 – *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: Биологические корни чело-

- веческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Рогозина 2009 – *Рогозина Э.Р.* Самопределение смысла текста в социальной коммуникации. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2009.
- Фрейденберг 1963 – *Фрейденберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора. М.: Наука, 1963.
- Фрейденберг 1978 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие М.: Республика, 1993.
- Штайн 2013 – *Штайн О.А.* Маска как форма идентичности. СПб.: РХГА, 2013.
- Щербакова 2021 – *Щербакова Т.И.* Последние шаманы Чукотки: лидерство как долг [Электронная б-ка Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН] // https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-225-8/978-5-88431-225-8_14.pdf
- Эко 1998 – *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998.
- Igarashi, Futami, Murao 2024 – *Igarashi Y., Futami K., Murao K.* Silent Speech Eyewear Interface: Silent Speech Recognition Method Using Eyewear and an Ear-Mounted Microphone with Infrared Distance Sensors. *Sensors*. 2024. Vol. 24, № 22. P. 68–73.
- Hall 2022 – *Hall J.M.* A Critique of Philosophical Shamanism // *The Pluralist*. 2022. Vol. 17, № 2. P. 87–106.
- Okoye 2021 – *Okoye C.* The Effects of Sound and Darkness: Peculiar Elements in the Igbo Night Mask Tradition // *Interdisciplinary Journal of African & Asian Studies*. 2021. Vol. 6, № 2. P. 1–12.
- van Beek 2022 – *van Beek W.E.A.*, 2022. Masks and Masquerades // *Encyclopedia of African Religions and Philosophy*. Dordrecht: Springer Netherlands. 2022. P. 425–430.
- Zorbas 2024 – *Zorbas K.*, 2024. Shamans and “Dark Agencies”: War, Magical Parasitism, and Re-Enchanted Spirits in Siberia // *Religions*. 2024. Vol. 15, № 10. P. 1150–1152.
- Bushmakina O.N., 2009. *Language and Being: Problems of Structuring*. Izhevsk, Izd-vo Udm. gos. un-ta.
- Voldina T.V., 2016. *Long Life's Eternal Dance: Reincarnation in the Context of Mytho-Ritual Traditions of the Ob Ugrians*. Tyumen, Format Publ.
- Markov A.V., 2021. *Socrates: I Know Nothing. With Comments and Illustrations*. Moscow, AST Publ.
- Maturana U., Varela F., 2001. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. 224 p.
- Rogozina E.R., 2009. *Self-Determination of the Meaning of a Text in Social Communication*. Izhevsk, Udm. gos. un-t.
- Freydenberg O.M., 1963. *Introduction to the Theory of Ancient Folklore*. Moscow, Nauka Publ.
- Freydenberg O.M., 1978. *Myth and Literature of Antiquity*. Moscow, Nauka Publ.
- Heidegger M., 1993. *Time and Being*. Moscow, Respublica Publ.
- Shtayn O.A., 2013. *Mask as a Form of Identity*. Saint Petersburg, RHGA.
- Shcherbakova T.I., 2021. The Last Shamans of Chukotka: Leadership as a Duty. *Elektronnaya b-ka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN*. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-275-3/>
- Eco U., 1998. *The Missing Structure. Introduction to Semiology*. Saint Petersburg, ТОО ТК Петрополис.
- Igarashi Y., Futami K., Murao K., 2024. Silent Speech Eyewear Interface: Silent Speech Recognition Method Using Eyewear and an Ear-Mounted Microphone with Infrared Distance Sensors. *Sensors*, vol. 24, no. 22, pp. 68-73.
- Hall J.M., 2022. A Critique of Philosophical Shamanism. *The Pluralist*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 87-106.
- Okoye C. 2021. The Effects of Sound and Darkness: Peculiar Elements in the Igbo Night Mask Tradition. *Interdisciplinary Journal Of African & Asian Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 1-12.
- van Beek W.E.A., 2022. *Masks and Masquerades. Encyclopedia of African Religions and Philosophy*. Dordrecht, Springer Netherlands, pp. 425-430.
- Zorbas K., 2024. Shamans and “Dark Agencies”: War, Magical Parasitism, and Re-Enchanted Spirits in Siberia. *Religions*, vol. 15, no. 10, pp. 1150-1152.

REFERENCES

Bibikhin V.V., 2001. *Word and Event*. Moscow, URSS.

Borko T.I., 2004. *Shamanism*. Yekaterinburg, Bank kultur. inform. Publ.

Information About the Author

Oksana A. Shtayn, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Social Philosophy, Department of Philosophy, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Информация об авторе

Оксана Александровна Штайн, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Департамент философии Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет, пр. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Российская Федерация, shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.6>

UDC 101.1:340.12
LBC 87.6

Submitted: 03.05.2025
Accepted: 30.05.2025

DEBATABLE ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL HERMENEUTICS (BASED ON THE EXAMPLE OF MODERN FRENCH LEGAL REALISM)

Vladimir V. Slezhnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Nina A. Kalashnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the study of the specifics of one of the most controversial theories in modern philosophy of law – French legal neorealism, developed since the early 80s of the twentieth century. Interest in these views and their controversial nature is due to both a certain scientific novelty, a complex basis (represented, on the one hand, by a neopositivist and normative basis, and on the other, by the ideas of sociological jurisprudence), and a rather radical nature for the continental European philosophical and political-legal tradition, entailing ambiguous practical consequences. At the same time, we are talking about a system of ideas that are qualitatively different from the “classical” Anglo-American and Scandinavian versions of legal realism. Following M. Foucault, neorealists argue that a text acquires meaning only at the moment of interpretation, without which it does not carry any content; in the case of a legal text, it is normative. In other words, it is interpretation that determines the creation of a real, applicable, and effective legal norm. Considering the prerequisites for the formation of French legal neorealism, revealing its content and controversial aspects of the essence, and emphasizing the theoretical significance, the authors also sought to determine the place of the studied views within the general outline of the problems of modern hermeneutic discourse in law. Based on the results of the work, the authors conclude that, in the context of legal hermeneutics and generally under the conditions of modern legal relativism, neorealism is notable for its evidentiary justification of the impossibility of developing a universal “strategy” for interpreting and applying law. At the same time, the main line of modern development of neorealism is the development of the concept of “legal restrictions,” which most consistently limit the discretion of the interpreter and allow us to adjust a number of established provisions of philosophy and theory of law.

Key words: philosophy of law, hermeneutics, legal realism, neopositivism, interpretation of law.

Citation. Slezhnikov V.V., Kalashnikova N.A. Debatable Aspects of the Development of Legal Hermeneutics (Based on the Example of Modern French Legal Realism). *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 53-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.6>

УДК 101.1:340.12
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 03.05.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА)

Владимир Владимирович Слеженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Нина Александровна Калашникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию специфики одной из наиболее дискуссионных в современной философии права теорий – французского правового неореализма, развиваемого с начала 80-х гг. XX века. Интерес к данным взглядам, их спорный характер обусловлены как определенной научной новизной,

комплексной основой (представленной, с одной стороны, неопозитивистским и нормативистским базисом, с другой – идеями социологической юриспруденции), так и достаточно радикальным характером для континентально-европейской философско- и политико-правовой традиции, влекущим неоднозначные практические следствия. Вместе с тем речь идет о системе идей, качественно отличающихся от «классических» англо-американских и скандинавских версий правового реализма. Вслед за М. Фуко неореалисты утверждают, что текст получает значение только в момент интерпретации, без которой не несет в себе содержания, в случае текста правового характера – нормативного; иными словами, именно толкование обуславливает создание реальной, применимой и действенной нормы права. Рассматривая предпосылки формирования французского правового неореализма, раскрывая его содержание и дискуссионные аспекты сущности, подчеркивая теоретическое значение, авторы также стремились определить место исследуемых взглядов в рамках общего контура проблематики современного герменевтического дискурса в праве. По итогам исследования авторы приходят к выводу о том, что в контексте юридической герменевтики и в целом в условиях современного правового релятивизма неореализм примечателен доказательным обоснованием невозможности выработки универсальной «стратегии» толкования и применения права; при этом основная линия современного развития неореализма состоит в разработке концепции «правоограничений», наиболее последовательно лимитирующих дискрецию толкователя, что позволяет скорректировать ряд устоявшихся положений философии и теории права.

Ключевые слова: философия права, герменевтика, правовой реализм, неопозитивизм, толкование права.

Цитирование. Слеженков В. В., Калашникова Н. А. Дискуссионные аспекты развития юридической герменевтики (на примере современного французского правового реализма) // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 53–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.6>

Введение

Правовой неореализм (реалистическая теория толкования), разрабатываемый с начала 80-х гг. XX в. Мишелем Тропером и рядом других ученых (Эрик Мийяр, Доминик Руссо, Пьер Брюне), нередко оценивается как наиболее значимый вклад французской науки в философию права за последние полвека; в то же время в современной философско- и теоретико-правовой мысли данная концепция является одной из наиболее остро критикуемых. Стоит подчеркнуть, что речь идет о взглядах, отличающихся от «классических» англо-американских и скандинавских версий правового реализма (в связи с чем их сторонниками и используется – периодически, в целях отражения соответствующих различий – приставка «нео»), кроме того, развиваемых в контексте континентально-европейской правовой традиции, признающей специфическую иерархию нормативности, что изначально предполагает конфликт со сложившимися подходами к правопониманию, стилем и структурой правового мышления. Комплексность содержания, определенная научная новизна и радикализм соответствующих идей предопределяют значительный научный интерес к анализу их особенностей и возможных перспектив эволюции. В числе проблем, получающих

в этой связи дискуссионное освещение в науке, видится значимым обращение к вопросу о месте исследуемых взглядов в современном герменевтическом дискурсе в праве.

Идейные контуры правового неореализма

Сторонники рассматриваемой теории не ассоциируют ее с основными концептуальными направлениями современного правового реализма – англо-американским и скандинавским (равно как и с большинством континентально-европейских реалистических концепций – например, возникшими ранее немецкой и итальянской, а также с так называемым «психологическим реализмом» [Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. 2022, 167–169]). При этом все реалистические концепции претендуют на описание правовой действительности как не сводимой к текстам или к прецедентам и рассматривают право как множество фактов, подчеркивая особую важность судебной дискреции. В связи с этим М. Тропер, несколько видоизменяя высказывание классика американского реализма К. Ллевеллина, отмечает: «Право есть не что иное, как то, о чем судьи говорят, что это есть право» [Тропер 2011, 181]. Также неореалистами подчеркивается неразработанность правовой наукой теории внесу-

дебного толкования. Идеинный базис французского правового неореализма носит смешанный характер, что позволяет в ряде отношений позиционировать теорию как находящуюся «на стыке» неопозитивистских и нормативистских подходов, с одной стороны, и социологической юриспруденции – с другой, при наличии своеобразного содержания и значимых отличий от всех упомянутых направлений мысли. Характерна в этой связи и позиция М. Тропера, отмечающего, что, перефразируя Ж.-П. Сартра, «чистая теория права» основоположника нормативизма Г. Кельзена не есть непреодолимая философия права нашего времени; однако выйти за ее рамки можно только в отношении центрального аспекта доктрины – эпистемологии.

Ключевое содержательное отличие неореализма заключается в том, что его сторонники, разделяя область нормативного и фактического и относя право к последней не признают объективного существования норм или ценностей, независимых от воли и представления людей, констатируя невозможность познания чего-либо, кроме выражения этих норм в языке. Соответственно, французский неореализм отличается от «классического» реализма сравнительно меньшим методологическим синкретизмом, отсутствием идеологических позиций, минимизацией поиска аргументации результатов толкования во внеправовых социальных фактах и закономерностях, стремлением к соблюдению идеала «свободы от ценностей» и конструированию правовой теории с помощью сугубо эмпирических методов. Расставляя акценты среди указанных различий, в данном случае стоит также помнить, что сами основоположники правового неореализма заявляют свою теорию как неопозитивистскую [Слеженков 2014, 131].

Изложенное предопределяет специфику взглядов сторонников неореализма на проблематику не только собственно сущности права и его толкования, но и суверенитета, разделения властей, конституционализма, законности, что может быть проиллюстрировано, в частности, масштабными дискуссиями М. Тропера со сторонниками «Эксской школы конституционализма», а также с ключевым представителем современного правового позитивизма австро-французским ученым О. Пфферсман-

ном по вопросам «судебного правотворчества» и «автономии конституции» (последние получили широкое освещение и в российских научных изданиях).

Основные положения правового неореализма

М. Тропер сводит сущность неореализма к трем базовым тезисам: толкование есть акт волеизъявления, а не познания; его объект не нормы, а тексты, формулировки или факты; субъекты толкования наделены специфической властью [Тропер 2006, 8]. По мнению ученого, не бывает толкования, противоречащего истинному смыслу, неопределимому иным путем; нет независимого от замысла объективного значения акта; иерархия юридической системы заключена в соотношении содержаний, значений и отражает иерархию властей. Правовой неореализм при этом не тождествен ни реализму онтологическому (так как допускает существование лишь эмпирических фактов, но не универсалий), ни реализму в обыденном смысле слова (предполагающему приоритет неких «реалий» перед абстрактными принципами). За объективным правом в оптике неореализма может признаваться идеологическая, моральная, семантическая роль – однако сугубо субъективного характера до выявления смысла правовых высказываний компетентным толкованием; правовой текст получает значение именно в рамках последнего [Тонков, Ветютнев (ред.) 2016, 24]. Следовательно, то, что классически считается нормами права, в действительности есть фактический материал для создания «реальных» норм в процессе интерпретации (неореалисты также называют их «индивидуальными», подчеркивая наличие и «общих», определяемых посредством аутентичного толкования (в широком значении «толкования правоприменительных органов / лиц, наделенных властными полномочиями») [Антонов 2011, 326]); право существует лишь в той мере, в какой его смысл определяют интерпретации, в связи с чем стоит вести речь не о принципиальной дифференциации актов разного времени, а об изменении смысла, придаваемого толкованием. Последнее, в свою очередь, не только устанавливает норму низшего порядка, но

и определяет или «воссоздает» высшую (здесь неореалисты в определенной мере основываются на установленном учеником Г. Кельзена, основоположником французского нормативизма Ш. Эйзенманном различии «законности-соответствия» и «законности-совместимости» [Eisenmann 1957, 30] – однако не ограничиваясь сугубо дедуктивным вектором толкования).

Правовой неореализм в оптике герменевтического дискурса

Вслед за М. Фуко неореалисты утверждают, что текст получает значение только в момент интерпретации, без которой не несет в себе содержания, в случае текста правового характера – нормативного. Иными словами, именно толкование обуславливает создание реальной, применимой и действенной нормы права. Рассматриваемая теория, несомненно, занимает важное место в контексте современной юридической герменевтики (по оценке некоторых ученых, будучи наиболее репрезентативным выражением возможностей ее методологии), что предопределяется своеобразием предлагаемых ее представителями подходов к сущности правоинтерпретационной деятельности, определению роли интерпретатора, степени его свободы. С другой стороны, ее положения постоянно подвергаются критике в реалиях французской и, шире, континентально-европейской (романо-германской) правовой традиции за ситуативность и волюнтаристский характер (как предопределенные неприятием правовых универсалий, расплывчатостью модели «аргументативных сдержек»), редукционизм и нелогичность (в разрезе зависимости нормативности от фактичности, что, по мнению ряда критиков неореализма, противоречит закону Юма о невыводимости суждений о должном из суждений о сущем) [Пферсманн 2011, 234]. В этой связи стоит подробнее рассмотреть аргументы неореалистов, высказываемые в поддержку рассмотренных выше основных тезисов данной теории, далеко не всегда подразумевающие определенные схематичные решения.

Прежде всего, показательно, что М. Тропер подчеркивает сравнительно большую близость юридической практики и теории, неже-

ли это имеет место в отношении объектов иных социальных наук и описывающих их дисциплин, поскольку представления о праве образуют суть юридической системы и непосредственно предопределяют характер деятельности правоприменителя; кроме того, объект изучения в праве изначально не задан и во многом конструируется правоведами искусственно, отличаясь от «реального права». С этим связаны и проводимое в неореализме применительно к анализу текстов различие «толкования содержания» (уяснение и разъяснение предписаний), и «толкования статусов» (определение места текста в правовой иерархии), признание возможности придания нормативной силы не только тексту, но и факту (например, признание и санкционирование неписаного правового обычая), а также выделение так называемого «права юристов» (что призвано подчеркнуть значение – хотя и второстепенное, косвенное – доктринального толкования как формирующего определенную «систему координат», способную оказать влияние на интерпретатора). Однако приоритетен для неореалистов все же текст. По мнению М. Тропера, интерпретатор может успешно идентифицировать правила, обращаясь к тому, что Р. Дворкин называет «тестом на происхождение»: исследование текста, содержащего правило, с точки зрения его создания компетентным органом власти в соответствии с определенной процедурой. Более того, определяя смысловую неопределенность текста – и необходимость ее постоянного преодоления определенными средствами – как краеугольный камень своей теории, неореалисты в этой связи подчеркивают необходимость корректировки классических постулатов нормативизма о «пирамиде норм» (приобретающей иное значение, в аспекте иерархии толкований, то есть «иерархия норм» конструируется неореалистами не в нормативных предписаниях, а в сознании субъекта толкования) и «фундаментальной норме» (в данном случае – избыточной логико-трансцендентальной гипотезе).

Помимо этого, принимая идею Г. Кельзена о действительности как способе существования норм права, М. Тропер отвергает классическую нормативистскую идею определения условий их принадлежности к правопорядку через объективную связь приорите-

та и соответствия между нормами в сфере должностования (поскольку действительность норм при таком подходе смешивается с ее критериями или условиями). Согласно позиции неореалистов, объективное право есть свод предписаний, обладающих некоторым субъективным значением, ожидающим своего выявления. Если нормой является значение определенного предписания, исходящее из акта воли, то ее действительность представляет факт того, что подобное значение объективно признается правопорядком. В свою очередь, причиной этого выступает наделение нормативного текста, смысл которого априори объективно не определен, реальным смыслом посредством акта аутентичной интерпретации (в широкой коннотации термина), при мотивировании которого субъект толкования права находится как бы в промежуточном положении между актом воли («существа») законодателя и смыслом этого действия («должно быть»).

Далее необходимо подчеркнуть, что, поскольку ключевым для неореалистов является вопрос об аутентичных интерпретациях, особое значение для теории имеет феномен так называемого «судебного» правотворчества, традиционно вызывающий отрицательное отношение в континентально-правовой системе в целом и во Франции, исходя из понимания институционального и функционального компонентов разделения властей, а также длительного приоритета легицентризма – в частности. В данной ситуации неореалисты не только характеризуют определенную практическую значимость своей модели толкования (стоит помнить, что термин «судебное» в ряде случаев используется ими расширенно – также в контексте правоприменения административных и правоохранительных органов, в конечном счете подлежащего судебному контролю), но и вслед за оппонентами из «Эксской школы конституционализма» отмечают, что при формальном наличии в компетенции высших французских судебных инстанций лишь некоторых составляющих «правотворчества» фактическая роль последнего стремится к возрастанию. В этой связи реалистам видятся несостоятельными нормативистские и неопозитивистские трактовки возможности реализации судом дискреционных пол-

номочий в рамках определенных правил (Г. Кельзен), при рассмотрении сложных дел (Г. Харт) [Тропер 2011, 180], а равно – при необходимости оценки «совместимости» нижестоящих норм с вышестоящими, предопределенной возможностью косвенного влияния детерминирующей нормы (Ш. Эйзенманн) [Eisenmann 1957, 30].

Согласно неореалистической теории дискреция толкователя ограничивается двумя факторами: верой в связанность его решений и поведения правом, принятыми в обществе моделями легитимации судебной власти и расчетом на позицию вышестоящей инстанции; иные сдержки могут быть лишь мотивами поведенческого выбора («аргументативное принуждение»), тем более, что толкование может представлять выбор между практически равноценными вариантами, а возможная разница «капитализируется» толкователем в свою пользу. Соответственно, единство правопорядка базируется на актах волеизъявления, относительное единообразие которых объясняется единством условий жизни конкретного общества, а также тем, что иерархия норм отражает иерархию властей (органов аутентичного толкования). В этой связи подлинное аутентичное толкование не может быть истинным или ложным, поскольку правовая система наделяет его необходимым эффектом.

Особая ситуация возникает в сфере конституционной юстиции (представленной во Франции квазисудебным учреждением – Конституционным советом), где дискреционная свобода проявляется отчетливее [Тропер 2001, 58] ввиду нацеленности на сокращение разрыва между требованиями формальной конституции, не способными выразить нормы в отрыве от содержательных решений, имеющих «последствия в рамках правопорядка», и нормотворчеством более низкого уровня [Millard web]. В данном разрезе особенно значим вывод неореалистов о том, что при аутентичном толковании выявляются не только те или иные положения, но и статус текста, то есть конструируется действительная нормативная иерархия. Такой подход, по мнению неореалистов, способствует преодолению логического изъяна в «чистой теории права», касающейся «фундаментальной нормы»: ведь если исходить из кельзеновской идеи о том, что каждая

норма находит основу своей действительности в более высокой, конституция является основой окончательной действительности всех норм правопорядка, но поскольку нет нормы выше конституции, последняя не может быть идентифицирована как правовой стандарт таким же образом, как и все другие стандарты, что ставит вопрос о действительности, а также применимости конституции для установления обоснованности норм более низкого уровня.

Приведенные особенности неореализма вызывают критику за волюнтаризм и «суверенизацию» роли суда, придание последней функции со-законодателя (не случайно неореалистические разработки часто обсуждаются в контексте иллюстрации проблематики так называемого феномена «судебного правотворчества» [Слеженков 2014, 130]). В то же время и самими неореалистами отмечаются возможные в данном контексте риски политизации права, релятивизации норм и институтов [Rousseau 2001, 480], не вполне совместимые с логикой классической демократии, тем не менее оцениваемые как своего рода «меньшее зло» в сравнении с угрозами, которые таит для правовой системы следование некоему абстрактному, изначально заданному смыслу норм, восприятие права как идеальной сущности. Показательно в этой связи, как отмечает отечественный ученый и судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев (в целом критично оценивающий правовой реализм), «неявным образом, вполне возможно, что и неосознанно, интуитивно концепция Тропера воплощена в юридических нормах, которые являются для законодательства о конституционной юстиции частями конституционного законодательства, причем ключевыми» [Гаджиев 2013, 230]. Речь в данном случае идет не только о «нормативном эффекте», но и об исключительно широком контексте конституционного толкования норм, далеко не сводимом к выявлению их буквального значения.

Изложенные тезисы позволяют французским неореалистам констатировать необходимость коррекции метафор «пирамиды норм» и «фундаментальной нормы» Г. Кельзена, а также невозможность выработки «реалистической» правовой политики [Тропер 2018, 61]. В этом неореалистами усматривается скорее

преимущество, а не недостаток: подобная позиция объясняется тем, что дискреционная власть интерпретатора неизменно вуалируется с формальной точки зрения, но в то же время увеличивается с фактической – что в идеале призвано способствовать более качественному и сбалансированному правоприменению, нивелировать риски нестабильности законодательства (следует отметить употребление во Франции в этой связи термина «законодательная инфляция»). Наряду с этим стоит отметить, что именно в данном аспекте М. Тропер и его сторонники видят главную сложность своей теории, в связи с чем основная линия современного развития неореализма состоит именно в разработке концепции «правоограничений», наиболее последовательно лимитирующих дискрецию толкователя [Debard web] – притом, что проблема конструирования таковых далека от разрешения и в рамках иных современных направлений юридической мысли.

Выводы

Радикальный характер французского правового неореализма – особенно в контексте континентально-европейской политико-правовой традиции – предопределяет исключительную дискуссионность данной теории; вместе с тем очевидно, что она представляет оригинальную, практико-ориентированную попытку осмысления ряда проблем современной философии и теории права, не имеющих общепризнанного решения, развиваемую на стыке различных идейных направлений – неопозитивизма, нормативизма, социологической юриспруденции. Позитивистские (а в ряде моментов близкие и к нормативизму) основы теории определяет акцент на динамическом аспекте иерархизированного правопорядка, поиск тождественных начал правотворчества и правоприменения, анализ норм в обязательственном контексте, оценка толкования как волеизъявительной деятельности, ценностная амбивалентность, общность определения ряда ключевых категорий, например, нормы права или аутентичного толкования; в то же время ее «социологизированность» определяется несводимостью аргументативных сдержек в толковании к юридическим, подчеркнутым эмпиризмом, возможностью

наделения значением не только текстов, но и фактов, признанием значимости влияния на толкование внеправовых факторов. В этой связи в контексте развития юридической герменевтики и в целом в условиях современного правового релятивизма неореализм примечателен, прежде всего, доказательным обоснованием невозможности выработки любой универсальной «стратегии» для толкования и применения права, при том, что фактическое признание правотворческой монополии интерпретатора сопровождается стремлением возможно более полного обоснования важности ответственности, индивидуального выбора, а не инертного следования догматичному пониманию норм, смысл которых задан изначально и не нуждается в мотивации разрешения дилеммы между различными значениями. В конечном счете неореалистическая теория выступает яркой иллюстрацией тезиса о том, что авторитет текста (а значит, и его легитимность) прямо пропорционален интенсивности той интеллектуальной работы, которая с ним ведется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов 2011 – Антонов М.В. Современная теория права во Франции: реалистический подход к праву в концепции Мишеля Тропера и спор о неореализме в толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 321–345.
- Гаджиев 2013 – Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
- Пферсманн 2011 – Пферсманн О. Против юридического неореализма. По поводу спора о толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 218–272.
- Слеженков 2014 – Слеженков В.В. Теоретическая модель судебного правотворчества в контексте современного французского правового реализма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2014. № 1 (22). С. 130–134.
- Тонков, Ветютнев (ред.) 2016 – Тонков Е.Н., Ветютнев Ю.Ю. (ред.). Юридическая герменевтика в XXI веке: монография. СПб.: Алетейя, 2016.
- Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. 2022 – Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. Правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя, 2022.

- Тропер 2011 – Тропер М. Право и его интерпретации. Предисловие к русскому изданию // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 180–183.
- Тропер 2018 – Тропер М. Реализм и судья Конституционного суда // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21). С. 50–62.
- Тропер 2006 – Тропер М. Реалистическая теория толкования // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 7–19.
- Debard web – Debard M. Michel Troper: miroir de Hans Kelsen / Mémoire de recherche. Lyon: l'Université Jean Moulin Lyon 3, 2014. URL: https://edpl.univ-lyon3.fr/medias/fichier/m-debard-n24_1478268209921-pdf
- Eisenmann 1957 – Eisenmann C. Le droit administratif et le principe de légalité // Études et Documents du Conseil d'État. 1957. № 11. P. 25–40.
- Millard web – Millard E. L'Etat de Droit, Idéologie Contemporaine de la démocratie [Question de démocratie] // <http://www.juridicas.unam.mx/publica/librev/rev/boletin/cont/109/art/art4.pdf>
- Rousseau 2001 – Rousseau D. Droit du contentieux constitutionnel. 6me ed. Paris: Montchrestien, 2001.
- Troper 2001 – Troper M. Existe-t-il un concept de gouvernement des juges? // Gouvernement des juges et démocratie. Paris: Publ. de la Sorbonne, 2001. P. 21–62.

REFERENCES

- Antonov M.V., 2011. Contemporary Legal Theory in France: The Realist Approach to Law in Michel Troper's Concept and the Debate on Neorealism in Interpretation. *Rossiiskij ezhegodnik teorii prava*, no. 4, pp. 321-345.
- Gadzhev G.A., 2013. *Ontology of Law (A Critical Study of the Legal Concept of Reality): Monograph*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ.
- Pfersmann O., 2011. Against Legal Neorealism: Concerning the Dispute over Interpretation. *Rossiiskij ezhegodnik teorii prava*, no. 4, pp. 218-272.
- Slezhenkov V.V., 2014. Theoretical Model of Judicial Lawmaking in the Context of Modern French Legal Realism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5. Jurisprudencija*, no. 1 (22), pp. 130-134.
- Tonkov E.N., Vetyutnev Yu.Yu. (eds.), 2016. *Legal Hermeneutics in the 21st Century: Monograph*. Saint Petersburg, Aletejja Publ.
- Tonkov E.N., Tonkov D.E., 2022. *Legal Realism: Monograph*. Saint Petersburg, Aletejja Publ.

- Troper M., 2011. Law and Its Interpretations. Preface to the Russian Edition. *Rossijskij ezhegodnik teorii prava*, no. 4, pp. 180-183.
- Troper M., 2018. Realism and the Constitutional Court Judge. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (21), pp. 50-62.
- Troper M., 2006. Realistic Theory of Interpretation. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 7-19.
- Debard M., 2014. *Michel Troper: miroir de Hans Kelsen*. Lyon, l'Université Jean Moulin Lyon 3. URL: https://edpl.univ-lyon3.fr/medias/fichier/m-debard-n24_1478268209921-pdf
- Eisenmann C., 1957. Le droit administratif et le principe de légalité. *Études et Documents du Conseil d'État*, no. 11, pp. 25-40.
- Millard E., 2001. L'Etat de Droit, Idéologie Contemporaine de la démocratie. *Question de démocratie*. URL: <http://www.juridicas.unam.mx/publica/librev/rev/boletin/cont/109/art/art4.pdf>
- Rousseau D., 2001. *Droit du contentieux constitutionnel*. Paris, Montchrestien.
- Troper M., 2001. Existe-t-il un concept de gouvernement des juges? *Gouvernement des juges et démocratie*. Paris, Publ. de la Sorbonne, pp. 21-62.

Information About the Authors

Vladimir V. Slezhnikov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Master's Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, slezhnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

Nina A. Kalashnikova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, kalashnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4072-0390>

Информация об авторах

Владимир Владимирович Слеженков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, магистрант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, slezhnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

Нина Александровна Калашникова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kalashnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4072-0390>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.7>

UDC 316.4
LBC 60.54

Submitted: 29.04.2025
Accepted: 30.05.2025

**SOCIAL NETWORKS AS A SPACE FOR SELF-REALIZATION
OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS
OF SOCIOMETRIC STATUS**

Inna V. Vasilenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Olga V. Tkachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the process of self-realization of modern primary school students in a social network. Modern processes of informatization and digitalization contribute to the involvement of representatives of all age groups in the Internet, including children from 7 to 11 years old. When performing socialization tasks, children prefer to focus on the virtual social space, perceiving and translating the social norms, values, and interests acquired there. To study the nature of the involvement of modern schoolchildren under the age of 11 in the social network space and the specifics of their self-realization, a sociological survey was conducted using a questionnaire in which 325 schoolchildren from the Volgograd region participated (a multi-stage sample). The results of the study showed a high degree of activity of modern schoolchildren in the social network, the role of parents as basic agents of children's involvement, the transformation of leisure activities from active to passive, changing the form of spending free time, and transferring it to a virtual space. It has been suggested that the degree of involvement in social networks depends on the level of the child's sociometric status, that is, the presence or absence of stable positive social ties among peers. Comparing the results of the sociometric survey and the questionnaire, several trends were identified. First, students with a high sociometric status are not active users of the social network, and they use the social network for self-presentation. Second, students with an average level of sociometric status have a higher involvement in the social network; they self-actualize in the virtual space mainly through online games. Third, children with low sociometric status not only spend their free time on a social network but also carry out the process of online communication, often with strangers.

Key words: primary school age, socialization, self-realization, social networks, sociometric status, inclusion in social networks.

Citation. Vasilenko I.V., Tkachenko O.V. Social Networks as a Space for Self-Realization of Primary School Students With Different Levels of Sociometric Status. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 61-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.7>

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПРОСТРАНСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО СТАТУСА

Инна Викторовна Василенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Викторовна Ткаченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса самореализации современных школьников начального образовательного звена в социальной сети. Современные процессы информатизации и цифровизации способствуют вовлечению представителей всех возрастных групп в сеть Интернет, в том числе и детей от 7 до 11 лет. Выполняя задачи социализации, дети предпочитают ориентироваться на виртуальное социальное пространство, воспринимая и транслируя приобретаемые там социальные нормы, ценности, интересы. Для изучения характера вовлеченности современных школьников до 11 лет в пространство социальной сети и особенности их самореализации было проведено социологическое исследование методом анкетирования, в котором приняли участие 325 школьников Волгоградской области (многоступенчатая выборка). Результаты исследования показали высокую степень активности современных школьников в социальной сети, роль родителей как базовых агентов вовлечения детей, трансформацию досуговой деятельности с активной на пассивную, изменение формы проведения свободного времени и перенос его в виртуальное пространство. Было выдвинуто предположение, что степень вовлеченности в социальные сети зависит от уровня социометрического статуса ребенка, то есть наличия или отсутствия устойчивых положительных социальных связей в среде сверстников. При сопоставлении результатов социометрического опроса и анкетирования было выявлено несколько тенденций. Во-первых, школьники с высоким социометрическим статусом не являются активными пользователями социальной сети, которая используется ими для самопрезентации. Во-вторых, школьники со средним уровнем социометрического статуса имеют более высокую степень вовлеченности в социальную сеть, они самореализуются в виртуальном пространстве преимущественно посредством онлайн-игр. В-третьих, дети с низким социометрическим статусом не только проводят свободное время в социальной сети, но и осуществляют процесс онлайн-общения, часто с незнакомыми людьми.

Ключевые слова: младший школьный возраст, социализация, самореализация, социальные сети, социометрический статус, включенность в социальные сети.

Цитирование. Василенко И. В., Ткаченко О. В. Социальные сети как пространство самореализации младших школьников с разным уровнем социометрического статуса // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 61–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.7>

Доступность современных технологий, массовое распространение гаджетов среди населения разных возрастов актуализирует проблему вовлечения в сетевое пространство тех категорий населения, которые в силу возраста и особого этапа социализации не имеют необходимых социальных ресурсов (информации, опыта) для использования возможностей Интернета без негативных последствий [Михель 2014, 96]. В век информационных технологий Интернет в целом и «социальная сеть» в частности наиболее точно характеризует место, в

котором общается, развивается и реализуется современный человек [Скоблина и др. 2017, 42]. Если еще лет десять назад проблема вовлеченности охватывала преимущественно взрослое население, а также школьников старших классов, то сейчас ребенок 7–8 лет имеет современные гаджеты с доступом в Интернет [Осипова, Лысенко, Бородин 2020, 126]. Кроме того, этот вопрос актуален не только для России, но и зарубежных стран, где данной проблеме посвящают крупномасштабные исследования [Li, Mo, Lau 2018, 3]. Актуальность и

значимость темы подтверждается вниманием ученых разных профилей к данной проблеме.

Во-первых, фокус современного научного интереса направлен на изучение феномена «Интернет-культуры» [Белякова 2017, 149], нормы и ценности которого ситуативны и размыты [Мишакова 2017, 85], что не дает возможность ребенку социализироваться, то есть постигать общепринятые модели поведения [Климанова 2013, 34]. Во-вторых, ученые пишут о переходе процесса коммуникации и общения с офлайн в онлайн среду [Горячев, Яндукова 2016, 75], где предоставляется полная свобода без наличия социальных границ, а именно социальной иерархии, четко обозначенных социальных ролей, что препятствует формированию соответствующей обществу системы социальных ожиданий. В-третьих, вовлеченность детей в социальные сети приводит к социальному разрыву поколений [Платонова 2015, 266]. Здесь многие ученые наблюдают парадокс [Храмова, Пицик 2017, 54]. С одной стороны, родители являются агентами вовлечения детей в социальные сети: покупают телефон, подключают к Интернету, регистрируют в социальных сетях, с другой стороны, начиная ощущать негативные последствия данного вовлечения (плохая успеваемость в школе, проблемы со здоровьем и т. д.), вводят ограничения, усиливают контроль. Такое противоречие приводит к непониманию и непринятию, к росту социально-психологической напряженности, межпоколенческим конфликтам. И наконец, социальные сети становятся не только местом проведения свободного времени, досуга, но и информационным, коммуникативным пространством, и как результат ареалом самореализации [Сухоруков, Петров 2024, 105]. А.И. Ацута разбирает понятие медиаторства, приводя результаты социологического исследования, где на первый план досуговой деятельности детей выходят формы онлайн-активности (создание репостов, ведение социальных сетей) [Ацута 2017, 20]. Резюмируя вышесказанное, можно обозначить две актуальные проблемы: первая – вовлечение детей раннего возраста в пространство социальной сети, вторая – расширение функций социальных сетей, переводя ее в сферу самореализации ребенка.

Итак, первая проблемная область – вовлечение детей раннего школьного возраста в социальные сети, которая актуализируется возрастными социально-психологическими особенностями [Чельшева 2014, 124]. Дети сохраняют наивность, беззаботность в результате отсутствия социального опыта и сформированного критического мышления. Далее нельзя не отметить, что в этом возрасте (7–11 лет) происходит смена социальных агентов и институтов социализации, которые приводят к расширению социальных ролей, а значит и социальных функций, необходимых для социального развития ребенка. Если раньше значимым «Другим» являлись родители, то теперь школьник становится зависимым и от мнения ровесников. Приоритетной становится учебная деятельность, что актуализирует вопрос мотивации. Поступая в школу с интересом и желанием постигать новое, ребенок сталкивается с множеством трудностей, например, необходимостью присутствовать на ежедневных занятиях, систематически выполнять школьные задания, то есть изменением режима и образа жизни.

Таким образом, перед младшим школьником стоят важные задачи социализации: адаптация в новый (расширенный) социум, выполнение новых социальных ролей, овладение новым приоритетным видом деятельности, что не всегда решается школьником успешно. Ребенок выбирает доступные ему социальные пространства, где для выполнения задач социализации не требуется использовать максимальное количество человеческих ресурсов. В пространстве социальной сети ребенок примеряет на себя социальные роли не реальных социальных субъектов, а виртуальных. Здесь дети ориентируются на образы, создаваемые блогерами, виртуальными знакомыми и друзьями, цель которых привлечение внимания и увеличения количества подписок, а не помощь ребенку в процессе формирования социально одобряемых черт личности. Границы возможностей, предоставляемых социальными сетями, постоянно расширяются, в результате чего наблюдается увеличение времени, проводимое в интернет-пространстве, расширение спектра мотивов постоянного присутствия там [Лукиянец и др. 2019, 25]. Таким образом, мы подходим ко

второй значимой проблеме – трансформации-мотивов нахождения в интернет-пространстве и перевод их в поле самореализации.

Однако стоит отметить, что не все дети, имеющие современный телефон и доступ в Интернет, проводят в онлайн-пространстве большую часть своего времени. В ходе исследования мы предположили, что вовлеченность детей младшего школьного возраста в социальные сети зависит от эффективности их социальной адаптации в ключевой социальной среде – среде сверстников. Более того, по нашему мнению, чем выше социальный статус ребенка в группе (классе), тем меньше они вовлекаются в альтернативные социальные пространства для самореализации. В связи с сформулированной гипотезой целью статьи является изучение процесса самореализации младшего школьника в зависимости от степени вовлеченности в социальные сети и особенностью социального статуса, занимаемого в первичной социальной группе.

Для достижения поставленной цели было проведено комплексное социологическое исследование (май 2024 г.), включающее анкетный и социометрический опрос. В исследовании приняли участие младшие школьники (1–4 классы) 10 общеобразовательных школ Волгоградской области в городах Волжский, Быково, Камышин, Котово, Урюпинск. В каждом городе было обследовано 2 школы, при условии наличия разрешения от администрации школы организовать работу исследовательской группы. В каждой школе случайным образом выбирался один класс из всего списка классов начального образовательного звена. Выбранные классы обследовались сплошным методом по типу гнездовой выборки. В выборку попали четыре первых класса, один второй, три третьих и два четвертых. В итоге были опрошены 325 детей от 6 до 11 лет, из них 58 % девочек и 42 % мальчиков.

На первом этапе обследования школьникам выдали бланки с вопросами, где в качестве ответов необходимо было написать фамилии своих одноклассников (до трех человек), с которыми им бы хотелось выполнять групповое школьное задание (формальные связи) и с кем бы из одноклассников они пошли бы в поход (до трех человек) (неформальные связи). Социометрический статус школь-

ника определялся через подсчет числа положительных выборов учениками своих одноклассников. Количество сделанных в пользу ребенка «выборов» показывает степень его вовлеченности в групповые процессы, наличие или отсутствие социальных связей. Чем больше получено «выборов» ребенком, тем выше его положительный социометрический статус. Данные, полученные в ходе социометрического исследования, позволяют определить, существует ли связь между статусным положением школьника в социальной группе и степенью его активности в социальной сети.

Социометрический статус определялся в интервале от 0 до 1. Для удобства анализа и сопоставления данных с анкетированием было выделено три уровня социометрического статуса:

– низкий социометрический статус (значение индекса в интервале от 0 до 0,35) характерен для ребенка с минимальным количеством положительных выборов (до 15 %) или их отсутствием. Низкий статус говорит о том, что ребенок не оказывает влияние на групповую динамику и не участвует в групповых процессах;

– средний социометрический статус (значение индекса в интервале от 0,36–0,65) характерен для ребенка со средним количеством выборов (от 20 до 40 % выборов), школьник не оказывает влияние на групповую динамику, но вовлечен в групповые процессы;

– высокий социометрический статус (значение индекса в интервале от 0,66 до 1) характерен для ребенка с большим количеством выборов том числе и взаимных (более 50 %), школьник оказывает влияние на групповую динамику и вовлечен в групповые процессы.

По описанной структуре в выборку попали школьники с разным уровнем социометрического статуса (см. рис. 1).

На втором этапе школьникам предлагалось поучаствовать в анкетировании, где осуществлялся замер степени вовлеченности в социальные сети по следующим индикаторам:

- 1) доступность сети Интернет;
- 2) степень активности в социальных сетях;
- 3) количество времени, проводимого в социальных сетях ребенком;

- 4) социальные агенты, вовлеченные в социальные сети;
- 5) мотивы посещения социальной сети;
- 6) объем виртуальных социальных контактов.

Результаты проведенного исследования вновь позволяют констатировать тот факт, что дети до 11 лет являются активными пользователями гаджетов и сети Интернет. Из общего числа респондентов 95 % указали, что имеют доступ к сети Интернет. Важно было узнать, с какого устройства дети чаще всего выходят в сеть – ведь наличие выхода в Интернет с мобильного телефона может означать возможность использования социальных сетей за пределами дома, что говорит об отсутствии ограничений в процессе использования социальной сети. Как показали результаты исследования, 75 % опрошенных школьников обладают возможностью зайти в сеть с мобильного телефона. Из них 50 % опрошенных могут воспользоваться сетью только у себя дома, а 25 % школьников имеют доступ в Интернет как дома, так и в школе, на прогулке, в гостях. Таким образом, если школьников, имеющих возможность зайти в Интернет с мобильного устройства, принять за 100 %, то 45 % имеют неограниченные возможности для использования альтернативного социального пространства. Кроме того, использование телефона в сети Интернет во время прогулки (14 %) и в гостях (9 %) дает основание еще раз подтвердить, что социальные сети изменяют характер досуговой деятельности младших школьников, когда обычная

прогулка сопровождается не реальным общением со сверстниками, а просмотром виртуальных лент новостей, чтением сообщений. Использование телефона в школе (12 %), как правило, на переменах, не только трансформирует ее прямую цель – реализацию потребности в движении, но и снижает вероятность «живого» неформального общения, установление новых и поддержание существующих социальных контактов, то есть основных составляющих социализации ребенка.

В ходе проведенного анкетирования было выявлено, что 95 % опрошенных детей младшего школьного возраста зарегистрированы в социальных сетях и 93 % являются их активными пользователями, то есть регулярно посещают их. Школьников, не зарегистрированных в социальных сетях или не имеющих личный аккаунт, меньшинство. Это зависит, прежде всего, от влияния социальных агентов (родителей) на включение ребенка в пространство социальной сети, здесь можно выделить две базовые позиции: первая – «родитель – вовлечатель», который руководствуется мотивом «присоединение к большинству» или мотивом освоения ребенком современных технологий; вторая позиция – «родитель – противник», ориентированный на понимание значимости реальной социальной среды для социализации ребенка, осознающий совокупность рисков для физического, социального и психологического здоровья ребенка в результате активного использования современных гаджетов. Стоит отметить, что только 5 % младших школьников не используют социальные сети в результате

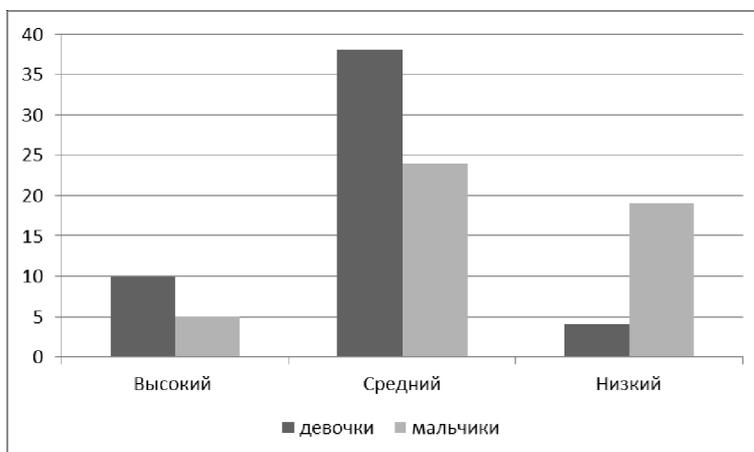

Рис. 1. Социометрический (положительный) статус участников исследования

неодобрения со стороны родителей. Соответственно, в большинстве случаев родители как агенты социализации не только не ограничивают виртуальное пространство, но и активно способствуют его овладению ребенком. Как характеризуют родительское отношение и родительский контроль сами участники исследования?

Больше половины опрошенных (63 %) не имеют относительно посещения социальных сетей каких-либо ограничений со стороны родителей. В эту группу можно отнести и тех детей, которых ограничивают очень редко (12 %). И только 25 % школьников отметили наличие родительского контроля. При ответе на вопрос «Почему родители ограничивают тебя в посещении социальной сети?» были получены следующие результаты: 53 % школьников считают, что родители пытаются оградить их от негативной информации, 34 % считают, что родители беспокоятся о сохранении их здоровья, и 13 % думают, что родители тревожатся по поводу лишних финансовых затрат на оплату сети Интернет.

Таким образом, только четверть школьников имеют ограничения со стороны родителей, но не все из них осознают и объясняют детям базовые риски постоянного нахождения в виртуальном пространстве. Более того, наличие гаджета, доступа в Интернет и регистрация в социальной сети являются неотъемлемым условием социально-психологического принятия ребенка его сверстниками. Обратная ситуация воспринимается с недоверием, опасением, то есть наличие регистрации в социальной сети для младшего поколения оказывается нормой современной жизни.

Анализируя основные причины того, почему дети регистрируются и регулярно посещают социальные сети, приходим к выводу о негативном влиянии родителей, которые становятся инициаторами регистрации. Так, 57 % опрошенных школьников из тех, кто имеют аккаунты в социальных сетях, подражают своим родителям, которые являются их активными пользователями. Не менее сильное влияние оказывают одноклассники и друзья (35 %), создавая среду массового использования гаджетов, к которой младшие школьники вынуждены адаптироваться и из которой трудно выделиться, но при этом включение

школьников в реальную среду затруднено, так как большинство вовлечены в сетевое общение. Так, 15 % опрошенных в качестве причины регистрации в социальной сети отметили желание завести новые знакомства. Из этих детей большинство составляют мальчики с низким социометрическим статусом. Возможно, именно сложности в общении со сверстниками в классе способствует привлечению внимания ребенка к социальной сети.

Напомним, что 93 % опрошенных школьников посещают социальную сеть регулярно. Однако, как много времени они там проводят? По результатам исследования 41 % младших школьников посещают свою страницу не более одного астрономического часа в день, то есть составляют неактивную часть пользователей социальной сети. Треть школьников (33 %) проводят в социальной сети в среднем один-два часа, то есть группа со средней степенью активности. Около четверти опрошенных школьников демонстрируют рискованное поведение и проводят в социальных сетях до трех-четырёх часов в день (12 %), а иногда и более четырёх часов (14 %). Если сравнивать полученные результаты с их социометрическим статусом, наблюдается следующая тенденция: чем ниже социометрический статус ребенка, тем больше времени он проводит в социальной сети. Так, неактивные пользователи – это 25 % девочек и 16 % мальчиков. Причем среди девочек 15 % имеют высокий социометрический статус, 8 % – средний и только 2 % – низкий. Среди мальчиков 8 % с высоким статусом, 4 % со средним и столько же с низким социометрическим статусом (см. рис. 2).

Дети, которые проводят более четырех часов в день в социальной сети – это мальчики (10 %) и девочки (5 %), которые имеют низкий социометрический статус. Таким образом, видно, что мальчики в целом больше вовлечены в социальные сети и чаще, чем девочки, демонстрируют низкий социометрический статус.

Какие социальные потребности реализуют младшие школьники в виртуальных сетях? Большая часть участников опроса (75 %) используют социальные сети, прежде всего, как способ проведения досуга: онлайн-общение выбирают 32 %, участвуют в онлайн-играх 21 % школьников, просматривают фильмы и

слушают музыку – 16 %, скачивают картинки и фотографии – 6 %.

Иными словами, младшие школьники проводят свой досуг и общение в социальной сети. Причем чем выше социометрический статус ребенка, тем меньше посещение социальных сетей связано с реализацией значимых социальных функций. Например, дети с высоким и средним социометрическим статусом преимущественно реализуют досуговую деятельность (слушают музыку, скачивают картинки, фотографии), школьники с низким статусом ориентированы на социальное взаимодействие через онлайн-общение и игры (рис. 3).

Следующей задачей социологического исследования было определение влияния пола и социометрического статуса школьника на мотив посещения социальной сети. По резуль-

татам опроса просмотр и скачивание картинок интересует преимущественно девочек с высоким социометрическим статусом. Мальчики и девочки с высоким и средним социометрическим статусом ориентированы на просмотр фильмов и музыки. Онлайн-игры как мотив посещения социальной сети характерен мальчикам со средним социометрическим статусом. И наконец, как пространство общения социальную сеть рассматривают так же преимущественно мальчики с низким социометрическим статусом. Таким образом, еще раз подтверждаем нашу гипотезу – отсутствие достаточного количества социальных контактов с группой сверстников (не менее 20 % положительных выборов) способствует активному вовлечению детей в социальную сеть.

Анализируя досуговую деятельность современных школьников, было установлено,

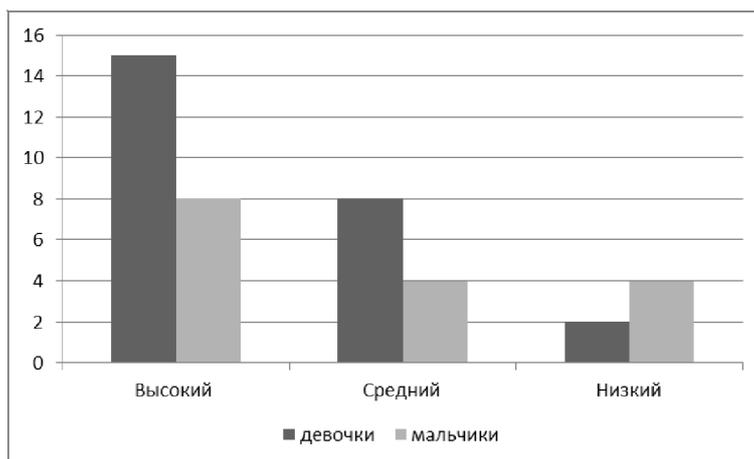

Рис. 2. «Неактивные» пользователи социальной сети в зависимости от уровня социометрического статуса

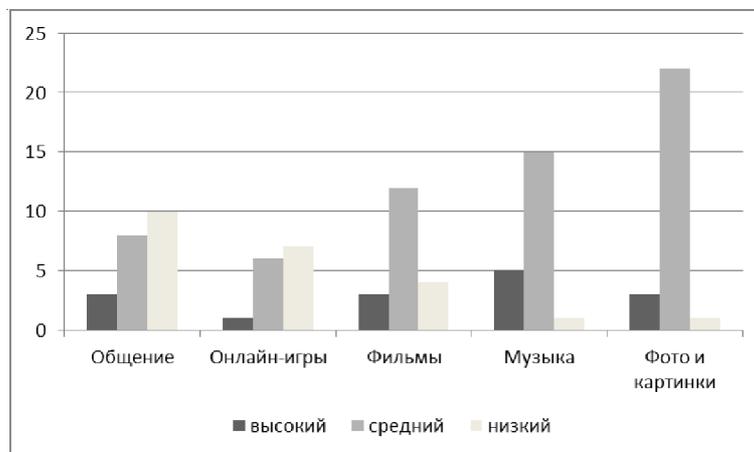

Рис. 3. Направления досуговой деятельности школьника в пространстве социальной сети в зависимости от социометрического статуса

что 13 % школьников отметили пребывание в социальной сети как способ проведения свободного времени. Если к этому добавить игры на компьютере (12 %) и любителей посмотреть телевизор (16 %), мы получаем долю младших школьников, досуг которых организован не правильно с точки зрения требований возраста и необходимых условия для осуществления процесса социализации. Однако 37 % школьников имеют форму досуга, относящуюся к относительно «правильному»: посещение кружков и секции (14 %) и активные игры на свежем воздухе (23 %). Стоит отметить, что активную форму досуга выбирают дети с высоким и средним социометрическим статусом. Можно предположить, что занятия в кружках и секциях позволяют повысить самооценку, расширить сеть реальных социальных контактов, самореализовываться в том числе за счет результатов своей внеучебной деятельности (рис. 4).

Таким образом, социальная сеть становится полноценной формой проведения досуга, что особенно характерно для детей с низким социометрическим статусом, где они осуществляют самореализационную деятельность.

Самореализация в социальной сети происходит в разных направлениях. В первую очередь это онлайн-игры, где есть возможность примерить на себя разные роли через конкретных игровых персонажей, образ которых строится, основываясь как на реальных качествах личности, так и на желаемых. Су-

ществует ряд игр, которые подразумевают создание истории персонажа, и в процессе игры этот персонаж, контактируя с другими пользователями, конструирует свой индивидуальный социальный облик. Наибольшую привлекательность этого вида развлечений обретает в связи с возможностью прожить отрицательные роли, что позволяет виртуально примерить на себя неодобряемые обществом модели поведения. Школьниками движет желание найти социальную роль, к которой не предъявляют расширенный список социальных ожиданий. Так, по результатам исследования, 41 % школьников согласны с утверждением о том, что «в социальных сетях ты можешь быть тем, кем хочешь», а 33 % опрошенных полностью согласились с тем, что «в социальных сетях легче найти того, кто тебя понимает», среди них дети с низким и средним социометрическим статусом (см. рис. 5).

Таким образом, треть участников исследования подтверждают преимущества виртуального пространства, где отсутствует ответственность, то есть необходимо соотносить свои действия с реакцией других людей.

Кроме того, дети используют социальную сеть для реализации потребности в общении. Многие стремятся расширить свой действующий круг знакомств, в некоторых случаях – компенсируя трудности в общении в реальной жизни. Коммуникационные возможности социальных сетей очень обширны. Любой желающий может найти собеседников, с которыми ему будет наиболее комфортно.

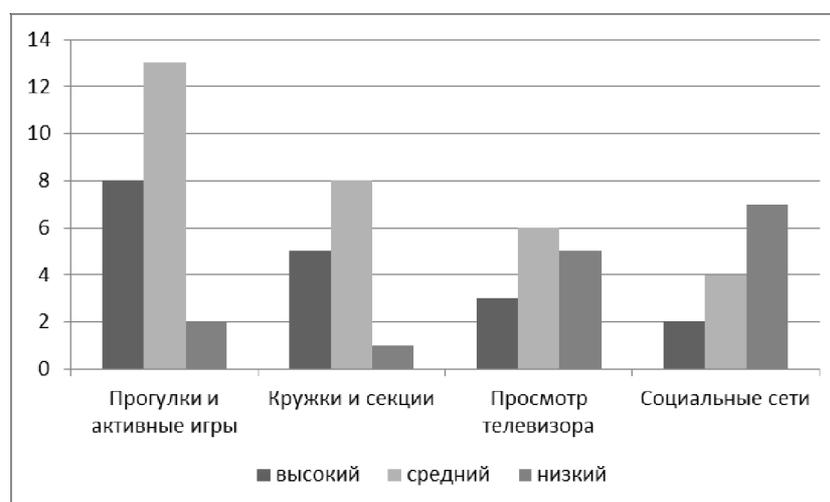

Рис. 4. Досуговая детальность младших школьников с разным социометрическим статусом

Соответственно, вполне осуществимой становится ситуация, когда в период активной социализации юные пользователи предпочитают виртуальное общение. Так, по результатам анкетирования, 62 % школьников в Волгоградской области уверены, что «при реальном общении приходится контролировать свои слова и действия больше, чем в общении в социальной сети». 42 % участников исследования согласились с фразой о том, что «при общении в виртуальном пространстве они чувствуют себя увереннее, чем в реальной жизни». 35 % школьников отметили, что «получают больше положительных эмоций, общаясь в социальных сетях, чем при личном общении» (рис. 6).

Таким образом, отсутствие социального контроля является однозначным преимуществом общения в социальных сетях. Школьники со средним социометрическим статусом

отмечают большую уверенность в себе, скорее всего из-за низкого уровня социальных ожиданий виртуального сообщества, отсутствие ответственности через обезличивание и возможность быстро поменять социальное сообщество при необходимости. Дети с низким социометрическим статусом отмечают наличие положительных эмоций как значимый фактор и преимущество виртуального общения. Здесь дети могут быть раскованы, не боятся социального осуждения, негативной социальной оценки.

Обсуждая вопрос виртуального общения, интересно определить объем виртуальных социальных контактов современных детей. По результатам исследования, около 40 % опрошенных имеют до 50 контактов. Это могут быть родители, одноклассники, друзья, с которыми они взаимодействуют в реальной жизни.

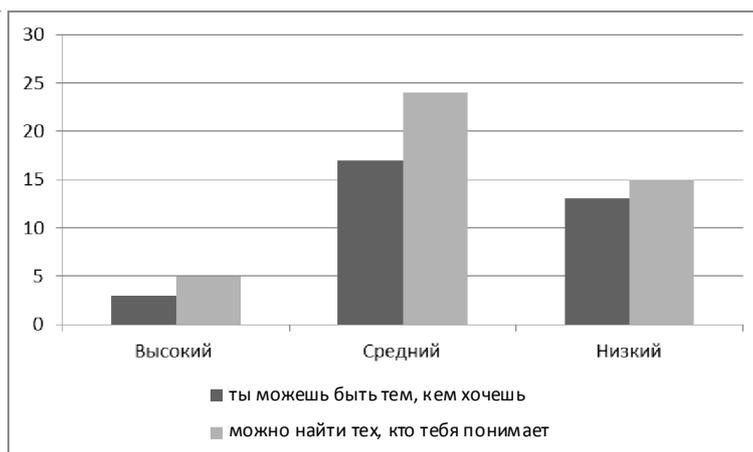

Рис. 5. Социальная сеть как пространство самовыражения у школьников с разным социометрическим статусом

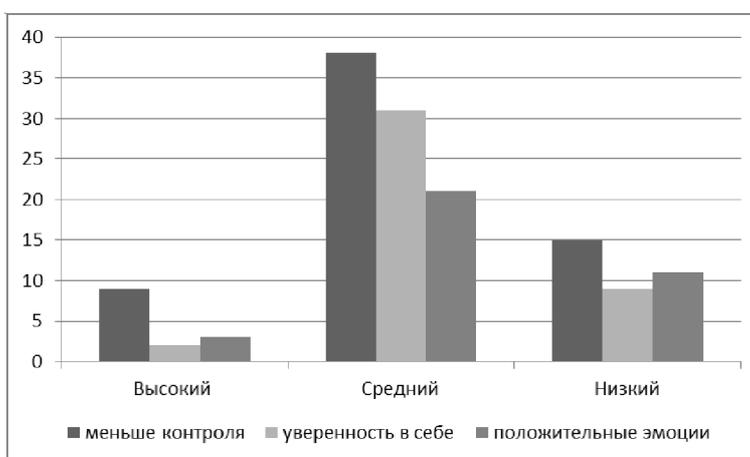

Рис. 6. Социальная сеть как пространство общения у школьников с разным социометрическим статусом

Эту группу составляют мальчики и девочки с высоким и средним социометрическим статусом. Однако есть и другая группа школьников, здесь преобладает до 100 контактов и выше, то есть около 60 % школьников скорее незнакомы лично со всеми социальными контактами из своего списка. В эту группу входят представители как среднего, так и низкого социометрического статуса.

И последнее, школьники используют пространство социальной сети для самопрезентации через конструирование собственного образа. Дети, как правило, стремятся любыми путями подчеркнуть свою индивидуальность и уникальность и в виртуальном мире часто заменяют свое имя / фамилию вымышленными. Кроме того, регистрируясь в социальной сети, пользователь начинает конструировать себя через свою страницу: добавляет информацию, фотографии, медиа-контент, друзей. Отвечая на вопрос «Часто ли ты изменяешь информацию о себе на странице социальной сети?», большая часть школьников (27 %) обозначили, что редко обновляют информацию о себе, а именно раз в месяц. Чуть меньше детей (22 %) изменяют свою страницу реже, чем раз в полгода, а 19 % школьников изменяют информацию на своей странице несколько раз в неделю, здесь преобладают девочки с высоким, а также девочки и мальчики со средним статусом (рис. 7).

Соответственно, среди участников исследования есть школьники, которым свойственно желание публично выражать свое настроение здесь и сейчас, которые конст-

руируют свой образ в социальной сети. Школьник воспринимает социальную сеть как творческую лабораторию, где можно через фотографии самопрезентировать себя по настроению.

Подводя итог, можно сказать, что вовлечение в социальные сети детей младшего школьного возраста продиктовано доступностью виртуального пространства, требованиями времени, поощрением со стороны родителей, что накладывает свой отпечаток на такие традиционные виды деятельности школьника как игра, учеба, досуг, общение, то есть на разные аспекты его самореализации. Нам удалось выявить несколько векторов самореализации младших школьников в социальных сетях: самореализация через общение с виртуальными друзьями; через самовыражение посредством «вживания» в роль виртуального персонажа в онлайн-играх; самопрезентация через эксперименты с собственным электронным двойником-аватаром. Попытки найти связь между степенью вовлечения в социальную сеть и характеристикой социометрического статуса школьника позволили в определенных аспектах подтвердить компенсирующую функцию социальных сетей в отношении общения.

Итак, при рациональном использовании Интернета и социальных сетей возможности школьников расширяются, растет уровень их информационной компетентности. Тем не менее слишком раннее вовлечение в социальные сети, отсутствие социального контроля, недостаток социального опыта школьника может существенно осложнить процесс социализации

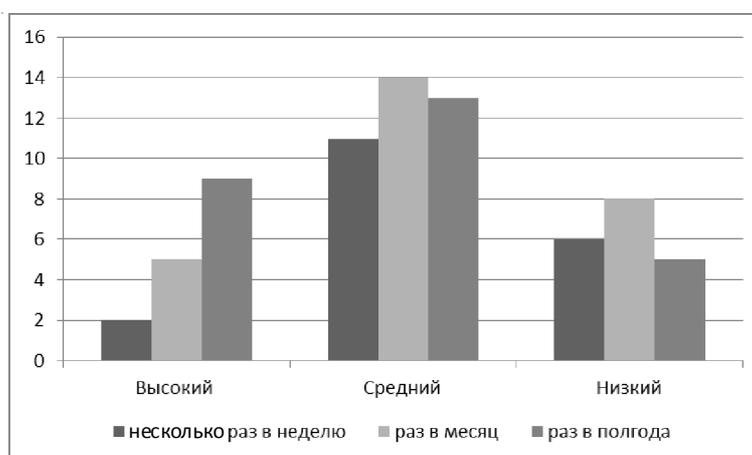

Рис. 7. Частота обновления информации о себя в социальных сетях школьниками с разным социометрическим статусом

ребенка и внести в процесс самореализации специфические особенности: через доминирование виртуального общения, формирования себя как виртуального персонажа, ориентации на ценности, нормы и интересы, транслируемые в интернет-пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ацуга 2017 – *Ацуга А.И.* Медиапотребление и медиатворчество: к вопросу об эффективной киберсоциализации молодежи // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. Челябинск: Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия», 2017. С. 18–23.
- Белякова 2017 – *Белякова Е.Г.* Информационная культура и информационная безопасность школьников // *Образование и наука*. 2017. Т. 19. № 8. С. 147–162.
- Горячев, Яндукова 2016 – *Горячев М.Д., Яндукова Т.А.* Применения социальных сетей для взаимодействия с семьями учащихся в процессе формирования коммуникативной культуры младших школьников // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016. № 5. С. 72–77.
- Климанова 2013 – *Климанова А.М.* Культурологические аспекты самореализации личности в условиях нестабильного социума. СПб.: Библиополис, 2013.
- Лукьянец и др. 2019 – *Лукьянец Г.Н., Макарова Л.В., Параничева Т.М., Тюрин Е.В., Шибалова М.С.* Влияние гаджетов на развитие детей // *Новые исследования*. 2019. № 1. С. 25–35.
- Михель 2014 – *Михель Д.В.* Виртуальные социальные сети как феномен информационного общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 9. С. 95–99.
- Мишакова 2017 – *Мишакова Г.А.* Вовлеченность детей младшего школьного возраста в социальные сети // *Вестник Самарской Гуманитарной Академии. Серия «Психология»*. 2017. № 2 (22). С. 80–90.
- Осипова, Лысенко, Бородин 2020 – *Осипова А.А., Лысенко Н.А., Бородин И.А.* Цифровизация в начальной школе: психолого-педагогические проблемы // *Инновационная наука*. 2020. № 2. С. 125–140.
- Платонова 2015 – *Платонова А.П.* Роль интернет-коммуникации в социализации детей // *Россия: тенденции и перспективы развития*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2015. С. 266–268.

- Скоблина и др. 2017 – *Скоблина Н.А., Милушкина О.Ю., Татаринчик А.А., Федотов Д.М.* Место гаджетов в образе жизни современных школьников и студентов // *Здоровье населения и среда обитания*, 2017. № 7. С. 41–43.
- Сухоруков, Петров 2024 – *Сухоруков А.С., Петров П.В.* Творческая самореализация и динамика внутренней и внешней мотивации у школьников: В представлениях родителей // *Непрерывное образование XXI век*. 2024. № 1 (45). С. 103–105.
- Храмова, Пицик 2017 – *Храмова М.В., Пицик Е.Н.* Отношение родителей к потенциальным опасностям при увлечении школьников соцсетями // *Образовательные технологии и общество*. 2017. № 3. С. 54–63.
- Чельшева 2014 – *Чельшева И.В.* Социальные сети в жизни современных школьников // *Медиаобразование*. 2014. № 2. С. 121–126.
- Li, Mo, Lau 2018 – *Li J.B., Mo P.K.H., Lau J.T.F.* Online Social Networking Addiction and Depression: The Results from a Large-Scale Prospective Cohort Study in Chinese Adolescents // *Journal of Behavioral Addictions*. 2018. Vol. 7. P. 3–5.

REFERENCES

- Atsuta A.I., 2017. Media Consumption and Media Creation: On the Issue of Effective Cybersocialization of Youth. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. Chelyabinsk, Centr intellektualnyh uslug «Enciklopediya», pp. 18-23.
- Belyakova E.G., 2017. Information Culture and Information Security of Schoolchildren. *Obrazovanie i nauka*, vol. 19, no. 8, pp. 147-162.
- Goryachev M.D., Yandukova T.A., 2016. The Use of Social Networks for Interaction with Student Families in the Process of Forming the Communicative Culture of Younger Schoolchildren. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya*, no. 5, pp. 72-77.
- Klimanova A.M., 2013. *Cultural Aspects of Personal Self-Realization in an Unstable Society*. Saint Petersburg, Bibliopolis Publ.
- Lukyanets G.N., Makarova L.V., Paranicheva T.M., Tyurina E.V., Shibalova M.S., 2019. The Impact of Gadgets on Children’s Development. *Novye issledovaniya*, no. 1, pp. 25-35.
- Mikhel D.V., 2014. Virtual Social Networks as a Phenomenon of the Information Society. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9, pp. 95-99.

- Mishakova G.A., 2017. Involvement of Primary School Children in Social Networks. *Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj Akademii. Seriya «Psihologiya»*, no. 2 (22), pp. 80-90.
- Osipova A.A., Lysenko N.A., Borodin I.A., 2020. Digitalization in Primary Schools: Psychological and Pedagogical Problems. *Innovacionnaya nauka*, no. 2, pp. 125-140.
- Platonova A.P., 2015. The Role of Internet Communication in the Socialization of Children. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya*. Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, pp. 266-268.
- Skoblina N.A., Milushkina O.Yu., Tatarinchik A.A., Fedotov D.M., 2017. The Place of Gadgets in the Lifestyle of Modern Schoolchildren and Students. *Zdorovye naseleniya i sreda obitaniya*, no. 7, pp. 41-43.
- Sukhorukov A.S., Petrov P.V., 2024. Creative Self-Realization and Dynamics of Internal and External Motivation Among Schoolchildren: In the Views of Parents. *Nepreryvnoe obrazovanie XXI vek*, no. 1 (45), pp. 103-105.
- Hramova M.V., Picik E.N., 2017. Parents' Attitude to Potential Dangers When Schoolchildren Are Attracted to Social Networks. *Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo*, no. 3, pp. 54-63.
- Chelysheva I.V., 2014. Social Networks in the Life of Modern Schoolchildren. *Mediaobrazovanie*, no. 2, pp. 121-126.
- Li J.B., Mo P.K.H., Lau J.T.F., 2018. Online Social Networking Addiction and Depression: The Results from a Large-Scale Prospective Cohort Study in Chinese Adolescents. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, pp. 3-5.

Information About the Authors

Inna V. Vasilenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, inna.asilenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9457-5889>

Olga V. Tkachenko, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tkachenko-lga85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1389-1415>

Информация об авторах

Инна Викторовна Василенко, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, inna.asilenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9457-5889>

Ольга Викторовна Ткаченко, доктор социологических наук, профессор кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tkachenko-lga85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1389-1415>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.8>

UDC 316.342.6
LBC 60.54

Submitted: 06.05.2025
Accepted: 30.05.2025

NON-COGNITIVE SKILLS AS A RESOURCE FOR SOCIAL PARTICIPATION OF THE POPULATION

Irina N. Vorobeva

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

Abstract. Social participation of the population in formal and informal practices, practices of helping behavior aimed at the development of the territory and territorial community, acts as an intangible asset of its development. In addition to external factors, internal factors have a significant impact on the social activity of the population: values, attitudes, and motivation. In the article, the author uses the resource approach to identify those non-cognitive skills, internal resources that are the core of the population's activity. Based on the theoretical analysis of such categories of the resource approach as human potential, activity potential, the most significant non-cognitive skills, and qualities that contribute to social participation, the following are identified: sociability, initiative, responsibility, creativity, and a tendency to self-development. The article provides an indicator model for measuring these qualities and its testing. Based on the results of a survey of the population of the city of Cherepovets, Vologda Oblast (quota sample by gender and age, a total of 668 residents over 18 years old were surveyed), using variance analysis, the author proves that the severity of these qualities statistically significantly affects the number of participation practices. Non-cognitive skills significantly predetermine involvement in the activities of public organizations. Creativity and initiative contribute to joining cultural and creative organizations, and leisure and entertainment organizations. Responsibility is a resource for involvement in the activities of parent committees at school and kindergarten. Informal participation is not strongly influenced by any particular quality; all predetermined activity is equal. Due to this, the conditionality of informal participation practices by them in aggregate is expressed more significantly than with formal participation. Respondents with clearly expressed qualities of initiative, responsibility, creativity, and sociability more often take part in community service at their place of residence, charity events, and work as volunteers. The influence of non-cognitive skills on helping behavior is most sensitive. Responsibility for solving problems in the immediate environment and sociability are significant. They predetermine activity in practices of helping with things, money, and job searches.

Key words: social participation, non-cognitive skills, human potential, creativity, initiative, sociability, responsibility.

Citation. Vorobeva I.N. Non-Cognitive Skills as a Resource for Social Participation of the Population. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 73-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.8>

УДК 316.342.6
ББК 60.54

Дата поступления статьи: 06.05.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

НЕКОГНИТИВНЫЕ НАВЫКИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ирина Николаевна Воробьева

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация

Аннотация. Социальное участие населения в формальных и неформальных практиках, практиках помогающего поведения, направленных на развитие территории и территориальной общности, выступает нематериальным активом ее развития. Помимо внешних факторов существенное влияние на социальную активность населения оказывают внутренние факторы: ценности, установки, мотивация. В статье автор использует ресурсный подход для выделения тех некогнитивных навыков, внутренних ресурсов, которые являются ядром активности населения. На основании теоретического анализа таких категорий ресурсного подхода,

как человеческий потенциал, деятельностный потенциал, выделяются наиболее значимые некогнитивные навыки, качества, способствующие социальному участию: коммуникабельность, инициативность, ответственность, креативность, склонность к саморазвитию. В статье приводится индикаторная модель измерения данных качеств и ее апробация. По результатам опроса населения города Череповца Вологодской области (выборка квотная половозрастная, всего опрошено 668 жителей старше 18 лет) при использовании дисперсионного анализа автор доказывает, что выраженность данных качеств статистически значимо влияет на количество практик участия. Некогнитивные навыки существенным образом определяют вовлеченность в деятельность общественных организаций. Креативность и инициативность способствует вхождению в организации культурной и творческой направленности, досугово-развлекательные организации. Ответственность является ресурсом включенности в деятельность родительских комитетов в школе и детском саду. На неформальное участие нет сильного влияния какого-то отдельного качества, все определяют активность равномерно. За счет этого обусловленность практик неформального участия ими в совокупности выражена значимее, чем при формальном участии. Респонденты с явно выраженными качествами инициативности, ответственности, креативности, коммуникабельности чаще принимают участие в общественных работах по месту жительства, благотворительных акциях, работают волонтерами. Чувствительнее всего влияние некогнитивных навыков на помогающее поведение. Знаковыми являются ответственность за решение проблем в ближайшем окружении и коммуникабельность. Они определяют активность в практиках помощи вещами, деньгами, в поисках работы.

Ключевые слова: социальное участие, некогнитивные навыки, человеческий потенциал, креативность, инициативность, коммуникабельность, ответственность.

Цитирование. Воробьева И. Н. Некогнитивные навыки как ресурс социального участия населения // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 73–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.8>

Введение

Практики социального участия населения выступают нематериальным активом развития территории. Они часто рассматриваются как фактор развития городской среды, городского пространства [Ключникова, Орлова 2019; Мельников, Крейк, Мельникова 2019]. Социальное участие обычно анализируется через структуру ситуативных поведенческих практик и через структуру повторяющихся практик индивидуального или коллективного характера, которые направлены на развитие территории и социально-территориальной общности. Уровень формализации может быть разным: как участие в формальных организациях, так и неформальные практики [Скалбан, Серебрянникова 2014].

Для выявления базовых ресурсов социального участия населения продуктивным является ресурсный подход. Основные положения подхода отражены в работах П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Р. Патнема, Э. Гидденса [Bourdieu 2001; Coleman 1988; Коулман 2001; Putnam 1995; Гидденс 2005]. Отечественные ученые внесли в данный подход более строгую и детальную классификацию ресурсов [Радаев 2002], обоснование возможностей его использования в стратификационных исследо-

ваниях [Ядов 2001; Заславская 2005], методики расчета ресурсообеспеченности населения и их адаптацию для измерения российского общества [Тихонова 2006; Давыдова, Тихонова 2006]. Характеристики потенциала активности населения раскрываются при изучении категорий ресурсного подхода: социальные ресурсы, человеческий потенциал, деятельностный потенциал.

Современные авторы все больше придерживаются «динамического» аспекта человеческого потенциала, показывая важность агентности и самостоятельности в реализации возможностей индивида, необходимости активизации деятельностных аспектов его личности. Категория «человеческий потенциал» понимается более широко и помимо характеристик человеческого потенциала включает другие «стратегические активы» человека, которые не являются капиталом сейчас, но могут стать им в будущем. Они позволяют не только реагировать на среду, но и проактивно ее менять [Сорокин, Позднухова 2023]. М.С. Сушенцова и В.А. Аникин приводят схему базовых понятий современной трактовки категории человеческого потенциала, составленного ими по работе Дж. Хекмана и Ч. Корбина [Heckman, Corbin 2016]. Базовые понятия человеческого потенциала склады-

ваются на основании навыков, способностей, предпочтений. Авторы утверждают, что в современных условиях понимание категории человеческого потенциала значительно эволюционировало и расширилось. К когнитивным навыкам добавились навыки некогнитивные. Это не только социальные и психоэмоциональные, но и моральные ценности, которые определяют способность к действию в условиях неопределенности, внутренние личностные характеристики. Среди них наиболее значимыми являются коммуникабельность, упорство, навыки сотрудничества, социальная вовлеченность, самодисциплина, самоконтроль [Сушенцова, Аникин 2023].

Инновационный потенциал описывается в работах П.Ф. Кравчук и О.С. Шуклиной, где он определяется как часть системы личностных свойств: способность к творчеству, желание к самоактуализации, поиск различных подходов к решению проблемы, умение работать с информацией, социальная субъектность, способность к риску. Потенциал личности авторы раскрывают как ее ресурсный фонд, который может быть актуализирован и задействован для достижения определенного результата при соответствующих условиях жизнедеятельности личности и развития ее способностей [Кравчук, Шуклина 2011].

О.А. Урбан и Н.В. Демчук используют категорию «ресурсообеспеченность». Авторы видят ресурсы развития регионов в социальной активности населения. Среди важных, необходимых для активности установок авторы выделяют самостоятельность, независимость, ответственность [Урбан, Демчук 2022].

Личностные характеристики, которые современные авторы относят к некогнитивным навыкам, ярко представлены в работах отечественных классиков ресурсного подхода. В.А. Ядов ввел категорию «ресурсоемкость социальных агентов», которая позволяет рассматривать агентов социальных процессов в самых разных проявлениях, вплоть до отдельных индивидов. Некогнитивные навыки отражены в его работе в блоке индивидуально-личностных ресурсов, в который входят способность к адаптации, готовность к риску, высокая личная самооценка [Ядов 2001]. При изучении структуры человеческого потенциала Т.И. Заславская выделяет социокультурный

аспект, который характеризует социально значимые особенности менталитета граждан, нормативно-ценностное сознание, особенности убеждений и верований. Важно преобладание ценностей самостоятельности, личной ответственности, личного успеха, степени взаимодействия. Личностные качества, которые определяют деятельностный потенциал, автор видит в инициативности, выраженности инновационных форм мышления, творчестве. Для обществ с высоким уровнем деятельностного потенциала характерны разнообразие и популярность форм повышения образования [Заславская 2005].

На основании подходов отечественных и зарубежных авторов представляется возможным выделить основные некогнитивные навыки, которые выступают ресурсами социальной активности в целом и социального участия в частности: внутренний локус ответственности, инициативность, самостоятельность, креативность, склонность к образованию, коммуникабельность. Основной целью исследования является доказательство влияния данных некогнитивных навыков населения на социальное участие, выявление значимости каждой из них на развитость практик формального, неформального участия и помогающего поведения.

Методика исследования

На основании теоретической модели выделенных некогнитивных навыков социальной активности была разработана эмпирическая индикаторная модель их измерения. Ресурсы креативности измерялись двумя индикаторными вопросами – суждениями, с которыми респондент должен был выразить свое согласие или несогласие. Первый измеряет эмоциональный компонент отношения к творчеству: «Мне доставляет эмоциональное удовлетворение процесс творческой деятельности»; второй имеет акцент на поведенческий компонент: «Для меня характерно выдвигать и выражать большое количество различных идей». Для измерения инициативности и лидерства использовались тоже два вопроса-индикатора: «Главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни» и «Я предпочитаю быть лидером,

проявлять инициативу, чем быть подчиненным». Общительность, коммуникабельность измерялись суждением «Я стараюсь иметь широкий круг общения в повседневной жизни, на работе». Для измерения ресурсов ответственности использовалось суждение «Мне очень часто приходится брать ответственность за решение сложных проблем и дел в коллективе, в семье, в окружении на себя». Для определения развитости уровня некогнитивных навыков социальной активности каждого респондента был рассчитан общий индекс по всем входящим в модель составляющим, на основании которого все респонденты были разбиты на пять групп.

Эмпирической базой исследования стал опрос населения города Череповца Вологодской области, проведенный в апреле 2022 года. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет (участников опроса). Объем выборки – 668 человек.

Результаты и обсуждение

Выраженность некогнитивных навыков неоднородна. Больше всего населению свойственна коммуникабельность, которая зача-

стую выступает ресурсом включенности в практики участия и ресурсом формирования личного социального капитала. 69 % жителей города Череповца (сумма ответов согласия с суждением «полностью согласен» и «скорее согласен») стараются иметь широкий круг общения в повседневной жизни и на работе (рис. 1). Вторым значимым ресурсом активности является уровень ответственности. Ответственность на личностном уровне оценивается населением очень высоко. 64 % ответили, что им очень часто приходится брать ответственность за решение сложных проблем и дел в коллективе, в семье, в окружении на себя. Тем не менее locus ответственности достаточно редко распространяется на широкий радиус действия. Если за дела в семье чувствуют ответственность практически все респонденты (94 %), во дворе, доме только половина (49 %), а в городе только каждый третий (33 %). Высоко, но менее выражено стремление саморазвития – 58 % населения (18 % полностью согласны») стремятся постоянно повышать свое образование.

Установки, общая склонность на инициативность, креативность, ответственность выражены существенно ярче, чем реальные поведенческие практики их проявления. Так,

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими суждениями...», в %

например, при явно выраженном согласии с тем, что «главное в жизни инициатива, предприимчивость» (сумма позитивных ответов «полностью согласен» и «скорее согласен» – 69 %), готовы проявлять инициативу только 50 % населения (полностью согласных – 16 %). Эмоциональное удовлетворение от процесса творческой деятельности испытывает 62 %, но при этом только 51 % (при 16 % полностью согласных) считают, что для них характерно выдвигать большое количество идей. Обратим внимание, что полностью согласившихся с каждым из суждений не так много и составляет от 15 % до 24 %.

В соответствии с индикаторной моделью среди жителей Череповца с очень высоким уровнем развитости некогнитивных навыков социальной активности 30 % опрошенных, высоким – 26 %, средним – 27 %, низким – 12 % и очень низким – 6 % (рис. 2). Более развитые навыки у молодежи существенно снижаются к пенсионному возрасту. Снижение идет в основном за счет понижения уровня стремления к саморазвитию и образованию, креативности. Обозначим, что уровень некогнитивных навыков немного завышен из-за его расчета по самооценке респондентов. Тем не менее даже на основании самоопределения можно проанализировать обусловленность уровня социального участия.

Для выявления влияния некогнитивных навыков на социальное участие был проведен дисперсионный анализ. Фактором выступали ответы на выше перечисленные вопросы, а

результатирующей переменной общее количество практик разных форм участия (см. таблицу). Было доказано, что группы населения с разным уровнем выраженности некогнитивных навыков статистически значимо отличаются по количеству практик формального участия, неформального участия, безвозмездной помощи незнакомым (см. таблицу). На формальное участие больше всего влияет креативность (F -критерий = 15,0) и инициативность (F -критерий = 4,9) (см. таблицу).

Наиболее значима включенность в общественные организации в зависимости от уровня креативности. Среди тех, кто полностью согласился с суждением, что для него «свойственно выдвигать большое количество идей», каждый четвертый (25 %) состоит в двух и более общественных организаций. Тогда как среди населения, которым не свойственно проявление креативности, только 2 % входят в несколько общественных организаций (см. рис. 3). Инициативность является вторым по значимости ресурсом социального участия. 16 % респондентов с ярко выраженной инициативностью, лидерскими качествами включены в деятельность нескольких организаций, среди тех, кому лидерство и инициативность не свойственна, только 6 %. Значимо отличается вовлеченность в формальную общественную деятельность горожан, имеющих выраженные качества коммуникабельности, ответственности и склонности к повышению образования, от жителей со слабо выраженными качествами.

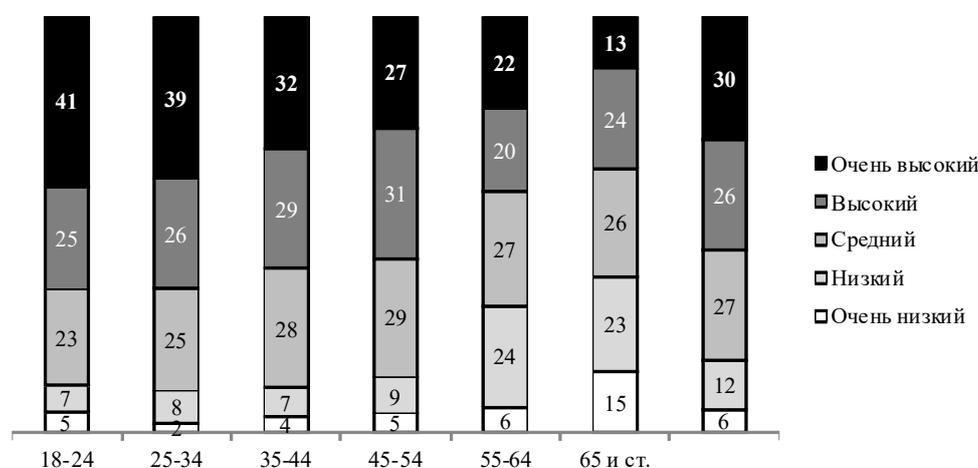

Рис. 2. Уровень развитости некогнитивных навыков социальной активности населения города Череповца в разрезе возрастных групп, в %

Разделение населения на группы по уровню некогнитивных навыков социальной активности в соответствии с разработанной индикаторной моделью позволил доказать влияние всех обозначенных навыков в целом на вовлеченность в общественные организации. Среди респондентов с очень высоким уровнем некогнитивных навыков состоят в двух и более общественных организациях 15 %, в од-

ной организации 19 %, не включены в деятельность общественных организаций 66 % (среди респондентов с очень низким уровнем некогнитивных навыков таких 84 %) (см. рис. 4).

Некогнитивные навыки влияют не только на включенность в деятельность общественных организаций, но и на выбор направленности самой организации. Население с явно выраженной склонностью к креативности

Результаты дисперсионного анализа по выявлению влияния некогнитивных навыков населения на вовлеченность в деятельность общественных организаций, неформальное участие, помогающее поведение

Суждения	Формальное участие		Неформальное участие		Помогающее поведение	
	F	Знач.	F	Знач.	F	Знач.
Для меня характерно выдвигать и выражать большое количество различных идей	15,0	0,00	4,9	0,01	4,7	0,01
Мне доставляет эмоциональное удовлетворение процесс творческой деятельности	3,7	0,01	5,2	0,00	8,1	0,00
Главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни	4,9	0,00	1,0	0,39	4,7	0,00
Я предпочитаю быть лидером, проявлять инициативу, чем быть подчиненным	4,4	0,00	5,0	0,00	6,4	0,00
Я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться	2,9	0,02	5,8	0,00	8,9	0,00
Я стараюсь иметь широкий круг общения в повседневной жизни, на работе	3,8	0,04	4,4	0,02	10,7	0,00
Мне очень часто приходится брать ответственность за решение сложных проблем и дел в коллективе, в семье, в окружении на себя	3,9	0,04	1,2	0,31	8,3	0,00

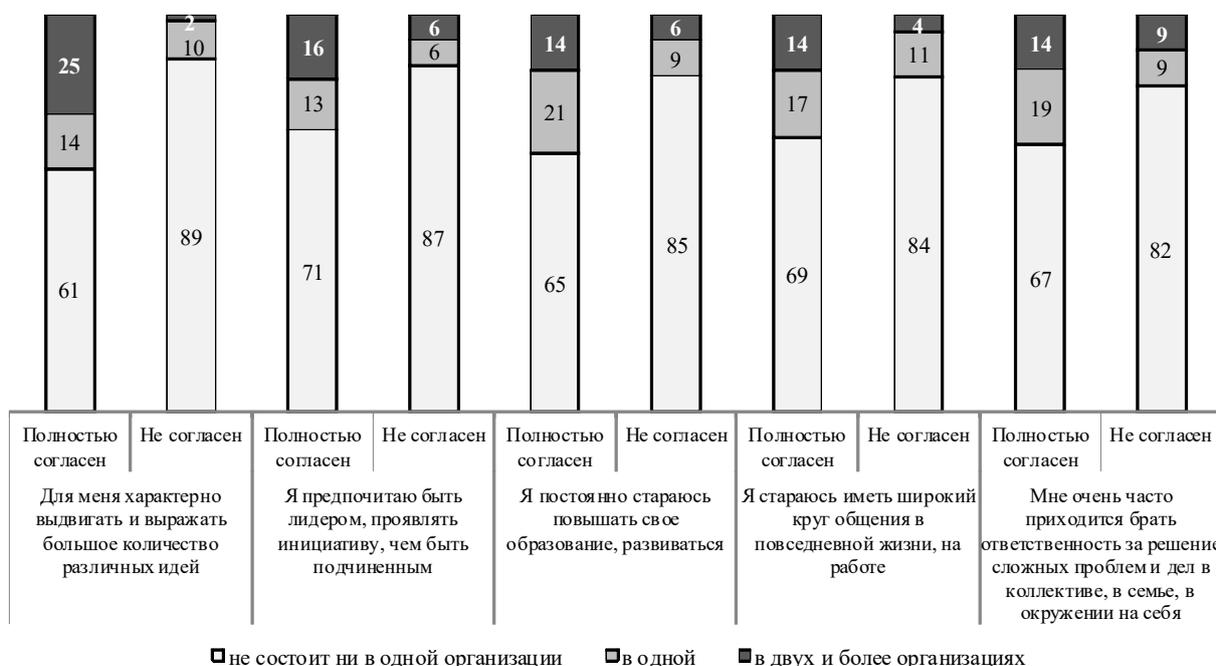

Рис. 3. Участие в общественных организациях в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

существенно чаще включено в организации культурной направленности (11 % среди креативных при 3 % среди всего населения) (рис. 5), творческие, по интересам (10 и 3 % соответственно), профессиональные (10 и 3 %), досугово-развлекательной направленности (8 и 2 %). Среди тех, кому свойственна ответственность, чаще остальных входят в родительские комитеты (12 % при 6 % среди всего населения) (см. рис. 6). Практически все качества отражаются на вовлеченность в деятельность профсоюзов.

По результатам дисперсионного анализа нет явно выраженного некогнитивного навыка, влияющего на практики неформального участия. Тем не менее общее количество практик неформального участия статистически значимо колеблется в зависимости от стремления к повышению образования (F -кри-

терий = 5,8), креативности (F -критерий = 5,2), инициативности (F -критерий = 5,0), коммуникативности (F -критерий = 4,4) (см. таблицу). Самый большой разрыв по количеству практик неформального участия имеют группы с сильно и слабо выраженной склонностью к повышению образования. Среди стремящихся постоянно повышать свое образование не имело практик участия 46 %, среди тех, кто к этому не стремится, – 72 %. Очень сильный разрыв по количеству практик неформального участия у групп с разным уровнем коммуникативности и инициативности (см. рис. 7).

Общее влияние всех некогнитивных навыков на практики неформального участия за счет равномерного их вклада выражено более сильно, чем на формальное участие. Среди населения с очень высоким уровнем некогнитивных навыков 18 % имело три и более

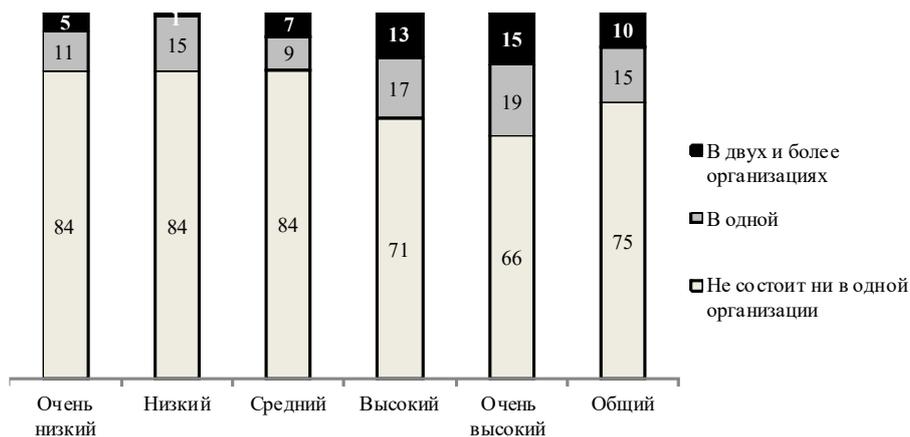

Рис. 4. Вовлеченность в деятельность общественных организаций в зависимости от уровня некогнитивных навыков, в %

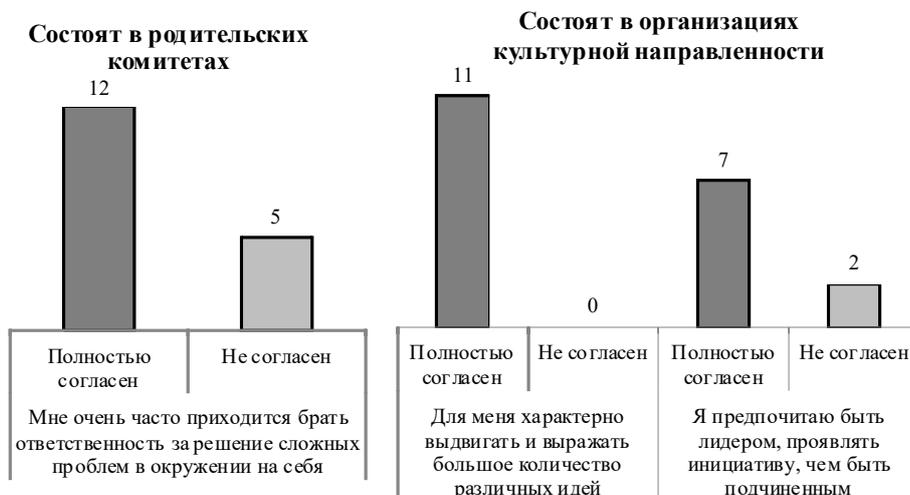

Рис. 5. Вовлеченность в деятельность родительских комитетов и организаций культурной направленности в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

практик неформального участия, 31 % одну-две практики и только 51 % не имели ни одной практики (среди респондентов с очень низким уровнем таких 78 %) (см. рис. 8).

29–30 % представителей с ярко выраженными качествами инициативности, креативности, коммуникабельности и ответственности (те, кто выбрал вариант «полностью согласен» по суждениям-индикаторам) принимали участие в общественных работах по месту жительства, тогда как у респондентов со

слабо выраженными данными качествами таких 16–20 %. Некогнитивные качества выступают ресурсом социальной активности в практиках благотворительной деятельности: 29–31 % населения с развитыми навыками принимали участие в практиках благотворительности, при 9–15 % среди группы со слабо выраженными качествами (см. рис. 9). Ощутимо влияние на участие в деятельности НКО и волонтерской деятельности. Из тех, кто предпочитает проявлять инициативу, 11 % за

Состоят в профсоюзах

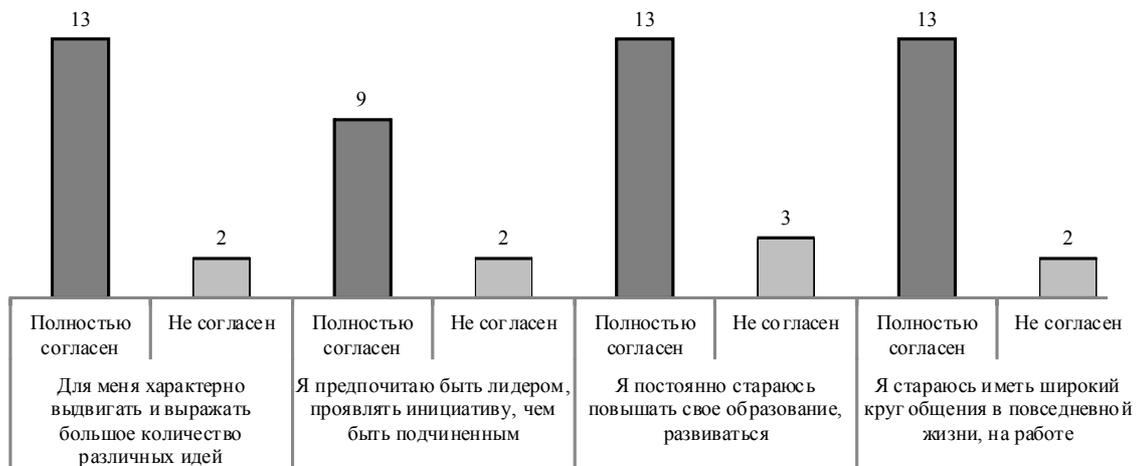

Рис. 6. Вовлеченность в деятельность профсоюзных организаций в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

Рис. 7. Вовлеченность в практики неформального участия в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

последние год-два были волонтерами, из группы населения с низким уровнем инициативности только 5 %.

Больше всего некогнитивные навыки отражаются на практике помогающего поведения (см. таблицу). Наиболее значимо влияет коммуникабельность, желание иметь широкий круг общения в повседневной жизни, работе (F -критерий = 10,7), на втором месте стремление повышать свое образование (F -критерий = 8,9), ответственность за решение проблем в своем окружении (F -критерий = 8,3), креативность, но уже не как инициация идей,

а как процесс, который доставляет удовлетворение (F -критерий = 8,1) и немного меньше инициативность (F -критерий = 6,4) (см. таблицу).

Расширенность практик помогающего поведения очень сильно обусловлена коммуникабельностью. Среди тех, кто старается иметь широкий круг общения в повседневной жизни, 31 % имели пять и более практик помогающего поведения, только 26 % не были в них задействованы, тогда как среди малообщительных таких было 9 и 53 % соответственно (см. рис. 10). Локус ответственности очень сильно предопределяет включенность

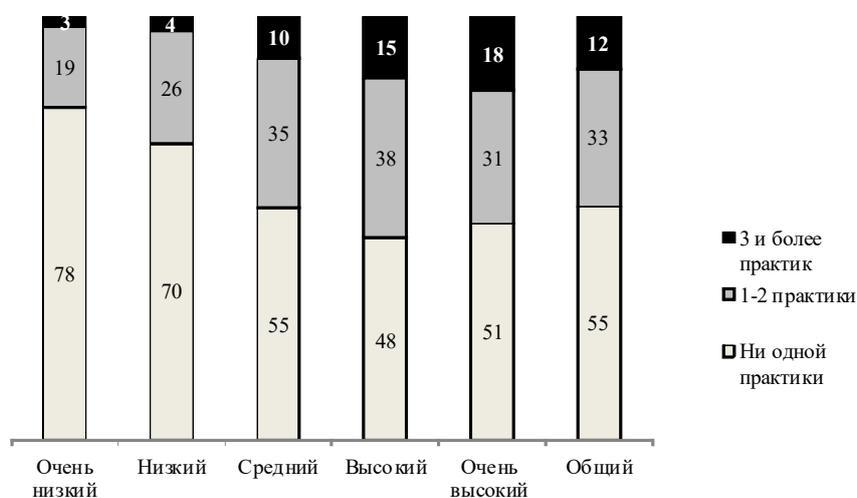

Рис. 8. Вовлеченность в практики неформального участия в зависимости от уровня некогнитивных навыков, в %

Участвовали в благотворительных акциях

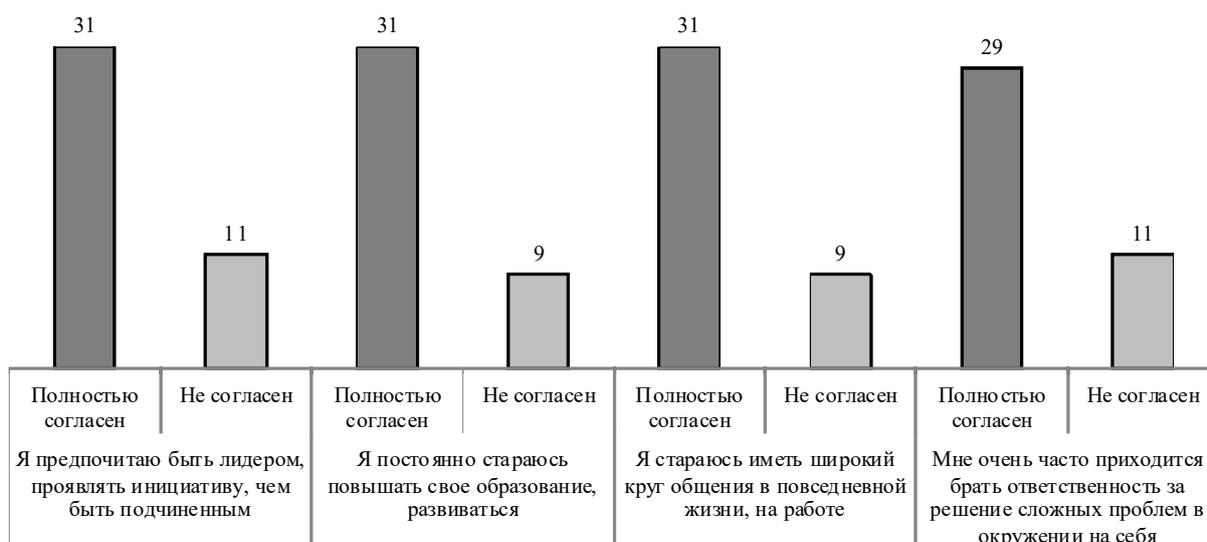

Рис. 9. Участие в благотворительных акциях в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

в практики взаимопомощи и поддержки окружающих. 33 % ответственных за решение проблем были задействованы в пяти и более практиках помогающего поведения, только 19 % не имели ни одной практики; среди тех, кто не склонен брать ответственность на себя, половина (51 %) не имели практик помогающего поведения.

Общий вклад некогнитивных навыков на социальную активность в форме практик безвозмездной помощи окружающим наиболее

значим по сравнению с формальным и неформальным видами социального участия. Среди группы с очень высоким уровнем развитости некогнитивных качеств только 24 % не имели практик помогающего поведения за последние год-два, 30 % были задействованы в пяти практиках и более, тогда как среди группы с очень низким уровнем 65 % не имели практик, и, скорее всего, именно данная группа была реципиентом данных практик (рис. 11).

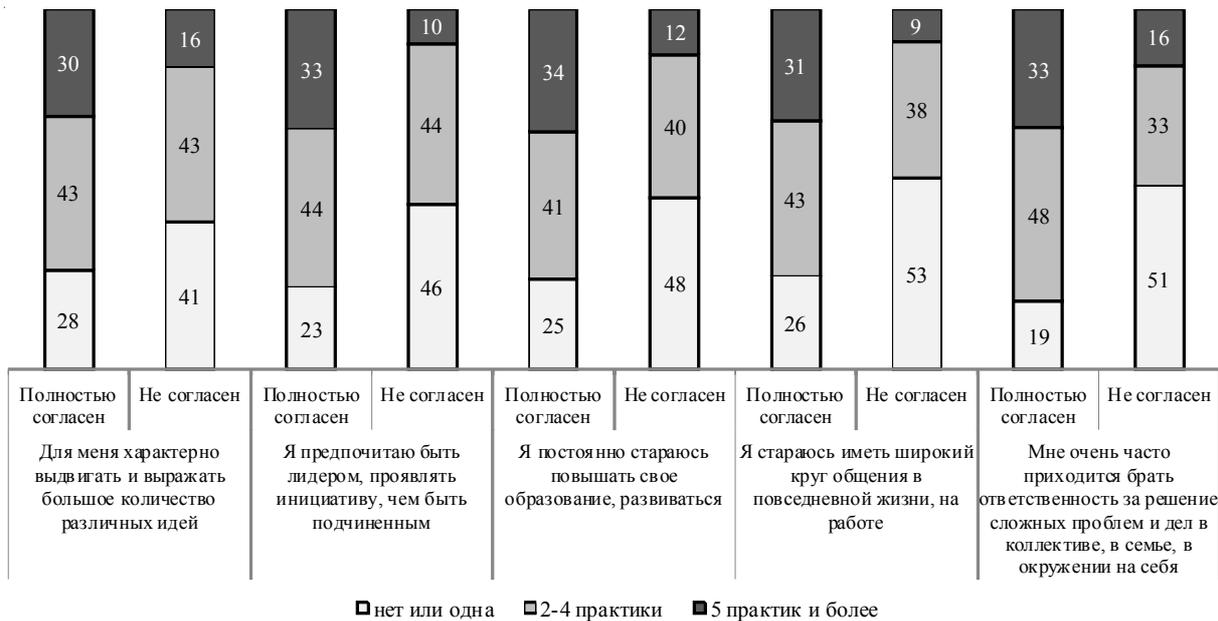

Рис. 10. Вовлеченность в практики помогающего поведения в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

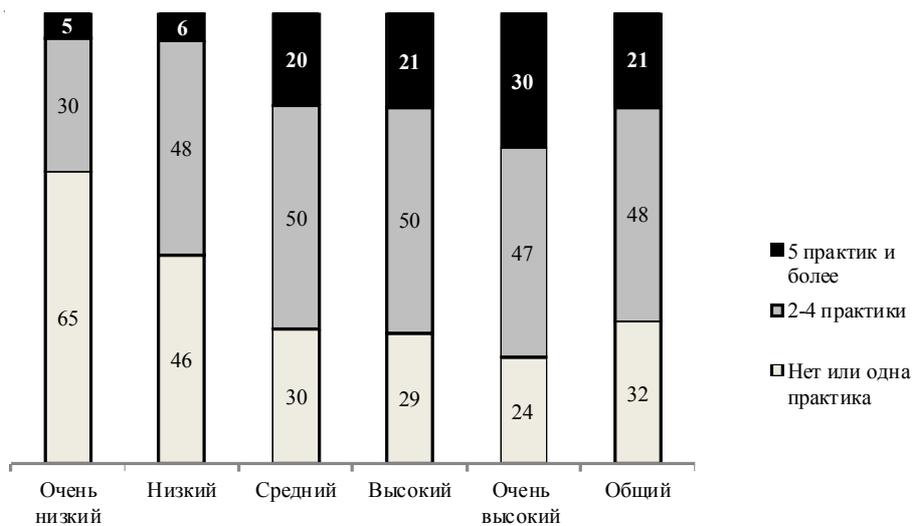

Рис. 11. Вовлеченность в практики помогающего поведения в зависимости от уровня некогнитивных навыков, в %

Некогнитивные качества чаще всего становятся ресурсом практик помощи продуктами, вещами (рис. 12). Среди тех, кто берет ответственность за решение сложных проблем на себя, 53 % в последнее время помогали вещами и продуктами: среди тех, кто не готов брать ответственность на себя, только 22 %. Среди группы с развитыми некогнитивными навыками половина населения (49–51 %) помогали деньгами (среди тех, у кого они слабо выражены только 19–25 %); около 20 % доставляли на дом продукты, одежду (при 2–8 % среди тех, у кого качества не выражены и при 12 % в целом по массиву), 16–20 % помогали при поиске работы (2–8 % соответственно).

Заключение

В статье приведено теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение влияния некогнитивных навыков на практики социального участия населения. На основании применения ресурсного подхода и его категорий – деятельностный потенциал, человеческий потенциал выделены наиболее значимые некогнитивные навыки, обуславливающие социальную активность населения: склонность к повышению образования, инициативность, ответственность за решение проблем в окружении, коммуникабельность, креативность.

В соответствии с теоретической моделью были разработаны практические индикаторы-вопросы для выявления данных некогнитивных качеств у населения и индикаторная модель измерения развитости данных навыков у населения.

По результатам опроса населения города Череповца было выявлено, что горожанам более свойственны такие некогнитивные качества, как коммуникабельность, творчество как процесс, доставляющий эмоциональное удовлетворение, стремление повышать самообразование, но реже креативность, как генерация различных идей, инициативность. Использование дисперсионного анализа подтверждает, что практически все приведенные навыки статистически значимо влияют на количество формальных, неформальных практик социального участия и помогающего поведения. Тем не менее влияние не однородно. На включенность в деятельность общественных организаций особо значимо влияют инициативность и креативность, сильнее всего они сказываются на вхождение в организации культурной и досугово-развлекательной направленности. Среди респондентов с выраженной ответственностью больше включенных в родительские комитеты в детском саду, школе.

На неформальное участие нет сильного влияния каждого отдельного фактора, но

Рис. 12. Распространенность практики безвозмездной помощи незнакомым людям вещами, продуктами в зависимости от ответов на вопросы-индикаторы по выявлению некогнитивных навыков, в %

влияние более однородно, что создает синергетический эффект. Среди групп населения с низким уровнем некогнитивных качеств социальной активности 78 % не имели практик неформального участия, тогда как среди группы с очень высоким уровнем таких только 51 %. Респонденты с выраженными качествами инициативности, ответственности и коммуникабельности чаще принимают участие в общественных работах по месту жительства, участвуют в благотворительных акциях, работают волонтерами.

Чувствительнее всего влияние некогнитивных навыков на помогающее поведение. Респонденты с высоким уровнем ответственности за решение проблем в своем окружении, коммуникабельности, инициативности значительно чаще помогают деньгами, вещами, в поиске работы.

Таким образом, эмпирически доказывается, что некогнитивные навыки креативности, ответственности, коммуникабельности, инициативности, стремления к самообразованию выступают значимым внутренним ресурсом формирования социальной активности населения, что материализуется в практиках социального участия на формальном и неформальном уровне, в помогающем поведении. Соответственно, развитие таких качеств у населения и формирование их у молодежи могут способствовать повышению уровня активности, и следовательно представляют собой потенциал для развития территории и территориального сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гидденс 2005 – *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2005.
- Давыдова, Тихонова 2006 – *Давыдова Н. М., Тихонова Н. Е.* Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // *Методы социологических исследований*. 2006. № 2. С. 29–41
- Заславская 2005 – *Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 5–16.
- Ключникова, Орлова 2019 – *Ключникова Т. Н., Орлова В. Н.* Социальные инновации: сетевой диалог и новые формы добровольческого участия молодежи в развитии городской среды // *Самоуправление*. 2019. Т. 2, № 2 (115). С. 78–81.
- Коулман 2001 – *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
- Кравчук, Шуклина 2011 – *Кравчук П. Ф., Шуклина О. С.* Инновационный потенциал в системе личностных характеристик // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2011. № 4 (37). С. 54–62.
- Мельников, Крейк, Мельникова 2019 – *Мельников М. В., Крейк А. И., Мельникова А. С.* Отношение к общественному благу и социальная активность жителей городских и сельских поселений // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. № 3 (59). С. 23–30.
- Радаев 2002 – *Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация ресурсов // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2. С. 2–32.
- Скалабан, Серебрянникова 2014 – *Скалабан И. А., Серебрянникова О. А.* Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // *Идеи и идеалы*. 2014. № 1 (19). С. 65–74.
- Сорокин, Позднухова 2023 – *Сорокин П. С., Позднухова Е. А.* «Человеческий потенциал»: концептуализация понятия и обзор современных полидисциплинарных дискуссий через призму социологии // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований*. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 26–40.
- Сушенцова, Аникин 2023 – *Сушенцова М. С., Аникин В. А.* Эволюция концепции и основные тренды в развитии человеческого потенциала // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований*. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 9–26.
- Тихонова 2006 – *Тихонова Н. Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. 2006. Т. 7, № 3. С. 12–26.
- Урбан, Демчук 2022 – *Урбан О. А., Демчук Н. В.* Социальные практики ресурсообеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона // *Регионология*. 2022. Т. 30, № 1. С. 103–128.
- Ядов 2001 – *Ядов В. А.* Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // *Кто и куда стремится вести Россию? М.: МВШСЭН*, 2001. С. 310–319.

Bourdieu 2001 – Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2001. P. 280–290.

Coleman 1988 – Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

Heckman, Corbin 2016 – Heckman J.J., Corbin C.O. Capabilities and Skills // NBER Working Paper. 2016. Vol. 22339. P. 1–30.

Putnam 1995 – Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 65–78.

REFERENCES

- Giddens E., 2005. *The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Davydova N.M., Tikhonova N.E., 2006. Methodology for Calculating Resource Availability in the Analysis of Social Stratification. *Metody sociologicheskikh issledovaniy*, no. 2, pp. 29-41.
- Zaslavskaya T.I., 2005. Human Potential in the Modern Transformation Process. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3, pp. 5-16.
- Klyuchnikova T.N., Orlova V.N., 2019. Social Innovations: Network Dialogue and New Forms of Voluntary Participation of Young People in the Development of the Urban Environment. *Samoupravlenie*, vol. 2, no. 2 (115), pp. 78-81.
- Koulman J., 2001. Social and Human Capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3, pp. 122-139.
- Kravchuk P.F., Shuklina O.S., 2011. Innovative Potential in the System of Personal Characteristics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (37), pp. 54-62.
- Melnikov M.V., Kreyk A.I., Melnikova A.S., 2019. Attitude to the Public Good and Social Activity of Residents of Urban and Rural Settlements. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 3 (59), pp. 23-30.
- Radaev V.V., 2002. The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion of Resources. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 2-32.
- Skalaban I.A., Serebryannikova O.A., 2014. Territorial Identity as a Factor of Social Participation: Generational Context. *Idey i idealy*, no. 1 (19), pp. 65-74.
- Sorokin P.S., Pozdnukhova E.A., 2023. "Human Potential": Conceptualization of the Concept and Review of Modern Multidisciplinary Discussions Through the Prism of Sociology. *Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezultaty issledovaniy*. Moscow, VTsIOM, 2023, pp. 26-40.
- Sushentsova M.S., Anikin V.A., 2023. Evolution of the Concept and Main Trends in the Development of Human Potential. *Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezultaty issledovaniy*. Moscow, VTsIOM, 2023, pp. 9-26.
- Tikhonova N.E., 2006. Resource Approach as a New Theoretical Paradigm in Stratification Studies. *Ehkonomicheskaya sociologiya*, vol. 7, no. 3, pp. 12-26.
- Urban O.A., Demchuk N.V., 2022. Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region. *Regionology*, vol. 30, no. 1, pp. 103-128.
- Yadov V.A., 2001. Social Resource of Individuals and Groups as Their Capital: The Possibility of Applying a Universal Methodology for Studying Real Stratification in Russian Society. *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu?* Moscow, MVShSEN, 2001, pp. 310-319.
- Bourdieu P., 2001. Forms of Capital. *The Sociology of Economic Life*. Boulder, Westview Press, pp. 280-290.
- Coleman J., 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. 95-120.
- Heckman J.J., Corbin C.O., 2016. Capabilities and Skills. *NBER Working Paper*, vol. 22339, pp. 1-30.
- Putnam R., 1995. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*, vol. 6, no. 1, pp. 65-78.

Information About the Author

Irina N. Vorobeva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University, Prosp. Sovetsky, 8, 162600 Cherepovets, Russian Federation, vorobyova-i-n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5970-051X>

Информация об авторе

Ирина Николаевна Воробьева, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, просп. Советский, 8, 162600 г. Череповец, Российская Федерация, vorobyova-i-n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5970-051X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.9>

UDC 316.3
LBC 60.8

Submitted: 14.04.2025
Accepted: 30.05.2025

SOCIAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH ON THE EXAMPLE OF THE YAROSLAVL REGION: RESEARCH RESULTS

Julia A. Palacheva

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. The Russian Federation pays great attention to the development of youth policy. The regulatory framework is being strengthened, and higher education institutions have introduced the position of vice-rector for youth policy and educational work, who organizes the processes of involving students in various forms of social activity. The authors of the article consider various projects and events in which modern students can take part. The article presents the results of a sociological study aimed at identifying the structure of social activity, the specifics of practices in which students of higher educational institutions can participate, and the motivation of students. The factor of social activity is awareness of projects; the result is the role that the student chooses (participant or organizer), implementing social practices of participation. The empirical basis was the results of a sociological study conducted using an online survey (multi-stage, quota-based sample, $n = 915$). The respondents aged 17 to 23 were students of social, humanitarian, technical, natural science, and creative fields of bachelor's and specialist's degrees from 11 higher educational institutions of the Yaroslavl region. As part of the online survey, respondents were asked to assess their awareness and note the form of participation in projects of the modern student environment: intramural events, scientific conferences and seminars, forums of the Federal Agency for Youth Affairs, and the All-Russian Student project "Your Turn." According to the results of the study, it was revealed that awareness, willingness to participate in events and projects, the reasons for non-participation, and motivation to participate depend on the field in which students study, and it was also revealed that female students are more active than male students.

Key words: youth, student youth, social activity, social participation, youth policy.

Citation. Palacheva Ju.A. Social Activity of Student Youth on the Example of the Yaroslavl Region: Research Results. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 87-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.9>

УДК 316.3
ББК 60.8

Дата поступления статьи: 14.04.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Юлия Алексеевна Палачева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В Российской Федерации уделяется большое внимание формированию молодежной политики. Происходит усиление нормативно-правовой базы, в высших образовательных организациях ввели должность проректора по молодежной политике и воспитательной работе, который организует процессы включения студентов в разнообразные формы социальной активности. Авторы статьи рассматривают разные проекты и мероприятия, в которых могут принимать участие современные студенты. В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление структуры социальной активности, специфики практик, в которых могут принимать участие студенты высших образовательных организаций, мотивации студентов. Фактором социальной активности является информированность о проектах, результатом – роль, которую выбирает студент (участника или организатора), реализуя социальные практики участия. Эмпирической базой выступили результаты социологического исследования, которое было проведено методом онлайн-опроса (выборка многоступенчатая, квотная, объем выборки (n) – 915 человек). Опрошены респонденты от 17 до 23 лет, это студенты разных курсов социально-гуманитарных, технических, естественно-

научных и творческих направлений подготовки бакалавриата и специалитета из 11 высших образовательных организаций Ярославской области. В рамках онлайн-опроса респондентам предлагалось оценить свою информированность и отметить форму участия в проектах современной студенческой среды: внутривузовских мероприятиях, научных конференциях и семинарах, форумах Федерального агентства по делам молодежи, Всероссийском студенческом проекте «Твой ход». По результатам исследования было выявлено, что информированность, готовность принимать участие в мероприятиях и проектах, причины неучастия и мотивация к участию зависят от направления подготовки, на котором студенты обучаются, и также, что студентки более активны, чем студенты.

Ключевые слова: молодежь, студенческая молодежь, социальная активность, социальное участие, молодежная политика.

Цитирование. Палачева Ю. А. Социальная активность студенческой молодежи на примере Ярославской области: результаты исследования // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 87–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.9>

В современной России большое внимание уделяется реализации молодежной политики. Происходит развитие нормативно-правового поля отрасли [Федеральный закон от 28.12.2024 № 550-ФЗ... web; Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024... web], с 2025 г. начал действовать национальный проект «Молодежь и дети» [Национальный проект «Молодежь и дети»... web]. Активно ведется работа со студенческой молодежью в высших образовательных организациях. В 2020 г., когда в университетской среде была введена в штатное расписание должность проректора по молодежной политике и воспитательной работе, во всех высших образовательных организациях появились специалисты, ответственные за внеучебную работу со студентами [Разуваева, Нефедова... web].

Важность поддержки инициатив молодежи подчеркивают, как граждане России (по данным ВЦИОМ, 82 % россиян убеждены, что власти должны поддерживать инициативы молодежи [Общественная активность молодежи... web]), так и Президент страны В.В. Путин, который поддержал идею активнее вовлекать студентов в социально значимые проекты [Путин поддержал... web].

По мнению авторов, одной из ключевых проблем при организации воспитательной работы и молодежной политики на базе высших образовательных организаций являются сложности в организации информирования о региональных и федеральных программах студентов вузов, а также отсутствие комплексной аналитики, которая включала бы в себя разные формы социальной активности. Данное исследование является попыткой представить

комплексную картину социальной активности в вузах, включая актуальные мероприятия и программы отрасли. Отдельно отметим, что мероприятия, которые представлены в онлайн-опросе, входят в индекс эффективности воспитательной деятельности в вузах [Всероссийский студенческий проект... web].

Таким образом, целью исследования будет являться выявление структуры социальных практик, в которых могут принимать участие студенты высших образовательных организаций. Задачами исследования станут определение внутренних и внешних факторов, которые оказывают влияние на мотивацию к участию и становятся причинами неучастия в разных формах социальной активности.

Обзор литературы

Анализируя зарубежные исследования, направленные на изучение социальной активности студенческой молодежи, было выявлено, что в большинстве источников используется термин «просоциальная деятельность», который понимается как некая деятельность, направленная на вовлечение молодежи в формы социальной активности. В зарубежных исследованиях рассматривается просоциальное поведение как фактор академической успеваемости [Getahun 2023], просоциального «заражения» молодежи, которые копируют поведение социально-активных сверстников [Kim et al. 2024; Wegemer 2022], последствия просоциальной деятельности [Xiong et al. 2023].

Авторами была исследована российская теоретическая база посвященная социальной

активности студенческой молодежи [Зубок 2020; Пилипенко 2021], а также особенностям реализации молодежной политики в стране [Гречихин 2021; Осипова 2020; Ростовская, Васильева 2023]. Данные работы способствовали выявлению факторов, влияющих на социальную активность студентов. Значимыми для данного исследования будут являться работы социологов и педагогов, в рамках которых авторы рассматривали социальную активность как участие в общественном деле, в социальных практиках, результат которых направлен на общественное благо. Среди таких исследователей стоит отметить работы российских ученых: Л.С. Жгун, В.Н. Мордкович, Д.В. Кротов, В.В. Орлова [Жгун web; Мордкович 1986; Кротов 2009; Орлова 2019]. Социальная активность в вышеуказанных работах часто понимается как деятельность, связанная с решением общественных задач, обладающих просоциальной ценностью.

Отметим, что социальная активность студентов высших образовательных организациях зачастую представлена исключительно деятельностью в рамках волонтерских организаций [Ковров, Гафиатулина, Билувус 2022; Певная и др. 2022]. Настоящая работа направлена на формирование комплексного представления о формах социальной активности в высших образовательных организациях. Теоретическая и эмпирическая операционализация понятия «социальная активность», позволили выделить следующие индикаторы: информированность о мероприятии или проекте, при этом важно определить, сам студент ищет или случайно получает информацию; интенсивность участия в проектах; задачи, реализуемые в процессе социального участия и практики (волонтер, организатор события и др.).

Методология исследования основывается на принципе «дуальности структуры» Э. Гидденса, признании важной роли социального субъекта (индивидов, общественных групп, движений) в преобразовании социальных структур. Под дуальностью структуры необходимо рассматривать процесс структуризации современной молодежной политики, которая, с одной стороны, формируется высшими образовательными организациями, учреждениями молодежной политики и общественными организациями, с другой – сами студенты, яв-

ляясь частью консультационных, наблюдательных органов при вышеуказанных институтах, организуя мероприятия и проекты, оказывают значимое влияние на структуру, задачи и реализацию молодежной политики. Институты дают студентам материальные и нематериальные ресурсы на осуществление инициатив, формируют систему мотивации и в то же время преобразуются в результате социальной активности студенческой молодежи.

Методика исследования

В исследовании были отобраны 11 высших образовательных организаций Ярославской области, 10 из которых расположены на территории города Ярославля, а один находится в городе Рыбинск. Выборка исследования – многоступенчатая, квотная ($n = 915$). Квоты заданы типом образовательного учреждения, направлением подготовки, долей студентов мужского и женского пола, курсом обучения.

Отметим, что большинство респондентов являются студентами крупных высших образовательных организаций с контингентом от 3 000 до 7 500 человек всех форм обучения. Всего 30,9 % респондентов обучаются в университетах, где общее количество студентов составляет менее 3 000 человек.

В настоящем исследовании приняли участие студенты разных направлений подготовки: естественно-научных, социально-гуманитарных, технических, творческих. Для удобства обработки направления были объединены в две группы: социально-гуманитарные и творческие направления, технические и естественно-научные направления.

Возрастной диапазон опрошенных составляет от 17 до 23 лет. Среди респондентов практически равная доля мужчин и женщин. Более 62 % студентов не работает, иногда подрабатывают 21 % из числа опрошенных, работают на постоянной основе 16,5 %.

Информированность и участие: мероприятия высшей образовательной организации

По результатам проведенного исследования выявлено, что 87,7 % из числа опрошенных респондентов знают о внеучебных мероп-

раниях своей образовательной организации (студенческая весна, мероприятия для первых курсов и т. д.). Принимали участие в событиях – 40,8 %, выступали в роли волонтеров или организаторов – 9,1 %. Уровень информированности значительно выше среди девушек: не знают о подобных проектах 7,1 % девушек, 21 % юношей. Девушки чаще принимают участие в мероприятиях, более охотно становятся волонтерами или организаторами событий (10,8 % – девушки, 6 % – юноши).

Для организации воспитательной работы и молодежной политики внутри образовательных организаций важно, как соотносится участие в мероприятиях университета с направлением подготовки. В рамках настоящего исследования респондентам предлагалось из перечисленных видов социальной активности отметить те, в которых они принимали участие за последний календарный год.

Обратим внимание, что лучше информированы о мероприятиях своей образовательной организации студенты социально-гуманитарных и творческих направлений, они же чаще берут на себя роль волонтеров и организаторов события (рис. 1). Сегодня образовательная программа не включает обязательное участие в научных мероприятиях для успешного завершения бакалавриата или специалитета. Потому в рамках исследования участие студентов в научных конференциях и семинарах рассматривалось как одна из форм социаль-

ной активности: 16,8 % не знают о научных мероприятиях, проходящих в вузе; принимали участие в научных конференциях 31,9 %; менее всего информированы о научной работе первокурсники (см. рис. 2). Интересно, что девушки лучше информированы о возможностях принимать участие в научных мероприятиях: не знают о подобных мероприятиях 14,1 % девушек и 21 % юношей. В то же время информированные студенты активно принимают участие в научных конференциях, несмотря на социально-демографические различия.

Студенты социально-гуманитарных и творческих направлений лучше информированы о возможностях участия в научных конференциях и семинарах: не знают о такой возможности 15,5 % социально-гуманитарных и творческих направлений подготовки и 17,9 % студентов технических и естественно-научных направлений. Принимали участие в данных мероприятиях 29,2 % опрошенных студентов из числа социально-гуманитарных и творческих направлений подготовки, а также 29,6 % из числа технических и естественно-научных направлений.

Информированность и участие: мероприятия молодежной политики

Анализируя социальную активность студентов на базе высших образовательных организаций, необходимо отдельно рассмотреть реализацию Всероссийского студенческого проекта «Твой

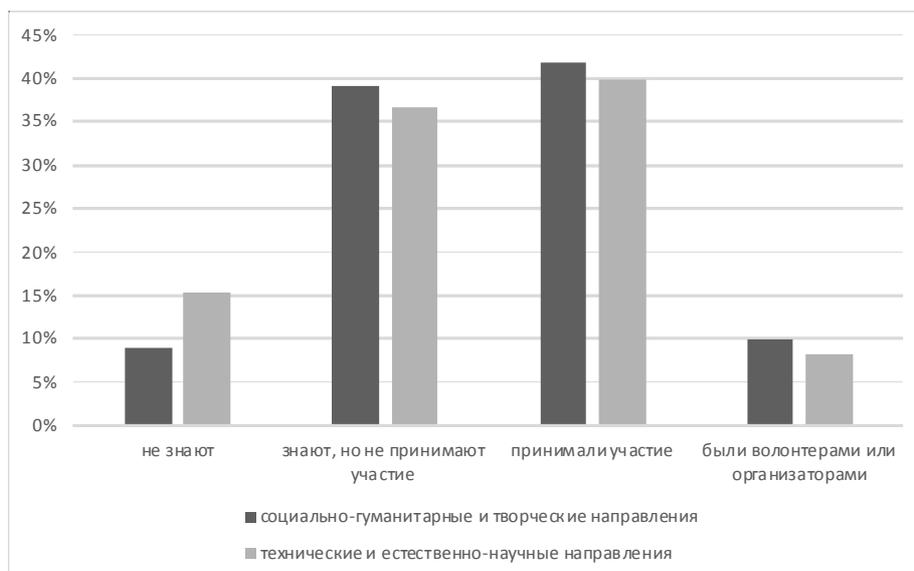

Рис. 1. Участие студентов разных направлений в мероприятиях высших образовательных организаций

ход», который поддерживается Федеральным агентством по делам молодежи, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации. В рамках данного проекта не только проходит конкурсная программа, которая направлена на формирование социальной активности, проект является основой формирования рейтинга эффективности воспитательной деятельности внутри высших образовательных организаций. Отметим, что по итогам 2024 г. высшие образовательные организации Ярославской области не вошли в топ-50 [Всероссийский студенческий проект... web].

Не слышали о проекте 45,7 % из числа опрошенных респондентов, 46,4 % знают о проекте, но никогда не принимали в нем уча-

стие. Всего 7,9 % респондентов становились участниками проекта. Девушки лучше информированы о возможности принимать участие в проекте. Интересный результат был получен при анализе информированности респондентов, в зависимости от направления подготовки, на котором они обучаются (рис. 3).

Несмотря на то что студенты социально-гуманитарных и творческих направлений лучше информированы о проекте, студенты технических и естественно-научных специальностей чаще принимают участие в проекте, в том числе как волонтеры (9,4 %). Среди социально-гуманитарных и творческих направлений этот процент равен 6,1 %.

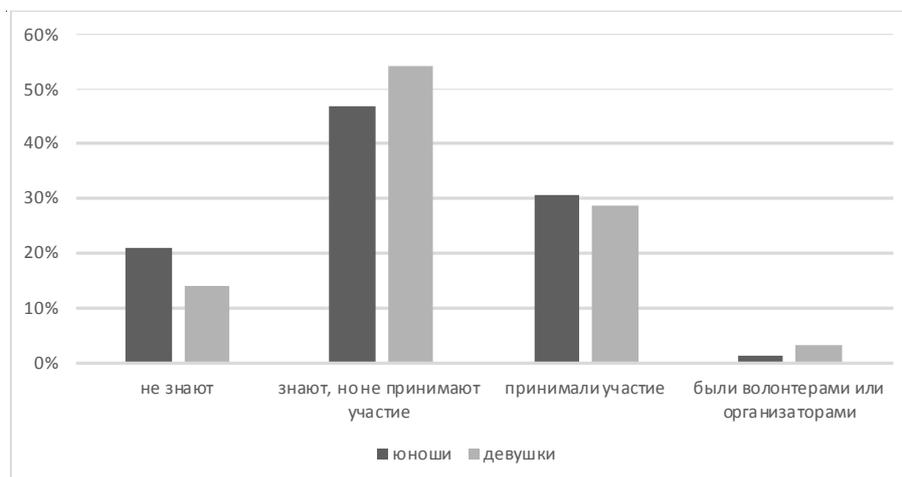

Рис. 2. Участие в научных конференциях юношей и девушек

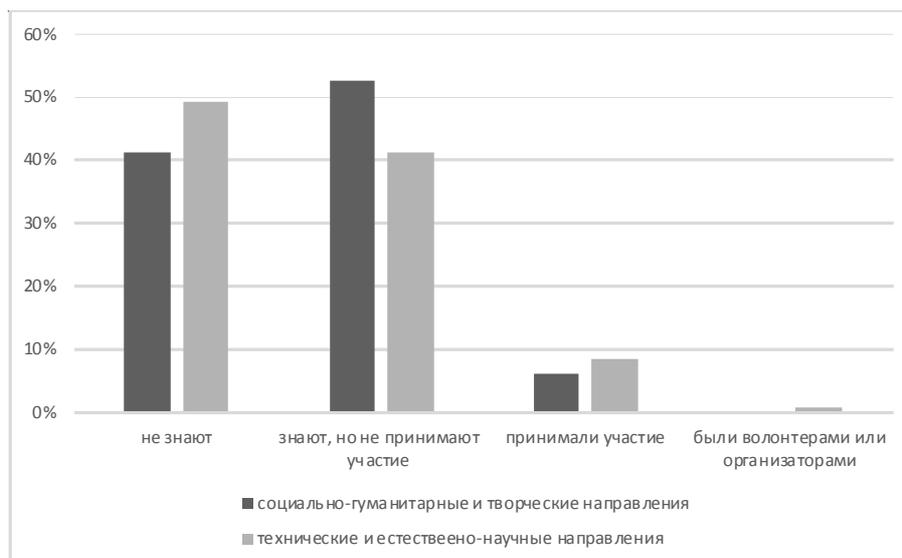

Рис. 3. Участие студентов разных направлений в проекте «Твой ход»

Сегодня у студентов высших образовательных организаций есть множество возможностей для участия в других федеральных проектах, форумах Росмолодежи, которые направлены на профессиональное развитие, а также вовлечение в социально одобряемую деятельность. По результатам исследования 53,7 % среди опрошенных никогда не слышали о подобных событиях, 38,6 % знают о возможности, но никогда не принимали участие, были непосредственными участниками, волонтерами или организаторами 7,7 %. Девушки лучше, чем юноши информированы о возможности участия в подобных проектах: о такой возможности не знают 61,9 % юношей и 48,3 % девушек. В то же время девушки и юноши в равной степени принимали участие в подобных событиях (6,5 % – девушки, 5,8 % – юноши), становились волонтерами или организаторами (1,8 % – девушки, 1,1 % – юноши).

Студенты социально-гуманитарных и творческих направлений лучше информированы о возможностях участия в формах: не знают о такой возможности 65,3 % студентов технических и естественно-научных направлений, 40,2 % – социально-гуманитарных и творческих направлений подготовки. Принимали участие – 8,2 % студентов социально-гуманитарных и творческих направлений подготовки, 4,9 % – естественных и технических.

Причины неучастия и мотивация к участию в разных формах социальной активности

Респондентам были заданы вопросы, в которых предлагалось оценить по шкале от 1 до 10 причины неучастия в различных формах социальной активности, где 1 – это неактуальная причина, а 10 – это очень значимая причина неучастия. Предлагались следующие варианты: «загруженность учебной», «отсутствие интереса к предлагаемым формам социальной активности», «страх перед неудачей», «нехватка информации», «финансовые ограничения», «закрытое сообщество активистов» и «влияние окружения». Результаты опроса представлены на рисунке 4.

Среди юношей и девушек наиболее явные отличия выявлены по индикаторам «отсутствие интереса» и «страх перед неудачей». «Отсутствие интереса» более актуальная причина для юношей, а «страх перед неудачей», напротив, актуальнее для девушек.

Студентам предлагалось оценить различные формы мотивации (использовалась шкала, в которой 1 – это неактуальная форма мотивации к участию в социальной активности, а 10 – очень актуальная форма): «повышенные стипендии», «поддержка участия в проектах от администрации вуза», «получение корпоративной атрибутики», «информирование

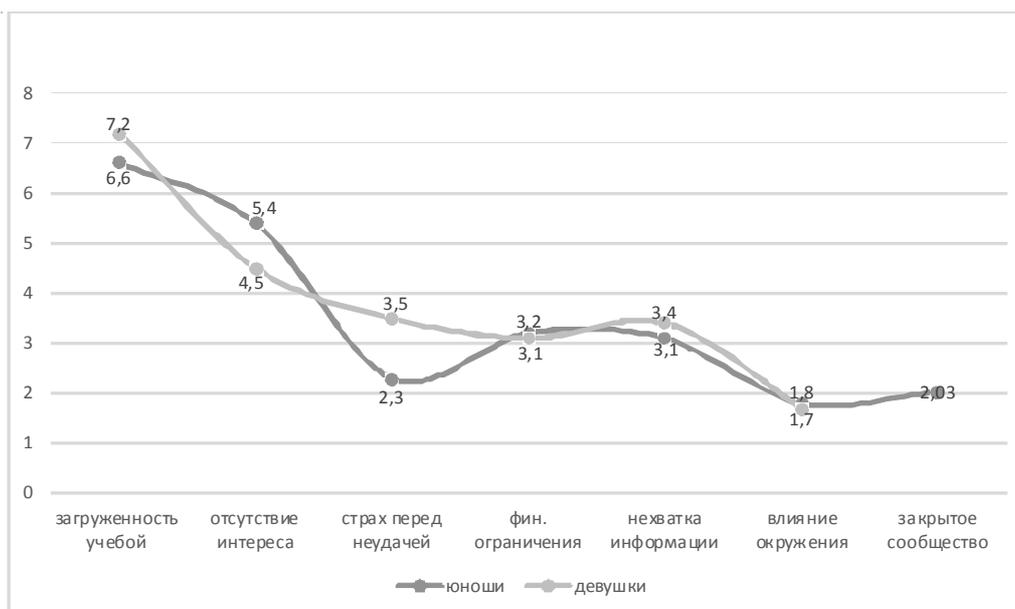

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Причины неучастия студентов в социальной активности» в зависимости от пола

о проектах», «организация каникулярного отдыха», «помощь в подаче заявок», «компенсации транспортных расходов», «публикации об успехах студентов на интернет-ресурсах вуза». На Рисунке 5 представлены результаты оценки данных форм мотивации среди юношей и девушек.

Выявлено, что для юношей наиболее важна материальная поддержка активности – повышенная стипендия (5,6), остальные формы мотивации для них являются менее важными. Девушек же больше всего мотивирует «поддержка от администрации» (5,7), «повышенная стипендия» (5,65) и в целом их результаты выше. Таким образом, юношей мотиви-

ровать к социальной активности сложнее, чем девушек.

Для формирования комплексного понимания причин неучастия в различных формах социальной активности авторами представлены распределения причин неучастия в зависимости от направления подготовки (рис. 6).

Наиболее актуальной причиной неучастия для студентов всех направлений подготовки является загруженность учебой (7,2). Наименее актуальной причиной неучастия для современных студентов становится влияние окружения (1,9). Интересно, что в большинстве показателей среднее значение является схожим для всех направлений подготовки.

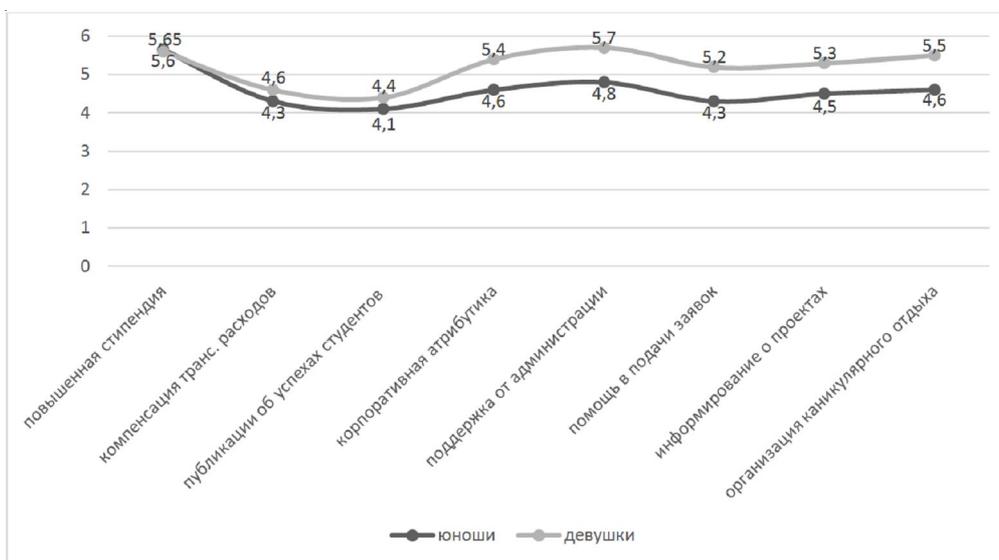

Рис. 5. Мотивация к участию в социальной активности среди юношей и девушек

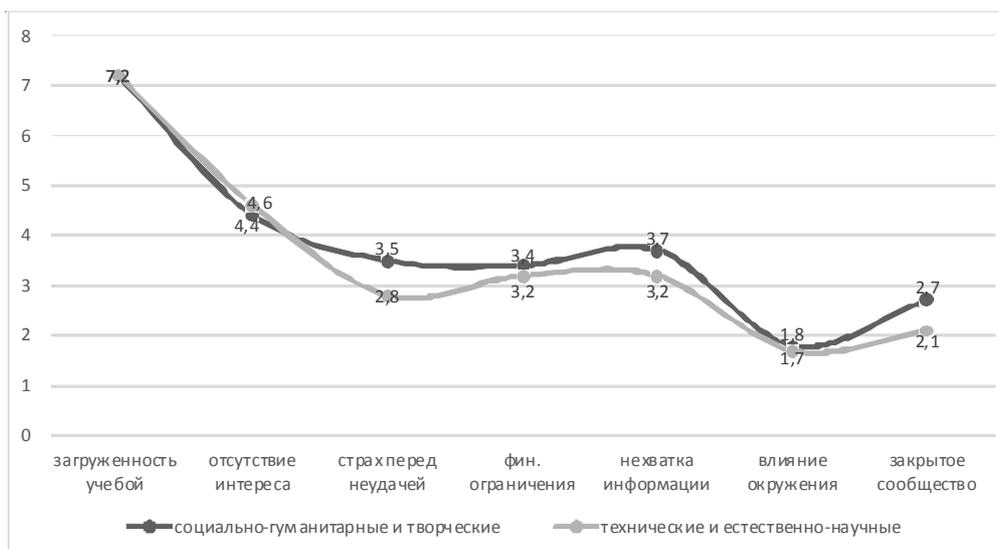

Рис. 6. Причины неучастия среди студентов в разных формах социальной активности

Исключением становится индикатор «страх перед неудачей», показатель которого выше у студентов социально-гуманитарных и творческих направлений.

На рисунке 7 представлены результаты исследования особенностей мотивации студентов разных направлений подготовки.

Обратим внимание, что результаты оценок респондентов по индикаторам «повышенная стипендия» и «корпоративная атрибутика» наиболее согласованы. Остальные же формы мотивации имеют ощутимые различия. Так, например, индикатор «публикации об успехах студентов на ресурсах университета» для студентов социально-гуманитарных и творческих направлений является важной формой мотивации (5), тогда как среди технических и естественно-научных направлений подготовки данный индикатор имеет значение 3,7. Наибольшие различия получены по индикатору «организация каникулярного отдыха» – у творческих и социально-гуманитарных направлений подготовки средний показатель 6, у технических и естественно-научных направлений – 4,2.

Заключение

В рамках настоящего исследования авторы описывали социальную активность студенческой молодежи через участие и неучастие в мероприятиях: внутривузовских мероприятиях, научных конференциях и семинарах,

форумах Федерального агентства по делам молодежи, Всероссийском студенческом проекте «Твой ход». Оценивая участие и информированность, отметим, что наиболее понятными и доступными для студенческой молодежи являются мероприятия внутри образовательных организаций (студенческая весна, мероприятия для студентов первых курсов и т. д.). Информированность о внутривузовских мероприятиях – 87,7 % из числа опрошенных респондентов; 40,8 % – принимали участие; 9,1 % – выступали в роли волонтеров или организаторов. Внешние проекты, которые проводят федеральные организации для студенческой молодежи, менее востребованы: 7,9 % респондентов становились участниками проекта «Твой ход», 7,7 % опрошенных пробовали себя в качестве участника, волонтера или организатора форумов Федерального агентства по делам молодежи. Учитывая, что в бюджете региональной молодежной политики Ярославской области заложены средства на компенсацию транспортных расходов для участия в подобных проектах, работа с вовлечением в подобные проекты может стать определенной точкой роста внеучебной работы в высших образовательных организациях.

Для дальнейшей работы по интенсификации социальной активности студентов высших образовательных организаций необходимо полнее изучать причины неучастия во внешних и внутренних мероприятиях разных

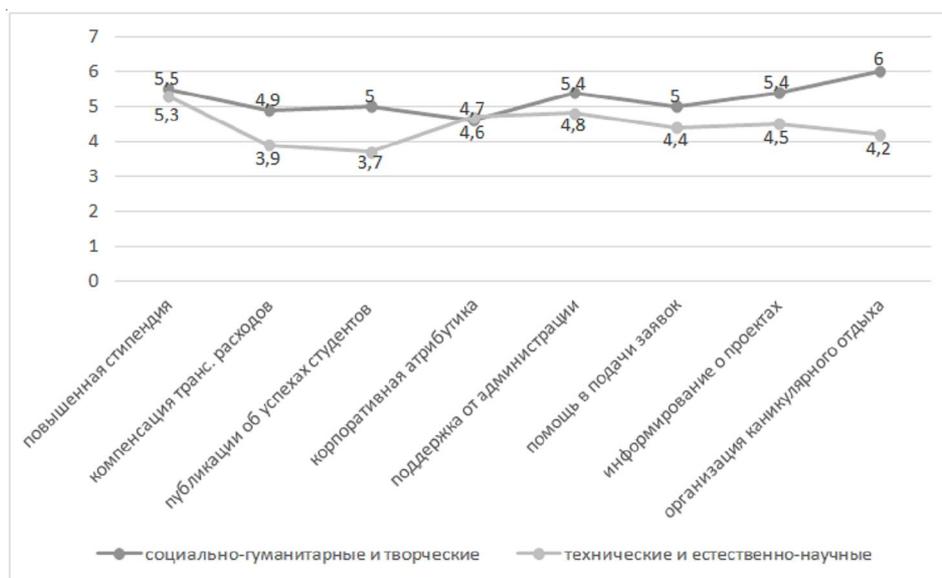

Рис. 7. Мотивация среди студентов разных направлений подготовки

форм, а также расширять ресурсы обеспечения материальной и нематериальной мотивации. Наиболее актуальной причиной неучастия для студентов всех направлений подготовки является загруженность учебной (показатель равен 7,2). Для дальнейших исследований можно выдвинуть гипотезу об особенностях участия и неучастия в проектах и программах в выходные и каникулярное время. Второй по значимости причиной неучастия становится отсутствие интереса к предлагаемым формам активности. В ходе исследования выявлены отличия мотивации девушек и юношей, студентов творческих с социально-гуманитарными и технических с естественно-научными направлений подготовки. Например, оценка индикатора «страх перед неудачей» у девушек – 3,5, юношей – 2,3; у студентов творческих, социально-гуманитарных направлений – 3,5; технических, естественно-научных профилей – 2,8, что может быть обусловлено и социально-демографическим составом студенческих потоков.

Анализируя причины мотивации студентов разных направлений подготовки, было выявлено, что студентов творческих и социально-гуманитарных специальностей мотивируют как повышенная стипендия и организация каникулярного отдыха, так и публикации об успехах на ресурсах высших образовательных организаций. В то же время студентов технических и естественно-научных направлений подготовки больше всего мотивирует только повышенная стипендия.

Таким образом, принимая управленческие решения, направленные на работу со студенческой молодежью, необходимо учитывать различную занятость студентов разных направлений подготовки и их социально-демографические характеристики. Отметим, что принцип «дуальности структуры» Э. Гидденса в полной мере не реализуется в современной студенческой среде из-за низкой включенности студентов в мероприятия. Необходимо организовывать процесс принятия управленческих решений в высших образовательных организациях, учитывая административные задачи и ресурсы включения студентов не только в заявленные мероприятия, но и в процесс формирования планов социально-воспитательной работы. Соци-

альная активность студентов и их участие в принятии решений может быть одним из важных мотивов интенсификации социальной активности молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Всероссийский студенческий проект... web – Всероссийский студенческий проект «Твой Ход» подвёл итоги исследования индекса эффективности вузов за 2024 год [Россия – страна возможностей] // <https://rsv.ru/news/1/7574/>
- Гречихин 2021 – *Гречихин В.Г.* Современная молодежная политика в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 18–21.
- Жгун web – *Жгун Л.С.* Социальный капитал в региональном педагогическом образовании [Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6. С. 155–162] // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-v-regionalnom-pedagogicheskom-obrazovanii>
- Зубок 2020 – *Зубок Ю.А.* Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89–105.
- Ковров, Гафиатулина, Биловус 2022 – *Ковров В.В., Гафиатулина Н.Х., Биловус В.К.* Влияние волонтерства на социальную активность обучающихся в российских вузах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 292–296. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-292-296>
- Кротов 2009 – *Кротов Д.В.* Социальный капитал российской молодежи: проблема воспроизводства: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2009.
- Мордкович 1986 – *Мордкович В.Г.* Социальная активность: некоторые методические проблемы фиксации и измерения. М.: Акад. наук СССР, Институт социологических исследований, 1986.
- Национальный проект «Молодежь и дети»... web – Национальный проект «Молодежь и дети» // <https://национальныепроекты.рф/new-projects/molodezh-i-deti/>
- Общественная активность молодежи... web – Общественная активность молодежи [Результаты исследования ВЦИОМ] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi>
- Орлова 2019 – *Орлова В.В.* Социальный капитал региона: особенности социального ресурса молодежи в условиях цифровой экономики: монография. Чебоксары: Среда, 2019.

- Осипова 2020 – *Осипова Н.Г.* Субъекты общественной молодежной политики в современной России: модели и ресурсы // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 апреля 2020 года. М.: Перспектива, 2020. С. 32–37.
- Певная и др. 2022 – *Певная М.В., Тарасова А.Н., Телпаева Д.Ф., Черникова-Бука М.* Волонтерская деятельность учащейся молодежи: социальная значимость и основания мотивированного отказа // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 10. С. 200–230.
- Пилипенко 2021 – *Пилипенко А.Э.* Социальная активность студенческой молодежи: опыт исследования смысловых представлений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 3 (284). С. 84–97.
- Путин поддержал... web – Путин поддержал идею активнее вовлекать студентов в социально значимые проекты [Информационное агентство ТАСС] // <https://tass.ru/obschestvo/19197121>
- Разуваева, Нефедова... web – *Разуваева К., Нефедова А.* Ксения Разуваева: волонтерство объединит людей ради общего будущего [РИА Новости] // <https://ria.ru/20220517/razuvaeva-1788854467.html>
- Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024... web – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. [Гарант.ру] // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275>
- Ростовская, Васильева 2023 – *Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.* Образование как ресурс формирования «мягкой силы» в работе с молодыми соотечественниками, проживающими в странах СНГ // Высшее образование в России. 2023. Т.32, № 5. С. 21–35. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-21-35
- Федеральный закон от 28.12.2024 № 550-ФЗ... web – Федеральный закон от 28.12.2024 № 550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280057>
- Getahun 2023 – *Getahun A.W.* Emotional Intelligence and Pro-Social Behavior as Predictors of Academic Achievement Among University Students // Community Health Equity Research & Policy. № 43 (4). P. 431–441.
- Kim et al. 2024 – *Kim J., Sijtsema J.J., Thornberg R., Caravita S.C.S., Hong J.S.* Shaping Citizenship in the Classroom: Peer Influences on Moral Disengagement, Social Goals, and a Sense of Peer Community // Journal of Youth and Adolescence. № 53. P. 732–743. DOI: 10.1007/s10964-023-01916-1
- Wegemer 2022 – *Wegemer C.M.* Service, Activism, and Friendships in High School: A Longitudinal Social Network Analysis of Peer Influence and Critical Beliefs // Journal of Youth and Adolescence. № 51. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01549-2>
- Xiong et al. 2023 – *Xiong Y., Chen J., Yang L., Guo X., Ren P.* Does Being Prosocial Pay Off? Testing Positive Developmental Cascades of Prosocial Behavior, Social Preference, and Subjective Well-Being in Chinese Adolescents // Journal of Youth and Adolescence. № 52. P. 1983–1994. DOI: 10.1007/s10964-023-01809-3

REFERENCES

- The All-Russian Student Project “Your Move” Summed Up the Results of the Study of the University Performance Index for 2024. *Russia is a Land of Opportunity*. URL: <https://rsv.ru/news/1/7574/>
- Grechikhin V.G., 2021. Modern Youth Policy in Russia. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, no. 5, pp. 18-21.
- Zhgun L.S., 2008. Social Capital in Regional Pedagogical Education. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*, 2008, no. 6, pp. 155-162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-v-regionalnom-pedagogicheskom-obrazovanii>
- Zubok Yu.A., 2020. Social Activity of Youth: Ideological Foundations of Self-Regulation. *Vlast i upravleniye na Vostoke Rossii*, no. 2 (91), pp. 89-105.
- Kovrov V.V., Gafiatulina N.H., Bilovus V.K., 2022. The Impact of Volunteering On the Social Activity of Students in Russian Universities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, no. 4, pp. 292-296. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-292-296>
- Krotov D.V., 2009. *The Social Capital of Russian Youth: The Problem of Reproduction*. Dr. sociol. sci. abs. diss. Rostov-on-Don.
- Mordkovich V.G., 1986. *Social Activity: Some Methodological Problems of Fixation and Measurement*. Moscow, Akad. nauk SSSR, In-t sotsiol. issled.
- National Project “Youth and Children”. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/molodezh-i-deti/>

- Social Activity of Youth. *VTSIOM Research Results*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi>
- Orlova V.V., 2019. *Social Capital of the Region: Features of the Social Resource of Youth in the Digital Economy. Monograph*. Cheboksary, Sreda Publ.
- Osipova N.G., 2020. Subjects of Public Youth Policy in Modern Russia: Models and Resources. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsionalnyye proyekty 2019–2024 gg. v sotsialnom razvitií molodezhi: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., Moskva, 20–21 aprelya 2020 goda*. Moscow, Perspektiva Publ., pp. 32-37.
- Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Telepaeva D.F., Chernikova-Buka M., 2022. Volunteer Activity of Students: Social Significance and Grounds for Motivated Refusal. *The Education and Science Journal*, vol. 24, no. 10, pp. 200-230.
- Pilipenko A.E., 2021. Social Activity of Student Youth: The Experience of Studying Semantic Representations. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya*, no. 3 (284), pp. 84-97.
- Putin Supported the Idea of Actively Involving Students in Socially Significant Projects. *TASS News Agency*. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/19197121>
- Razuvaeva K., Nefedova A. Ksenia Razuvaeva: Volunteering to Unite People for the Sake of a Common Future. *RIA News*. URL: <https://ria.ru/20220517/razuvaeva-1788854467.html>
- Decree of the Government of the Russian Federation Dated August 17, 2024 No. 2233-р “On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2030”. *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/>
- Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., 2023. Education as a Resource for the Formation of “Soft Power” in Working with Young Compatriots Living in the CIS Countries. *Higher Education in Russia*, vol. 32, no. 5, pp. 21-35. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-21-35
- Federal Law No. 550-FZ Dated December 28, 2024 “On Amendments to the Federal Law on Youth Policy in the Russian Federation”*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280057>
- Getahun A.W., 2023. Emotional Intelligence and Pro-Social Behavior as Predictors of Academic Achievement Among University Students. *Community Health Equity Research & Policy*, no. 43 (4), pp. 431-441.
- Kim J., Sijtsema J.J., Thornberg R., Caravita S.C.S., Hong J.S., 2024. Shaping Citizenship in the Classroom: Peer Influences on Moral Disengagement, Social Goals, and a Sense of Peer Community. *Journal of Youth and Adolescence*, no. 53, pp. 732-743. DOI: 10.1007/s10964-023-01916-1
- Wegemer C.M., 2022. Service, Activism, and Friendships in High School: A Longitudinal Social Network Analysis of Peer Influence and Critical Beliefs. *Journal of Youth and Adolescence*, no. 51, pp. 1-15. DOI: 10.1007/s10964-021-01549-2
- Xiong Y., Chen J., Yang L., Guo X., Ren P., 2023. Does Being Prosocial Pay Off? Testing Positive Developmental Cascades of Prosocial Behavior, Social Preference, and Subjective Well-Being in Chinese Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, no. 52, pp. 1983-1994. DOI: 10.1007/s10964-023-01809-3

Information About the Author

Julia A. Palacheva, Senior Lecturer, Department of Social Policy, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Sovetskaya St, 10, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, palacheva.yulya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2639-1970>

Информация об авторе

Юлия Алексеевна Палачева, старший преподаватель кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 10, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, palacheva.yulya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2639-1970>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.10>

UDC 316.4
LBC 60.5

Submitted: 14.05.2025
Accepted: 30.05.2025

ANALYSIS OF VALUE-RELATED ASPECTS WITHIN SUSTAINABLE CONSUMPTION CULTURE IN THE RUSSIAN SOCIETY

Ekaterina I. Skobeleva

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Marina V. Prokhorova

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The period from the end of the 20th century to the beginning of the 21st century was marked by the emergence of the concept of sustainable development, which focuses on the practical application of a society's economic and cultural potential. The concept has provided a foundation for identifying specific trends in the functioning of the global community, aiming to address urgent global issues in pursuit of sustainable development for humanity. The leading part in the programme of sustainable development belongs to the idea of consumption. Transition from a traditional consumer society to a model of sustainable consumption provides an opportunity to create new mechanisms of economic development as well as solve environmental and social problems and alleviate the tendency of uneven development of the world nations. In order to study the phenomenon of consumption culture in Russia, a comprehensive qualitative analysis of documents was implemented. The research methodology is based on the principles of qualitative content analysis, which allows us to identify interrelationships between the theoretical understanding of sustainable consumption and its practical implementation. The main objective of the study was to interpret the meanings embedded in the documents in the context of the formation and transformation of sustainable consumption culture in the country. The implementation programme for the sustainable consumption model in the Russian Federation has been revised to account for the ongoing economic changes and constraints that have arisen over the past decade. This programme now represents a promising avenue for the future development of modern Russian society. One of the most important factors leading to sustainable consumption is consumption culture. It can be specified as a combination of value orientations and norms and moral attitudes of the community, which are reflected in various models of consumer behaviour. Nowadays ideological attitudes to sustainable consumption are being formed in the Russian Federation with the active involvement of the state. The ongoing changes are supported by all stakeholders – including the state, non-profit organisations, civil society, the business community, and the mass media – and have an institutionalised foundation for implementation. This enables the community to maintain social and economic stability and security while also progressing to a new level of social maturity in the course of social development.

Key words: consumption culture, sustainable development, sharing culture, consumer behavior, values, quality of life, standards of living.

Citation. Skobeleva E.I., Prokhorova M.V. Analysis of Value-Related Aspects Within Sustainable Consumption Culture in the Russian Society. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 98-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.10>

УДК 316.4
ББК 60.5

Дата поступления статьи: 14.05.2025

Дата принятия статьи: 30.05.2025

АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТОВ КУЛЬТУРЫ УСТОЙЧИВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Екатерина Ивановна Скобелева

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Марина Вячеславовна Прохорова

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация

Аннотация. В конце XX – начале XXI в. в мире сформировалась концепция устойчивого развития, определяющая пути реализации экономического и культурного потенциала общества. Данная концепция заложила основу для определения конкретных направлений деятельности мирового сообщества по решению глобальных проблем ради обеспечения устойчивого развития всего человечества. В программе устойчивого развития ведущую роль играет идея потребления. Переход от традиционного общества потребления к модели устойчивого потребления позволяет не только формировать механизмы экономического роста, но и решить экологические и социальные проблемы, смягчить тенденцию неравномерного развития стран на мировой арене. С целью изучения феномена культуры потребления в России был проведен комплексный качественный анализ документов. Методология исследования основывается на принципах качественного анализа документов, позволяющего определить взаимосвязи между теоретическим осмыслением проблемы устойчивого потребления и его практической реализацией. Основной задачей исследования являлась интерпретация заложенных в документах смыслов в контексте формирования и трансформации культуры устойчивого потребления. Программа реализации модели устойчивого потребления в РФ актуализировалась на фоне социально-экономических ограничений и изменений, происходящих в нашей стране в последнее десятилетие, и является перспективным направлением развития современного российского общества. Одним из важных факторов, способствующих достижению устойчивого потребления, является культура потребления. Она определяется как совокупность ценностных ориентаций и норм, моральных установок общества и конкретизируется в различных моделях потребительского поведения. В настоящее время в РФ при активном участии государства происходит формирование идеологических установок на устойчивое потребление. Эти изменения, осуществляемые при участии всех заинтересованных сил (государства, НКО, гражданского общества, бизнес сообщества, СМИ и т. д.) и имеющие институциональную форму реализации позволяют обеспечить социальную и экономическую стабильность и безопасность и перейти на уровень социальной зрелости в развитии общества.

Ключевые слова: культура потребления, устойчивое развитие, шеринговая культура, потребительское поведение, ценности, качество жизни, уровень жизни.

Цитирование. Скобелева Е. И., Прохорова М. В. Анализ ценностных аспектов культуры устойчивого потребления в российском обществе // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 98–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.10>

Введение

В последнее время концепция формирования устойчивого потребления подверглась не только чисто теоретическому осмыслению, но и перешла в область практической реализации в ряде стран мира. Россия в этом отношении не является исключением. Можно сказать, что модель формирования программы устойчивого потребления в РФ и разработка технологии ее практической реализации получили значительное развитие в последнее десятилетие, актуализировались на фоне социально-экономических ограничений и изменений, происходящих в нашей стране.

Методология и методика исследования

С целью изучения феномена культуры потребления в России был проведен комп-

лексный качественный анализ документов. Данная методология основывается на принципах качественного анализа документов, имеющего целью понимание смысловых структур изучаемого явления, определение взаимосвязи между теоретическим осмыслением проблемы устойчивого потребления и его практической реализацией. Анализ позволил сфокусироваться на содержательной стороне документов и определить степень разработанности и приоритетности проблематики формирования ценностных основ культуры устойчивого потребления в РФ. Основной задачей являлась интерпретация заложенных в документах смыслов в контексте формирования и трансформации культуры устойчивого потребления.

Отбор документов для качественного анализа документов проводился на основе критериев релевантности, репрезентативности и

объективности источников. В исследовательскую выборку вошли:

1. Международные программные документы («Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.»; «Наше общее будущее»; «Повестка дня на XXI век»; Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, подготовленный Аналитическим центром при правительстве Российской Федерации и опубликованный на сайте ООН) [Цель 12 устойчивого развития... web; Евтеев, Перелета (ред.) web; Повестка дня... web; Добровольный национальный обзор... web].

2. Официальные государственные документы РФ, такие как федеральные законы, Указы Президента и Постановления Правительства, Государственные программы, Национальные и федеральные проекты и т. д. [ФЗ от 28.12.2009... web; ФЗ от 31.12.2017... web; ФЗ от 03.08.2018... web; ФЗ от 25.12.2018... web; ФЗ от 29.09.2019... web; Указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236... web; Постановление Правительства РФ от 12.03.2024 № 291... web; Перечень государственных программ... web].

3. Официальные статистические данные, в частности данные Росстата о статусе разработки Цели 12, касающейся ответственного потребления и производства в сфере устойчивого развития [Динамика ВВП... web; ВВП на душу населения... web; Россия и страны мира 2023; Росстат web; Статус разработки показателей ЦУР web].

Ключевыми критериями отбора документов явились тематическая направленность, статус документа (официальный) и его доступность.

Целью качественного анализа документов является выявление и интерпретация приоритетов и проблем в формировании культуры устойчивого потребления в РФ. Проводимый анализ позволит осмыслить социокультурные детерминанты и институциональные условия формирования культуры устойчивого потребительского поведения в российском обществе в контексте глобальной парадигмы устойчивого развития.

Основные исследовательские вопросы:

1. Представленность и эволюционирование социокультурного компонента концепции

устойчивого потребления в ключевых международных и российских государственных программных документах.

2. Какие ценностные установки и модели потребительского поведения декларируются и поддерживаются российским государством и международными структурами в рамках реализации политики устойчивого развития.

3. Насколько последовательно и комплексно институциональные механизмы, представленные в документах, направлены на формирование ценностно-нормативной системы устойчивого потребления в РФ.

4. Какие проблемы процесса формирования культуры устойчивого потребления в России определяются в документах, учитывая влияние социально-экономических и политических изменений (2014 и 2022 гг.) на процесс трансформации культуры потребительского поведения в России и эффективность мер государственного регулирования данного процесса.

Исторический обзор доктрины устойчивого потребления

Концепция устойчивого потребления является частью глобальной модели потребления, изменения в которой наблюдаются в последнее десятилетие во многих странах мира [Устойчивое потребление web]. Устойчивое потребление – это процесс совокупных изменений в социальной, экономической, экологической, правовой и культурной сфере, имеющих кумулятивный эффект, и направленный на формирование рационального потребления, обеспечивающего высокий уровень социальной справедливости в настоящем и возможность удовлетворения потребностей будущим поколениям. Устойчивое потребление является одной из 17 целей концепции устойчивого развития, разработанных Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г. и опубликованных в итоговом документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» [Цель 12 устойчивого развития... web]. Впервые определение устойчивого развития как квинтэссенции экономического, социального и экологического факторов, формирующих потенциал

общественного развития, было опубликовано в докладе «Наше общее будущее» Комиссии Брундтланд (Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию) еще в 1987 г. [Евтеев, Перелета (ред.) web]. В документе было сказано, что «Устойчивое развитие – это развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [Евтеев, Перелета (ред.) web]. Публикация «Нашего общего будущего» и работа Комиссии Брундтланд заложили основу для дальнейших шагов мирового сообщества по решению глобальных проблем ради обеспечения устойчивого развития всего человечества. Например, в 1992 г. Комиссией ООН по устойчивому развитию была принята «Повестка дня на XXI век» как план действий в сфере устойчивого развития [Повестка дня... web].

В России данная концепция в целом и отдельные аспекты ее теоретического освоения и практической реализации, такие как формирование программы устойчивого потребления, также стояли на повестке дня с 1994 г., когда был принят Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» [Указ Президента РФ от 04.02.1994... web]. Начиная с 2014 г. проблема решения основных задач, способствующих формированию политики устойчивого потребления (в сфере производства и потребления в целом) как основной цели устойчивого развития рассматривалась в ходе дискуссий на Московском экономическом форуме [Мировоззренческие концепции... web], становилась основой приоритетных государственных программ, национальных и федеральных проектов, принятых в нашей стране и рассчитанных на стратегическую перспективу до 2030 г. [Перечень государственных программ... web].

Однако серьезный подход к анализу основных элементов доктрины ответственного потребления, соответствующий парадигме устойчивого развития, предпринятый в декларации Генеральной Ассамблеи ООН и проработанный в Программных документах стратегического развития РФ до 2030 г., не предполагает рассмотрения социокультурных факторов

ее формирования, играющих решающую роль наряду с экономическими, политическими, правовыми параметрами ее успешной реализации. При этом именно в социальной сфере общества происходит трансформация и адаптация экономических и правовых преобразований, влияющих на формирование ответственного потребительского поведения. Практический эффект от реализации программы устойчивого потребления будет замечен только тогда, когда в социуме сложится внутреннее убеждение и готовность воспринять данные изменения, когда проект ответственного потребительского поведения будет соответствовать ценностно-смысловым ориентирам общества.

Детерминанты процесса трансформации культуры потребления

В числе социальных аспектов, способствующих достижению устойчивого потребления, решающую роль играет культура потребления. Она определяется как совокупность ценностных ориентаций и норм общества и конкретизируется в различных моделях потребительского поведения. Культура потребления выступает своеобразным регулятором потребительского поведения индивидов. Необходимо осознать, что именно культурные установки, например, изменения ценностного ряда, а не экономический строй, создают предпосылки для общества будущего, направленного на совершенствование качества жизни в настоящем и на сокращение экзистенциальных рисков в будущем.

В силу сложившихся в последнее время обстоятельств социально-экономического и политического характера, в России культура потребления складывается неоднозначно, в отличие от стран, активно и давно развивающих модель устойчивого потребления. После введения в 2014 г. социополитических и экономических санкций в отношении России странами ЕС и США, в нашей стране произошли радикальные изменения, затрагивающие в том числе и такую сферу человеческих отношений как потребление. Изменения затронули не только экономическую сторону потребительского поведения в обществе, но и его социокультурные грани.

К факторам, оказывающим влияние на процесс трансформации культуры потребления в России, можно отнести:

1. Социально-экономические и политические изменения, влияющие на формирование модели потребительского поведения. С одной стороны, в России достаточно недавно (с 2000-х гг.) сформировался насыщенный рынок товаров и услуг, появилась возможность выбора, определилась культура потребительских предпочтений. Сформировалось так называемое статусное потребление, когда индивид приобретает не столько для того, чтобы удовлетворить свои материальные или духовные потребности, сколько для того, чтобы идентифицировать себя с определенной социальной группой, продемонстрировать престижность своего социального положения в соответствии с ценностными доминантами общества. Сложилась культура потребления, при которой материальные ценности ставились выше духовных, произошла деформация ценностных ориентаций в массовом сознании. В научной литературе и на бытовом уровне эта культура потребления часто определялась термином «потребительство». Это форма потребления, при которой потребление становится самоцелью, смыслом существования, в ходе которого происходит обесценивание продукта потребления. Отличить, когда пройдена тонкая грань между потреблением и потребительством (а подчас и перепотреблением), практически невозможно в современном обществе, так как с развитием науки, техники, технологий и внедрении их достижений в жизнь, расширяется и круг основных потребностей индивида, происходит дезориентация в различении необходимого, достаточного и чрезмерного.

С другой стороны, данный процесс существовал недолгое время и был прерван введенными в отношении России санкциями в 2014 и 2022 гг. соответственно, ограничившими приток товаров и услуг, сузившими рынок потребления. Это привело к снижению

уровня жизни населения страны, ухудшению основных социально-экономических показателей жизни общества. Данные характеристики жизнедеятельности российского общества отмечались на протяжении 1–1,5 лет после введения санкций, что подтверждается статистическим анализом основных экономических и социальных показателей Росстатом и Всемирным банком [Динамика ВВП... web; ВВП (в долларах)... web; Россия и страны мира 2023 web]. В качестве примера можно привести проведенный Федеральной службой государственной статистики анализ изменений процентных показателей валового внутреннего продукта на душу населения в процентах в России с 2013 по 2023 г. [ВВП на душу населения web; Россия и страны мира 2023 web].

Цифры, приведенные в таблице, наглядно показывают, что санкционное давление на страну через 1–2 года приводило к ответной реакции, демонстрирующей повышение основных социально-экономических коэффициентов. В последующие за санкциями годы происходит не только стабилизация политического и социально-экономического положения страны, но и развитие наиболее перспективных отраслей экономики, снижение импортозависимости и повышение инновационной активности организаций [Росстат web]. А именно: с 2018 г. был принят ряд федеральных законов, регулирующих процесс производства товаров и услуг, развитие конкурентной среды на рынке отечественных производителей и т. д. [Сморчкова 2021; ФЗ от 03.08.2018... web; ФЗ от 31.12.2017... web; ФЗ от 25.12.2018... web; ФЗ от 29.09.2019... web; Федеральная служба... web; Постановление Правительства РФ от 12.03.2024 № 291... web]. В это же время активизировался процесс реализации государственных программ и национальных проектов РФ, рассчитанный на длительную перспективу [Перечень государственных программ... web].

Данная трансформация социоэкономической сферы жизни общества оказала влия-

**Динамика валового внутреннего продукта на душу населения России,
% к предыдущему году**

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
значение %	101,5	98,9	97,7	99,9	101,6	102,7	102,1	97,5	106,2	98,9	104,4

ние на процесс потребления, рассматриваемый не столько как экономическая, сколько как социальная категория, что нашло отражение в преобразовании культуры потребления. Изменения в политике и экономике повлекли изменения мировоззренческих установок, ценностных ориентаций в обществе. Потребитель стал более внимательно относиться к качеству и количеству приобретаемой продукции, перешел на более осознанное и ответственное потребление. Произошло не только соизмерение реальных потребностей с возможностями и методами их удовлетворения, но и изменение самих потребностей, формирование философии минимализма как концепции потребления. Акцент сместился с потребления материальных ценностей на нематериальные, проявился в культурно-интеллектуальном потреблении, творческой самореализации и т. д. В структуре потребления значимое место стали занимать образовательные, туристские услуги, потребление культурных благ и т. д. Произошло осознание необходимости контроля и ответственности за неумеренное потребление.

2. Участие государства. Государство оказывает влияние на формирование культуры потребления в правовой и экономической сфере, регулируя производство отечественной продукции, в том числе посредством предоставления преференций национальному производству, развивая законодательную базу, упорядочивающую процесс производства и реализации продукции отечественными производителями, поощряя внедрение технологических инноваций национальными производителями и т. д. В то же время в стране при активном участии государства происходит формирование идеологических установок на устойчивое потребление, что проявляется в изменении ценностных императивов социального потребления. Например, реализация Государственных программ и Национальных проектов РФ, нацеленных на повышение качества жизни и, следовательно, на изменение отношения индивида к потреблению в принципе, на становление осознанного, рационального потребления, формирует навыки экономного использования ресурсов, экологического мышления и т. д. [Перечень государственных программ... web].

Социальная направленность PR и маркетинговой деятельности формирует потребительские предпочтения товарам отечественного производства («продовольственный патриотизм»), проявление экологической культуры и социальной ответственности производителя и потребителя [Сморчкова 2021]. Однако этот процесс не получил еще масштабного характера и не сформировался в базовую идеологию устойчивого потребления.

3. Уровень жизни населения. Уровень жизни населения характеризуется как экономическими показателями (ВВП на душу населения, уровень потребительских цен, уровень занятости, уровень бедности и т. д.), так и социальными (система социального обеспечения; реализация и защита прав и свобод человека, продолжительность жизни и т. д.).

Несмотря на то, что приведенные выше показатели чаще всего используются в научной литературе как смысловые характеристики понятия «уровень жизни», последние (социальные) уместно было бы отнести к понятию «качество жизни». При определении качества жизни более релевантными можно считать показатели, которые не только характеризуют степень удовлетворения потребностей, но и отражают ценностные ориентиры данного общества, влияющие на процесс потребления. В соответствии с сформировавшейся в обществе системой ценностей может цениться либо уровень дохода, финансовый успех, обилие материальных благ, либо социальная справедливость, бережное отношение к природе, человеку, уровень свободы и ответственности индивида. Система ценностей как основополагающий элемент культуры общества проецируется, в частности, на культуру потребления. Изменение в системе социальных показателей, таких как продолжительность жизни, продолжительность и качество времени отдыха, реализация прав и свобод индивида, пропаганда здорового образа жизни, приводит к изменениям в культуре потребления: расширение культурно-интеллектуального потребления (знания, выставки, музеи и театры и т. д.); потребления товаров и услуг, являющихся инвестициями в человеческий потенциал (спорт, правильное питание, потребление экологически чистых продуктов и т. д.).

И, наоборот, трансформация культуры потребления, в плане повышения его осознанности и ответственности, приводит к качественным преобразованиям в социокультурной сфере, меняя отношение людей к среде обитания, формируя новые смыслы социальной коммуникации.

Таким образом, анализируя феномен культуры устойчивого потребления, складывающейся в российском обществе, следует обратить внимание на ее способность изменять парадигму потребления посредством формирования и изменения системы ценностей и норм, обуславливающих потребительское поведение. Необходимо отметить, что именно изменение культурных установок, ценностного ряда создает предпосылки для перехода к обществу устойчивого развития, направленного на совершенствование качества жизни в настоящем и на сокращение экзистенциальных рисков в будущем.

Структура российской модели культуры потребления

Рассматривая подробно структуру российской модели культуры потребления, следует выделить ценностную и поведенческую составляющие, а также определить акторов и инструменты ее формирования.

Ценностями культуры устойчивого потребления являются убеждения и идеалы индивида и общества, формирующиеся под воздействием таких социокультурных факторов как религиозные убеждения, социальный опыт, культурные стандарты. Основными ценностями культуры устойчивого потребления можно считать:

1. Социальное равенство и справедливость, проявляющиеся в уважении права настоящих и будущих поколений на удовлетворение потребностей, обеспечивающих высокое качество жизни (сохранение ресурсов и формирование условий для поддержания высокого уровня благосостояния для всех слоев общества; поддержка социально ответственных производителей; принцип равенства поколений).

2. Осознанность поведения потребителей, соизмеряющих свои возможности с потребностями (приобретение продукции высокого качества, имеющую длительный срок

эксплуатации; рационализация затрат; минимизация потребностей; шеринговая культура и т. д.), проявляющих осведомленность о негативных последствиях неумеренного и иррационального потребления, независимо от его функциональной значимости, и принятие ответственности за них.

3. Ответственность, а именно социальная ответственность производителей и потребителей, проявляющаяся:

– в экологической ответственности (уменьшение негативного влияния на окружающую среду; рациональное использование ресурсов; минимизация отходов; использование продуктов с длительным сроком пользования и т. д.);

– благотворительности и осознанном потреблении (философия минимализма; потребление только продукции, повышающей качество жизни; вторичная переработка товаров);

– заботе о здоровье, интеллектуальном и культурном развитии.

4. Честность и уважение прав других, что проявляется в принципиальности и ответственности в формировании потребительских предпочтений (приобретение продукции брендов, придерживающихся четких этических принципов; уважение прав всех членов общества на благоприятную окружающую среду; приобретение только легальной продукции и т. д.).

Практики потребительского поведения, сформированные на основе ценностей:

– экономное использование ресурсов (сдача в переработку вещей; многоразовое использование; передача вещей на благотворительность; продление срока службы вещей и т. д.);

– реализация экологических стандартов (сортировка мусора; экономия ресурсов; пользование экологически чистым транспортом, экологически безопасными продуктами; биоразлагаемые отходы; цифровизация);

– шеринговая культура потребления, предполагающая совместное пользование вещами, бесплатный обмен товарами и т. д.;

– осознанное потребление (ЗОЖ, предпочтительное товаров длительного пользования).

Акторами, то есть активными участниками формирования культуры устойчивого потребления, являются:

- индивиды;
- государство;
- социальные группы;
- СМИ;
- бизнес-сообщество.

На первый взгляд кажется, что ответственный потребитель (потребитель – гражданин) должен являться главным действующим лицом модели устойчивого потребления. Однако инициатива перехода к устойчивому потреблению должна принадлежать не столько потребителю, сколько совокупной деятельности всех заинтересованных сил и воплощаться на институциональном уровне.

Анализ российского опыта формирования культуры устойчивого потребления

В 2020 г. на Политическом форуме высокого уровня ООН по устойчивому развитию Россией был представлен первый Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., подготовленный Аналитическим центром при правительстве Российской Федерации (в партнерстве с Министерством экономического развития РФ, МИД РФ и Федеральной службой государственной статистики) и опубликован на сайте ООН [Добровольный национальный обзор... web]. Документ содержит отчет о результатах комплексного мониторинга социально-экономического развития и развития системы стратегического планирования за период с 2015 г. по всем 17 целям устойчивого развития, разработанным ООН в 2015 году.

В отчете, в частности, представлены примеры теоретической проработки и практической реализации Цели 12 в области устойчивого развития «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства» в таких разделах как «Уменьшение объема отходов путем принятия мер по предотвращению их образования, их сокращению, переработке и повторному использованию», «Рациональное освоение и эффективное использование природных ресурсов» и др. [Добровольный национальный обзор... web]. Примеры формирования культуры устойчивого потребления были отнесены к разделу «Обес-

печение населения информацией и сведениями об устойчивом развитии и образе жизни в гармонии с природой». В выводах о перспективах достижения цели обеспечения рациональной модели потребления говорится о социальном партнерстве при решении важных государственных задач, к числу которых относится «формирование в масштабах всей страны современной системы обращения с отходами, построенной на принципе «3R»: «Reduce, Reuse, Recycle» (Сокращай, повторно используй и перерабатывай). Ведется работа по созданию инфраструктуры в сфере переработки, обезвреживания и транспортировки отходов» [Добровольный национальный обзор... web].

В отчете содержится только три примера деятельности НКО в сфере проведения экологических акций, что подчеркивает отсутствие комплексного подхода к формированию ценностно-нормативной системы, определяющей осознанное и ответственное отношение населения в области потребления. Кроме того, при анализе данных Росстата о статусе разработки Цели 12, касающейся ответственного потребления и производства в сфере устойчивого развития, отмечается, что в статусе «развивающихся» находится только 15 % показателей (2 показателя из 13) [Статус разработки показателей ЦУР web].

Таким образом, интерпретация данных, полученных в ходе проведения качественного анализа документов, позволяет сделать вывод о том, что инициатива устойчивого потребления еще не нашла широкого распространения, а формирование идеологических установок и реализация информационно-коммуникационных проектов, демонстрирующих перспективы рационального потребления, носит разовый характер. Очевидна недостаточная ориентированность институциональных мер на трансформацию культурных основ устойчивого потребления, в отличие от экономических и экологических его аспектов.

Заключение

Для достижения устойчивых результатов реализации концепции ответственного потребления необходимо активизировать и интегрировать деятельность всех активных участников,

включая государство, бизнес и институты гражданского общества как на национальном, так и на глобальном уровне, прилагая усилия, в частности к продвижению идеологии разумного потребления. Для этой цели необходимо не только мобилизовать финансовые, материальные ресурсы, но и актуализировать потенциал информационного общества, формируя политическое сознание, ценностные ориентиры, нравственные принципы, побуждающие и стимулирующие сознательное поведение членов конкретного общества и мирового сообщества в целом в сфере ответственного потребления. Достижение действительно значительных изменений в сфере устойчивого потребления позволит не только сформировать механизмы экономического роста, но и решить экологические и социальные проблемы, смягчить тенденцию неравномерного развития стран на мировой арене. Формирование культуры устойчивого потребления как социального аспекта устойчивого развития позволит повысить качество жизни, обеспечить социальную и экономическую стабильность и безопасность и перейти на уровень социальной зрелости в развитии общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВВП на душу населения... web – ВВП на душу населения [Росстат. Национальные счета] // <https://rosstat.gov.ru>
- ВВП (в долларах США)... web – ВВП (в долларах США) – Российская Федерация [World Bank Group] // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=RU>
- Добровольный национальный обзор... web – Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // <https://clck.ru/3KQUGj>
- Динамика ВВП... web – Динамика ВВП России на душу населения с 1988 по 2023 г. [Finversity] // https://finversity.ru/data/country/RU/gdp_per_capita/
- Евтеев, Перелета (ред.) web – *Евтеев С.А. Перелета Р.А. (ред.). Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР)* // <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>
- Мировоззренческие концепции... web – Мировоззренческие концепции бескризисного (устойчивого) развития [Программа форума 2014] // <https://me-forum.ru/agenda/2014/>
- Повестка дня... web – Повестка дня на XXI век [Конференция ООН по окружающей среде и развитию, 3–14 июня 1992 г. Рио-де-Жанейро] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
- Постановление Правительства РФ от 12.03.2024 № 291... web – Постановление Правительства РФ от 12.03.2024 № 291 «О генно-инженерно-модифицированных организмах, не подлежащих государственной регистрации, а также о продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы» [КонсультантПлюс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472345/
- Перечень государственных программ... web – Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов Российской Федерации [КонсультантПлюс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/
- Россия и страны мира 2023 web – Россия и страны мира, 2023 : стат. сб. [Росстат. М., 2023. С. 97–98] // http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_023.pdf
- Росстат web – Росстат // <https://rosstat.gov.ru>
- Сморчкова 2021 – *Сморчкова Л.Н.* Обязательная маркировка товаров средствами идентификации как инструмент административно-правового воздействия на экономические отношения // Вестник ЮУрГУ, Серия «Право». 2021. Т. 21, № 2. С. 44–50.
- Статус разработки показателей ЦУР web – Статус разработки показателей ЦУР [Росстат] // <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status>
- Указ Президента РФ от 04.02.1994 г. № 236... web – Указ Президента РФ от 04.02.1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» [Администрация Президента России] // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5422>
- Устойчивое потребление web – Устойчивое потребление // <https://clck.ru/3KQLh6>
- ФЗ от 03.08.2018 № 280... web – Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) [КонсультантПлюс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/
- ФЗ от 31 декабря 2017 г. № 487... web – Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 487-ФЗ «О внесении изменений в статью 4.7 Федерального закона “О применении контрольно-

- кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа” и статьи 5 и 8 Федерального закона “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”» [Гарант.ру] // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748800/>
- ФЗ от 28.12.2009 № 381... web – Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [Консультант-Плюс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/
- ФЗ от 25.12.2018 № 488... web – Федеральный закон от 25.12.2018 № 488-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статьи 4-4 и 4-5 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» [Официальный интернет-портал правовой информации] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812250092>
- ФЗ от 29.09.2019 № 325... web – Федеральный закон от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Официальный интернет-портал правовой информации] // <https://clck.ru/3KQToU>
- Федеральная служба... web – Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
- Цель 12 устойчивого развития... web – Цель 12 устойчивого развития: «Ответственное потребление и производство» [+1] // <https://plus-one.ru/sustainability/cel-12-ustoychivogo-razvitiya-otvetstvennoe-potreblenie-i-proizvodstvo>
- Evteev S.A., Perelet R.A. (eds.). *Our Common Future. The Report of the World Commission on the Environment and Development (WConE)*. URL: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>
- Worldview Concepts of Crisis-Free (Sustainable) Development. *Programma foruma 2014*. URL: <https://me-forum.ru/agenda/2014/>
- Agenda for the 21st Century. *Konferentsiya OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu, 3–14 iyunya 1992. Rio-de-Zhaneyro*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
- The RF Government Resolution from of Mar. 12, 2024, No. 291 “On Genetically Modified Organisms Not Liable to State Registration, and on Produce Made with the Use of Such Organisms or Containing Such Organisms. *KonsultantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472345/
- List of State Programmes, National and Federal Projects, Priority Programmes and Projects of the Russian Federation. *KonsultantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/
- Russia and Countries of the World, 2023. Statistical Annual Book. *Rosstat*. Moscow, pp. 97-98. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf
- Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru>
- Smorchkova L.N., 2021. Mandatory Labeling of Goods with Identification Means as a Tool of Administrative and Legal Impact on Economic Relations. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 44-50. DOI: 10.14529/law210207
- Status of Development of the SDGs Indicators. *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status>
- Decree of the President of the Russian Federation of Feb. 4, 1994 No. 236 “On the State Strategy of the Russian Federation for Environmental Protection and Sustainable Development”. *Presidential Executive Office*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5422>
- Sustainable Consumption*. URL: <https://clck.ru/3KQLh6>
- Federal Law of Aug. 3, 2018, No. 280-FZ “On Organic Produce and Amendments to Some Legal Acts of the Russian Federation” (Latest Edition). *KonsultantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/
- Federal Law of Dec. 31, 2017, No. 487 “On Amendment to Clause 4.7 of the Federal Law ‘On the Use of Cash Register Equipment in

REFERENCES

- GDP Per Capita. *Rosstat. National Accounts*. URL: <https://rosstat.gov.ru>
- GDP Per Capita (Current USD) – Russian Federation. *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDPPCAP.CD?locations=RU>
- Voluntary National Review of the Implementation of the Agenda for Sustainable Development During the Period up to 2030, 2020*. URL: <https://clck.ru/3KQUGj>
- GDP Dynamics Per Capita in Russia from 1988 to 2023. *Finiversity*. URL: https://finiversity.ru/data/country/RU/gdp_per_capita/

- Cash Payment and/or Payment with the Use of Electronic Means' and Clauses 5 and 8 of the Federal Law 'On Fundamentals of Governmental Regulation of Trade in the Russian Federation' ". *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748800/>
- Federal Law of Dec. 28, 2009, No. 381-FZ "On Fundamentals of Governmental Regulation of Trade in the Russian Federation". *KonsultantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/
- Federal Law of Dec. 25, 2018 No. 488-FZ "On Amendment to the Federal Law 'On Fundamentals of Governmental Regulation of Trade in the Russian Federation' and Clauses 4-4 and 4-5 of the Federal Law 'On the Use of Cash Register Equipment in Cash Payment and/or Payment with the Use of Electronic Means in Payment Procedures in the Russian Federation' ". *The Official Internet Portal of Legal Information*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812250092>
- Federal Law of Sept. 29, 2019 No. 325-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation". *The Official Internet Portal of Legal Information*. URL: <https://clck.ru/3KQToU>
- Federal Service for State Statistics*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
- Goal 12 of Sustainable Development: "Responsible Consumption and Production". +1. URL: <https://plus-one.ru/sustainability/cel-12-ustoychivogo-razvitiya-otvetstvennoe-potreblenie-i-proizvodstvo>

Information About the Authors

Ekaterina I. Skobeleva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Public Relations, Marketing and Communication, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Minina St, 24, 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation, ekskobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6476-5553>

Marina V. Prokhorova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Public Relations, Marketing and Communication, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Minina St, 24, 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation, prokhorovangtu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0503-6494>

Информация об авторах

Екатерина Ивановна Скобелева, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникаций, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, ул. Минина, 24, 603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ekskobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6476-5553>

Марина Вячеславовна Прохорова, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникаций, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, ул. Минина, 24, 603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, prokhorovangtu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0503-6494>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.11>

UDC 316.4
LBC 60.561.2

Submitted: 08.04.2025
Accepted: 30.05.2025

THE RATIONALE BEHIND LAVISH FEASTING

Gulnara F. Romashkina

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Vladimir S. Kibukevich

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. This paper examines individuals' willingness to allocate financial resources for rituals, using examples from developed and developing countries. The study aims to identify the foundations of economic decision-making through a comparative assessment of holiday financing (e.g., weddings or funerals). The data for this analysis was obtained from The Global Findex Database 2011, which offers nearly 300 indicators on various financial topics, including account ownership, payment methods, savings, credit, and financial resilience. The sample size comprised 147 000 individuals from 144 countries. The applied methodology includes a comparative analysis of statistical sociological survey results. On average, only about 3% of respondents reported taking a loan specifically for a wedding or funeral. This proportion varies significantly by region, offering insights into cultural traditions and economic landscapes. Respondents from Asia and Africa exhibit considerably lower willingness to take loans for these purposes compared to those from Europe. These regional differences contradict credit availability levels and are not entirely explained by disparities in economic development or cultural distinctions. The willingness of families to take loans for ritual feasts can be viewed as an indicator of the inelasticity of ritual-related expenditures in relation to economic factors. A proportional similarity in ritual expenses is observed in countries formerly part of empires with metropolises at vastly different levels of economic development. This emphasizes the importance of traditions rather than economic capacity. The study hypothesizes that as societies develop economically, traditional behaviors become more elastic, meaning they become more sensitive to economic constraints.

Key words: ritual, economic, development, society, culture, feasting.

Citation. Romashkina G.F., Kibukevich V.S. The Rationale Behind Lavish Feasting. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 109-120. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.11>

УДК 316.4
ББК 60.561.2

Дата поступления статьи: 08.04.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

ОБОСНОВАНИЕ ЧРЕЗМЕРНЫХ РАСХОДОВ НА РИТУАЛЬНЫЕ ПРАЗДНОВАНИЯ

Гульнара Фатыховна Ромашкина

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Владимир Степанович Кибукевич

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье авторы исследуют факторы, влияющие на готовность людей распределять значительные финансовые ресурсы ритуальных торжеств на примерах развитых и развивающихся стран. Цель исследования – выявить основы принятия экономических решений в различных культурах через отношение к финансированию ритуальных празднований (например, свадеб или похорон). Данные для анализа получены из базы Global Findex Database 2011, которая содержит около 300 показателей: наличие

банковского счета, способы оплаты, наличие сбережений, степень закрепованности населения, финансовая устойчивость. Выборка охватывает 147 000 человек из 144 стран. Кроме того, проведен сравнительный анализ социологических данных. Показано, что в среднем не более 3 % респондентов сообщили о наличии кредита, взятого специально на свадьбу или похороны. Эта доля значительно варьируется в зависимости от региона. Респонденты из Азии и Африки демонстрируют значительно меньшую готовность брать кредиты на эти цели по сравнению с респондентами из Европы. Такие результаты противоречат уровням доступности кредитов и не могут быть полностью объяснены разницей в экономическом развитии или культурными особенностями. Готовность семей брать кредиты на ритуальные торжества сигнализирует о неэластичности расходов, связанных с ритуалами, по отношению к экономическим факторам. В странах, различающихся по уровню экономического развития, но связанных в прошлом как метрополия и колония, наблюдается схожесть в отношении к расходам на ритуальные мероприятия. Это подчеркивает главенствующую роль традиций. Также в исследовании выдвигается гипотеза о том, что по мере экономического развития общества традиционные модели поведения становятся более эластичными, то есть более чувствительными к экономическим ограничениям.

Ключевые слова: ритуал, экономика, развитие, общество, культура, празднование.

Цитирование. Ромашкина Г. Ф., Кибукевич В. С. Обоснование чрезмерных расходов на ритуальные празднования // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 109–120. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.11>

Introduction

At first glance, the more developed a society, the less significance its members place on various aspects of ritual behavior. The results of studies presented in this paper suggest that contemporary residents of Northern Europe are much less inclined to spend beyond their means on various rituals, such as births, celebrations, or funerals. In contrast, some societies demonstrate a greater tendency to incur debt and take loans for traditional festivities [McDowell 2019].

Feasting is an intricate phenomenon with no singular, all-encompassing definition. Scholars such as Hayden and Mutschler provide varying definitions, emphasizing different facets of this complex practice. Hayden and Villeneuve define feasting as the sharing of special food, distinguished by its quality, preparation, or quantity, during a special event rather than as a routine occurrence. Their definition highlights the exceptional nature of the food and its association with specific occasions [Hayden, Villeneuve 2011; Mutschler (ed.) 2018].

In contrast, Nahum-Claudel expands the concept beyond eating, viewing feasts as multifaceted events involving a larger circle of people. These events include musical performances, formal speeches, prayer and sacrifice, political discussions, and even commercial transactions [Nahum-Claudel et al. 2016]. While both definitions acknowledge feasting as a social and cultural practice, Nahum-

Claudel emphasizes its diverse activities, whereas Hayden and Villeneuve focus on the extraordinary nature of the food itself.

This study examines individuals' willingness to spend significant financial resources on celebrations, feasts, and rituals by analyzing examples from both developed and developing countries. The objective is to identify the foundations of economic choices based on the financing of weddings and funerals. Various occasions prompt individuals to host feasts, with some being recurrent and culturally significant. For instance, as noted by Sherry, Wallendorf and Arnold, Christmas and Thanksgiving are among the most prominent feasting occasions in American society [Sherry 1983; Wallendorf, Arnold 1991]. These events stand out due to their ritualized nature, where feasting plays a crucial role. Conversely, weddings and funerals mark pivotal life transitions, often involving substantial financial commitments.

The extraordinary financial investments required for weddings and funerals, often managed by one or two families, distinguish them. The statistics are compelling: the average cost of a wedding has surged to \$30,000, and cumulative wedding- and funeral-related expenses contribute significantly to an annual retail sales total of \$100 billion in the United States. Notably, wedding expenditures by couples have nearly doubled over the past 30 years [Otnes, Lowrey 1993]. By analyzing how people in different societies finance celebrations and feasts, this study aims

to highlight cultural, social, and economic motivations. Understanding these motivations is crucial for determining whether such choices are rational. Moreover, the findings offer valuable insights for expanding methodologies in credit behavior research across diverse cultures [Capraro 2013].

The questions raised in this article are as follows. Why do individuals frequently exceed their annual income when hosting feasts and orchestrating lavish ceremonies? What motivates this spending pattern, and is there a discernible rational framework guiding it? Can we consider the expenses incurred in feasting as a potentially advantageous investment with a comparatively low level of risk?

Review of literature and main scientific approaches

The tradition of feasting continues to hold significance in the New Testament. In this context, the act of sharing food, particularly with neighbors and the less fortunate, carries deep spiritual meaning. As G. Morrison emphasizes, feasting takes to heart the message of St. James (2:5), which highlights the role of the poor as inheritors of the promised kingdom [Morrison 2017]. By extending hospitality and fostering intimacy with those less fortunate, individuals learn the profound lesson of waiting for Parousia, the second coming of Christ, and in doing so, they become children of God and come to know the Father (1 John 2:12, 14). This connection between feasting and spiritual growth underscores the enduring cultural and theological significance of feasts within the Christian tradition.

This preoccupation with feasting is evident later in other cultures as well, including Mycenaean times, as highlighted in the Homeric epics, *the Iliad* and *the Odyssey*, where feasting is depicted in various contexts such as the Poseidon feast at Pylos, palace feasts, settings for epic poetry recitations, and integral aspects of warrior and elite life [Sherratt 2004]. Similar descriptions of feasts are found in other classical literature, including Hippolochus' account of a lavish wedding feast in Macedonia around 300 B.C., featuring an astonishing array of food, gifts, and entertainment. The proliferation of scenes and accounts of feasts continued during

Roman times, coinciding with the emergence of feasting manuals like that of Apicius [Donahue 2005].

Ibn Fadlan stands out as one of the earliest chroniclers of feasts in different cultures, providing a vivid account of a Viking chief's funeral feast in A.D. 921, which included a debauched sacrifice of one of the chief's young female slaves. Throughout medieval Europe, indigenous accounts of feasts persisted, including descriptions in *Beowulf* and various other graphic depictions [Pollington 2003]. These early records primarily offered descriptive narratives of events deemed significant by observers or participants. Feasting was often portrayed as an integral part of elite or palace culture, yet the underlying importance of these feasts and their broader societal roles remained unexplored during this "descriptive stage" of feasting studies. Moral judgments were scarce, with the exception of early Christian criticisms regarding pagan festivals and their associated feasting. It wasn't until early colonial exploration that a growing interest emerged in understanding the underlying motivations and societal implications of hosting feasts.

In the realm of extravagant feasting, what may have seemed like an extravagant squandering of resources was often met with bewilderment by European administrators, whose primary mandate was to generate profits for their respective governments or companies. Lavish feasts were perceived as detrimental to revenue generation and were simply regarded as irrational and profligate conduct, seemingly entrenched in 'primitive' cultural traditions without clear justification.

This perspective has persisted across evolving industrial economies, irrespective of whether they operated under capitalist, socialist, or communist regimes [Hayden, Villeneuve 2011]. Consequently, traditional feasting practices were frequently prohibited by authorities (e.g., the Dutch, British Columbian, and Vietnamese governments) due to their perceived economic backwardness, often accompanied by arguments highlighting the idolatrous nature of such feasting customs.

Early ethnographic works are more descriptive regarding feasts. They highlighted the cosmological beliefs intertwined with feasting,

often seen as rudiments of ancient society. For instance, Simoons underscored the significance of lavish feasts within Naga culture, portraying them as a mechanism to transfer life forces from prosperous hosts to monumental structures, accessible to village members to augment their own productivity [Simoons, Simoons 1968].

**Reasoning behind feasting:
the economic sociology approach**

The role of feasts in societies can be assessed as a means of highlighting aspects of integration, solidarity, and social structuration. Solidarity is a fundamental concept in sociology. According to Émile Durkheim, solidarity transforms societies from a mere aggregation of individuals into cohesive structures [Durkheim 2005]. Durkheim distinguished between mechanical and organic solidarity: the former corresponds to traditional societies, while the latter is associated with social cohesion and social conflicts [Longhofer, Winchester (eds.) 2023].

The willingness to finance celebrations from the family budget provides insight into the social and cultural foundations of economic behavior. The prevailing theme that feasts played a role in fostering social cohesion became deeply ingrained and remains the most prevalent explanation for this practice. Feasting contributed to the creation of social unity, a view similarly upheld by Rosman and Rubel in their explanation of potlatches as originating from social structural needs [Rosman, Rubel 1971].

At a later point in time, Weiner proposed that funeral feasts, incorporating gift exchanges, played a crucial role in showcasing the strength of lineages among coastal New Guinea communities [Weiner 1988]. This strength, in turn, served as a pivotal factor in the negotiation of political influence both within and between these communities. Contemporary anthropologists and scholars assert more forcefully the role of feasts in fostering social cohesion. For example, Lapeca et al. contend that the observed increase in rituals and feasts among the Ifugao people played a pivotal role in their successful resistance efforts. Their research has demonstrated that the success of this resistance was built upon the Ifugao's capacity to consolidate their political and economic resources [Lapeca, Acabado 2017].

This phenomenon unfolded in the Philippines during the Spanish conquest of the 17th and 18th centuries. Sophisticated techniques were employed, with the argument being that the social status of the Ifugao people was evaluated based on the number of feasts they sponsored, quantified publicly by the display of pig and carabao (water buffalo) skulls in Ifugao houses (bale). Therefore, the number of pig and carabao skulls mounted served as an indicator of social solidarity and cohesion in traditional societies [Lapeca, Acabado, 2017].

Social interactions extend beyond mere solidarity. For individuals, it is essential to assess their position within the social hierarchy. One tool for evaluating this position is prestige. For example, Lapeca and Acabado argue that in a prestige-based economy, such as that of the Ifugao, social status can be translated into the political sphere. They highlight that feasts serve multiple functions, noting that solidarity feasts, particularly the *ma' surubati* (the celebration of a child's first birthday), may also serve to enhance the child's prestige, which could be advantageous in attracting desirable mates and forming beneficial marriage alliances [Lapeca, Acabado 2017].

P. Sillitoe also emphasizes the self-interested motivations of feast organizers and influential individuals, although the precise nature of these motivations remains somewhat ambiguous. It remains unclear whether these actions are primarily motivated by the desire for prestige or by the pursuit of more tangible benefits, such as political influence, reproductive success, or personal security. Nonetheless, these studies draw attention to the potentially "exploitative" use of feasts by manipulative aggrandizers or powerful figures [Sillitoe 1978].

Another group of scholars posits that feasts function as signals in communication. These signals streamline communication among members of society, as illustrated by the idea that "patterns of action might signal particular hidden attributes, provide benefits to both signalers and observers, and meet the conditions for honest communication" [Bird, Smith 2005]. In this way, feasts can be understood as tools that enhance the efficiency of communication.

In contrast, Smith stresses that feasts consistently function as signals that influence the reputation of the hosting family. Smith argues that

individuals assess the prestige and influence of the hosting family based on the quality of the feast. She suggests that “feasts demonstrate the family’s ability to endure anxiety and stress, as well as to manage the memory-making of events afterward.” Smith portrays feasts as high-stakes occasions where the weak may falter, while the strong accumulate greater power [Smith 2015]. She highlights the increasing pressure faced by hosts as the event approaches. These considerations are characteristic of more developed societies, where communication resources shape an individual’s place within the social hierarchy and become a source of power [Castells 2009, 50; Wunderlich et al. 2021]. J. S. Greer noted that celebrations in ancient times had a high social significance. Meaningful actions at the table required collective efforts, search, negotiation, and association [Greer 2022].

The culture of celebrations: format and purpose

As demonstrated earlier, holidays, feasts, and other communal events (including funerals) are an inseparable part of culture in all societies. Despite European colonists in newly conquered territories prohibiting feasts as irrational or sinful, they themselves organized lavish feasts to celebrate Christian holidays. This contradiction could be interpreted as a cultural or religious conflict. In Christian tradition, various holidays underscore the importance of feasting, with an emphasis on the communal sharing of food. Furthermore, Christian teachings encourage those who have abundance to share with their neighbors.

For instance, the New Testament states clearly: “If a brother or sister be naked, and destitute of daily food, and one of you say unto them, ‘Depart in peace, be ye warmed and filled’; notwithstanding ye give them not those things which are needful to the body; what doth it profit?” (James 2:15–16). Consequently, feasting can be regarded as a religious component that has permeated culture. As G. Morrison emphasizes, the act of sharing food, especially with neighbors and those less fortunate, carries profound spiritual significance and serves as a representation of the kingdom of God [Morrison 2017; Ngqeza 2018].

Some scholars have proposed classifications of feasts based on their format and underlying

purpose. For example, Adams identifies three main types of feasts: solidarity feasts, promotional feasts, and work feasts. Additionally, the author differentiates between potluck feasts and those organized by individuals or families. Other feasts, according to this classification, typically possess a hybrid nature [Adams 2004].

Solidarity feasts primarily aim to strengthen group cohesion and unity. These feasts often take the form of potlucks, where households, villages, or even entire subdistricts (groups of allied villages) come together to reinforce their social bonds. In contrast, promotional feasts are distinguished by their large attendance, abundant and prestigious food offerings (including costly items like rice and meat from domestic animals, typically provided by the hosting household), the display of prestige items, and a deliberate effort by the host to enhance their economic standing. Work feasts, on the other hand, are events where individuals contribute labor to a project lasting at least one day in exchange for food and beverages provided by the host [Adams 2004]. These feasts are common in agrarian societies, particularly in contexts requiring a substantial labor force, such as house construction or road building [Dietler, Herbich, Hayden 2001].

J. Sommerschuh concluded that changes in perceptions of the good towards more rational ones are manifested in the transition from feasting to accumulation [Sommerschuh 2022]. The growth of debt-driven consumption, as exemplified by the automotive market during the Covid-2019 pandemic, confirms that attributive consumption is supported by aggressive marketing, which today largely replaces traditional cultural values [Kuryшева, Vernikov 2024].

Data and methodology

The data for this analysis was sourced from the Global Findex Database 2011, which provides nearly 300 indicators on various financial topics, including account ownership, payment methods, savings, credit, and financial resilience. The sample size comprised 147,000 individuals from 144 countries across all regions of the world as defined by the World Bank. These surveys were conducted annually among adults worldwide, using a uniform methodology and nationally representative random samples. The database includes questions

such as, “Do you currently have a loan for a funeral or wedding?” and “A credit card is like a debit card, but the money is not deducted from your account immediately. You receive credit to make payments or purchase items, and you can pay off the balance later. Do you have a credit card?”

In economies where landline telephone penetration is less than 80%, or where face-to-face interviewing is customary, surveys were conducted in person. The first stage of sampling involved identifying primary sampling units consisting of clusters of households, which were stratified by population size, geography, or both. Clustering was achieved through one or more stages of sampling. In cases where population information was available, sample selection was based on probabilities proportional to population size; otherwise, simple random sampling was used. Random route procedures were employed to select households, and interviewers made up to three attempts to survey the sampled households, unless an outright refusal occurred. If an interview could not be obtained from the initially selected household, a simple substitution method was used. Respondents were randomly selected within households using the Kish grid method.

In economies with landline telephone penetration over 80%, surveys were conducted by telephone through random digit dialing or using a nationally representative list of phone numbers. In countries with high mobile phone penetration, a dual sampling frame was employed. At least three attempts were made to reach a person in each household, distributed across different days and times of year. In the majority of economies, the sample size was 1,000 individuals.

The study employs historical and cultural analysis to explore the evolution of celebrations and their cultural aspects across different societies. It also utilizes comparative analysis of statistical data to identify patterns and differences in financial and social practices. Additionally, sociological observation data is analyzed to gain a deeper understanding of people’s behavior and perceptions within the context of cultural traditions.

The analysis of the obtained data included the classification of countries based on two criteria, each of which had three levels: low, medium, and high. The resulting groups of countries were characterized both qualitatively and quantitatively (See Table 1).

Results

On average, only 2.88% of the survey respondents reported having a loan specifically for a funeral or wedding. These loans serve as an important financial instrument for individuals in different regions, assisting in the management of significant expenses associated with major life events. The percentage of respondents who reported taking out loans for these purposes varies across regions, revealing insights into cultural practices and the economic landscape. In Asia, 4.07% of respondents indicated that they had used loans to finance weddings, a figure relatively low when compared to Africa. On the other hand, 5.75% of African respondents said they had taken out loans for either a wedding or funeral, indicating that loans are more commonplace in the area. The lowest rate of loans for weddings or funerals is reported from Europe at 2.03%. It is likely that regional differences such as cultural perceptions of borrowing, access to alternative financial options, and varying degrees of economic growth influence borrowing behavior across regions.

In terms of overall credit accessibility, Europe is uniquely positioned with a substantial level of financial inclusivity. While approximately 13.7% of respondents in Europe indicated credit card ownership, credit cards were virtually nonexistent in Asia at 4.17% or African countries at 5.75%. The comparatively lower percentages of credit card ownership in Asia and Africa suggest that the credit infrastructure and access to credit products are less developed in these regions. This may contribute to the greater borrowing in the form of loans for weddings and funerals in Asia and Africa. The greater range of credit product availability, such as credit cards in Europe, provides alternatives for financing major life events and may alleviate the need for loans for weddings and funerals. This illustrates broader trends in financial accessibility and credit culture across regions that can inform how individuals manage personal financial needs.

Paradoxically, some countries with the highest survey values for borrowing for funerals and weddings in the dataset are among the countries in which the data show low overall credit availability. For example, in Ghana (Sub-Saharan Africa), more than 16% of respondents borrowed towards a wedding or funeral, while

in Afghanistan and Iraq, 28.4% and 11.9% of borrowers reported having done so, respectively (Fig. 1, 2). This suggests that there are high incidences of borrowing for life events (like weddings and funerals) generally, but such regions reported relatively low overall credit availability.

In this case study, Mauritania, Afghanistan, and Iraq are categorized as countries with low loan availability, with fewer than 10% of

respondents reporting access to loans. The limited credit infrastructure suggests that many individuals turn to borrowing for important life events despite a financial system that does not actively promote credit development. This raises important questions about the role of informal lending and how cultural norms shape attitudes toward borrowing for significant personal events.

One possible explanation is the influence of Islamic finance, which prohibits interest-based

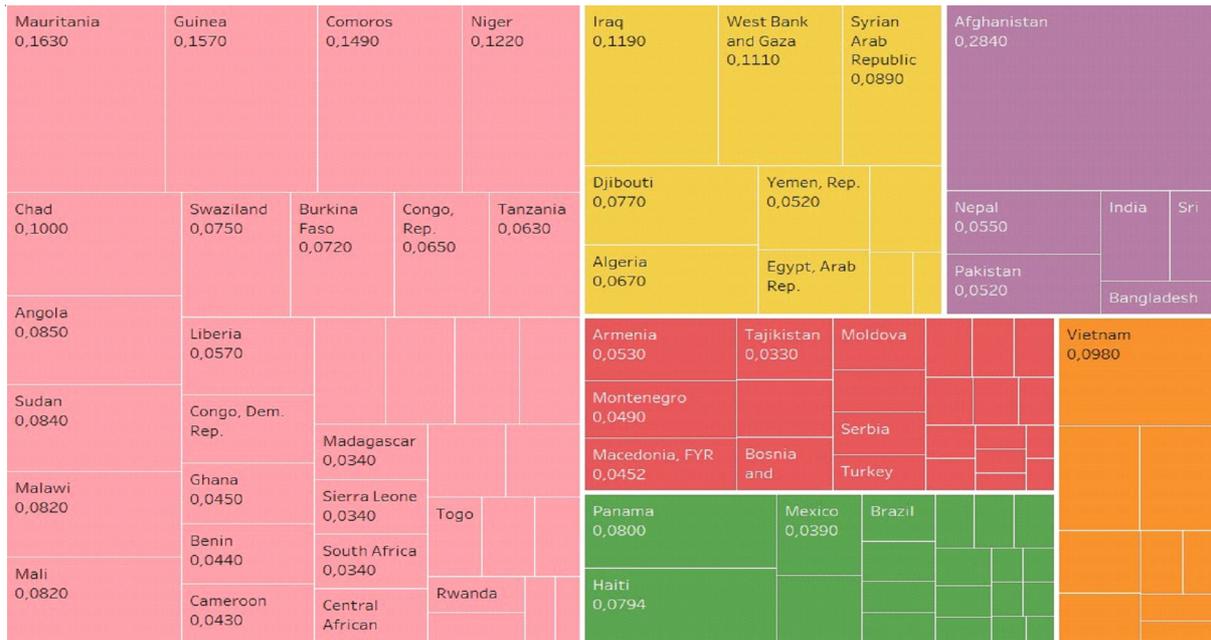

Fig. 1. Share of population has wedding/funeral debt: treemaps

Note. Made by author. Data was obtained from: [Global Findex 2025].

Share of population has wedding/funeral debt: treemaps (females only)

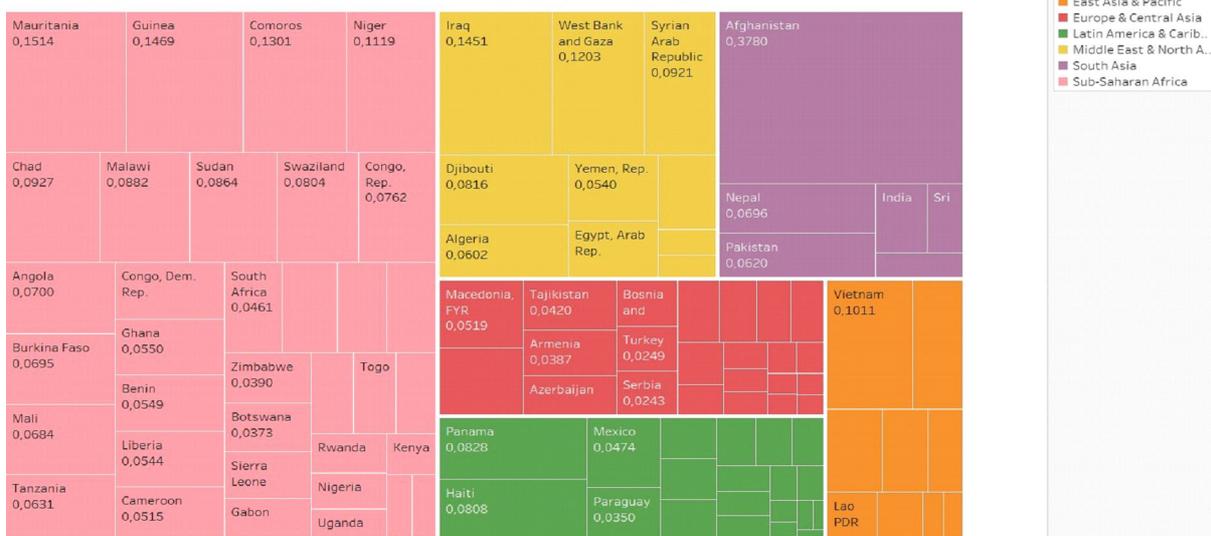

Fig. 2. Share of population has wedding/funeral debt: treemaps (females only)

Note. Made by author. Data was obtained from: [The Little Data Book... web].

lending but allows for various indirect forms of borrowing. Many Muslim-majority countries rely on conventional financial instruments, though these are often not widely used by the general population. Instead, lower-income individuals may turn to mutual Islamic insurance (takaful) or community-based financial assistance, which can help cover expenses for traditional ceremonies. Countries such as Malaysia, Saudi Arabia, Indonesia, Bahrain, Kuwait, the UAE, Egypt, Oman, Jordan, and Turkey rank among the leaders in Islamic financial development. However, these financial tools are generally available only to local residents, whereas many of these nations have large populations of displaced people or temporary workers who lack economic and social security. At the same time, their need to finance weddings or funerals is similar to that of the general population. For instance, in Egypt, only 1.6% of respondents reported having credit cards – below the regional average – while approximately 4% reported taking on debt for weddings or funerals.

Looking at the broader picture, the top 15 countries in Islamic banking development show varying trends. In Malaysia and Jordan, access to credit reaches 14.4% and 5.4%, respectively, while the share of respondents who have borrowed for weddings or funerals is 2.9% and 1%. We grouped countries into three categories based on their proportions of loan borrowing and a measure of credit access to help better understand the relationship with financial systems and loan borrowing patterns. To measure “credit access,” we grouped the participating countries into three categories; of the sample, they indicated they received credit products (credit cards) (Table 1). We also classified countries by loan fraction (the % of respondents who borrowed or obtained debt to fund life’s events (weddings, funerals)) into three country categories (low, medium, high) (Table 1).

These classifications allowed us to analyze how different levels of credit availability intersect with borrowing behavior across regions, shedding light on the dynamics between financial systems and personal finance decisions (See Fig. 3).

The data from the Global Financial Inclusion also show that there is no stable direct relationship between the accessibility of credit and the share of the population having debt for funerals or weddings. Interestingly, in European countries, where credit accessibility was at its highest in 2011, 13.7%, compared to other regions of the world, the proportion of respondents reporting having debt for financing wedding or funeral ceremonies for close family members was the lowest, approximately 2%. For example, in countries such as Latvia, only 0.7% of respondents reported having debt for such purposes, while in Russia the proportion was around 0.95%. This suggests that, despite higher availability of credit products in Europe, the use of loans for such purposes remains relatively rare.

In contrast, in Sub-Saharan Africa, where credit accessibility is much lower, with an average of only 5.75% of respondents reporting having access to credit, the incidence of borrowing for weddings or funerals is considerably higher. For example, in Guinea, over 15% of respondents indicated they had taken out loans for these events, and in countries like Uganda and Senegal, the figures were also notable, around 6% and 4.2%, respectively. This highlights a significant regional disparity in the use of loans for life events, despite the difference in overall credit accessibility.

Conclusion

While the availability of credit and financial infrastructure varies by region, the data does not support a consistent relationship between these factors and the presence of debt for vital life

Table 1

Basis for classifying countries, % of respondents

	Low (<10%)	Medium (10% – 20%)	High (>20%)
Credit access	"under-developed" category in financial systems with low access to formal credit	moderate access to financial products and financial infrastructure	developed financial systems and high access to financial products
Loan fraction	few respondents borrowed money for these events	some respondents borrowed money	many respondents borrowed money

Note. Made by author.

events such as weddings and funerals. For example, in Europe and some Latin American countries, where access to credit cards is significantly higher, the percentage of the population using loans for weddings or funerals remains minimal (around 2%). In countries such as Latvia (20.3% of the population has access to credit products) and Uruguay (31.3% have access), the use of credit for these purposes is extremely low despite the presence of well-developed financial infrastructures, with less than 1% of the population reporting debt incurred for weddings or funerals. In contrast, in countries with lower credit accessibility, such as those in Africa, a significantly higher percentage of the population takes loans for weddings and funerals. For instance, in Mauritania, more than 16% of respondents report taking loans for these purposes, and in countries such as Afghanistan (28.4%) and Iraq (11.9%), the proportion of borrowers is also considerably higher. These figures suggest that in these countries, there is a stable social practice of taking loans for significant life events despite limited access to formal credit. These trends may be driven by cultural or religious norms that make loans for weddings and funerals socially

acceptable, even in the absence of widespread formal credit availability.

A curious pattern emerges when comparing expenditures in countries with similar cultural backgrounds. Hayden discusses this in his article, where he examines the transformation of marriage rituals in Vietnamese communities from traditional pre-colonial practices to the modern communist framework [Hayden, Villeneuve 2011]. He notes that colonial history significantly altered wedding rituals. A similar trend can be observed in colonizing and colonized countries. For example, in Spain (the colonizing country), as well as in Chile and Mexico (colonized countries), wedding expenses are quite similar in absolute terms. In all three countries, people spend approximately 14 times the average monthly salary (after taxes) on weddings, though in relative terms, the amounts differ significantly. On average, wedding expenditures in Mexico and Chile are around \$8,000–9,000 USD, while in Spain, this figure is about \$24,000 USD.

Nonetheless, the overall pattern suggests that families' willingness to take loans for ritual feasts can be seen as a manifestation of the inelasticity of expenditures associated with ritual

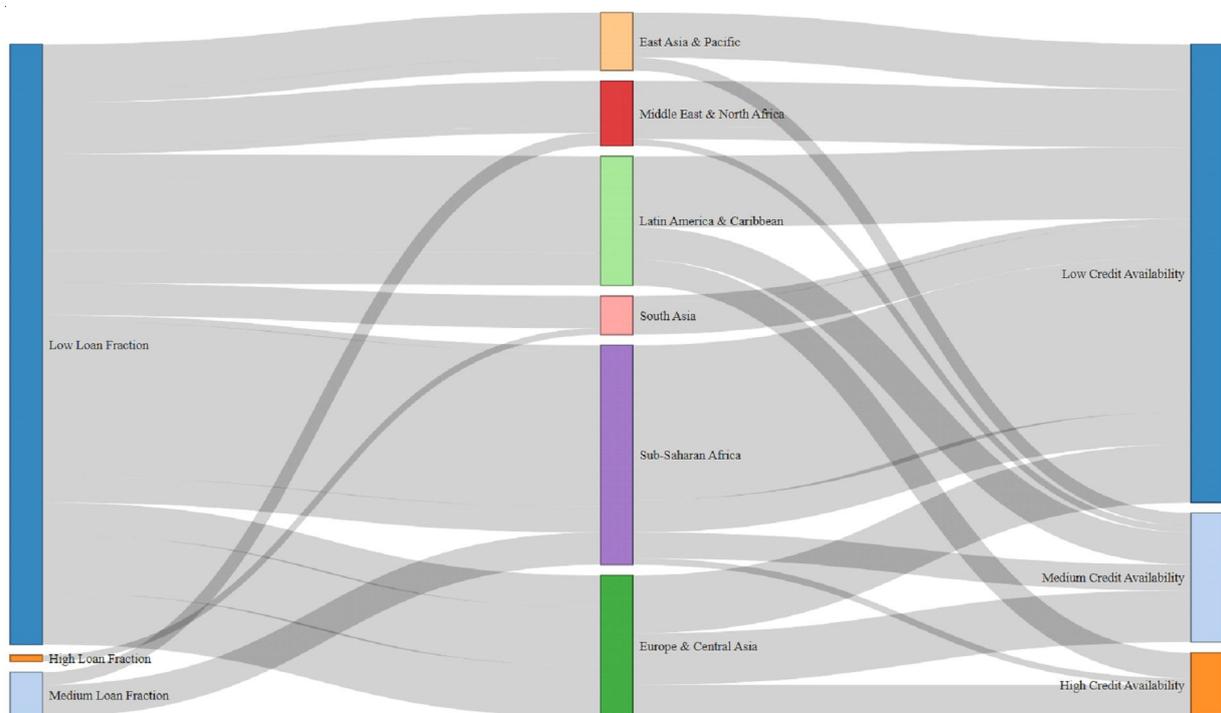

Fig. 3. Sankey diagram of the proportion of the population with wedding/funeral debt and the proportion of the population with credit card ownership

Note. Made by author. Data was obtained from: [Global Findex 2025].

behavior. This is more of a symptom than a problem, indicating that these expenditures are less responsive to economic factors. It is hypothesized that as societies develop economically, ritual behavior becomes more elastic, meaning it becomes more sensitive to economic constraints. For example, in economically developed countries such as Germany or France, wedding or funeral expenses are typically planned in accordance with available financial resources. This reflects a rational approach where economic variables play a significant role in decision-making. In contrast, in less economically developed countries such as Afghanistan or Mauritania, expenditures on rituals often exceed rational limits, leading to high levels of debt.

As for Islamic banking, it provides alternative forms of borrowing, although accessibility is still somewhat limited and still excludes groups such as migrant workers. Furthermore, the findings suggest that despite the overall low availability of formal credit in many Muslim-majority countries, borrowing for life events continues to be quite common. This may be due to the influence of informal lending networks and community-based financial assistance. Overall, the findings support the development of more equitable financial strategies towards inclusion that utilize financial service tools that extend past commercial banking in order to serve broader social and economic groups.

It is important to emphasize that the growing elasticity of ritual behavior does not imply a decline in the significance of rituals themselves or an increased role of the economy in decision-making. Rather, it reflects a higher level of rationality in decision-making. In economically developed countries, individuals are more likely to evaluate available alternatives and make decisions based on their financial capacities, thus reducing the debt burden. Irrational behavior in less developed societies may have different interpretations. For example, the large-scale conduct of rituals may be driven by the need to maintain social status or adhere to traditions, even if it results in financial difficulties. Thus, the differences in the elasticity of ritual behavior between developed and developing countries reflect not a decrease in the importance of rituals but differences in the approach to their economic support.

Future research directions

In the field of rituals and economic development, there is a promising avenue for further exploration. Future studies should prioritize examining the impact of feasting on community dynamics and political structures, as well as the benefits it provides to both hosts and participants. It is also essential to delve into the intricate relationships between feasts and productive social units [Lapeca, Acabado 2017; Smith 2015]. Another critical area of investigation is understanding the motivations behind the complete redistribution of a deceased individual's wealth during specific funeral feasts. Researchers should rigorously challenge various assumptions about the tangible manifestations of feasting at household, kinship, and community levels, including practices such as material borrowing and the final disposition of surplus gift food [Hayden, Villeneuve 2011].

An intriguing area for future research in economic sociology involves exploring the anticipated interest rates associated with loans and gifts and understanding the factors contributing to their fluctuations. This includes scenarios where straightforward reciprocity is sufficient for some individuals, while others demand double or greater returns. Researchers should examine the varying contributions of individual households, including those who neither host nor participate in feasts. It is also crucial to analyze the consequences that arise when the expected returns from feasting are not met [Adams 2004].

REFERENCES

- Adams R.L., 2004. An Ethnoarchaeological Study of Feasting in Sulawesi, Indonesia. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 23, no. 1, pp. 56-78.
- Bird R., Smith E., 2005. Signaling Theory, Strategic Interaction, and Symbolic Capital. *Current Anthropology*, vol. 44, no. 1, pp. 221-248.
- Capraro V., 2013. A Model of Human Cooperation in Social Dilemmas. Edited by Szolnoki A. *PLoS One*, vol. 8, no. 8, pp. 221-248.
- Castells M., 2009. *Communication Power*. New York, Oxford University Press Inc.
- Dietler M., Herbich I., Hayden B., 2001. Feasts and Labor Mobilization: Dissecting a Fundamental

- Economic Practice. Dietler M., Hayden B. (eds.) *Feasts. Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power*. Washington, DC, Smithsonian, pp. 240-265.
- Donahue J.E., 2005. Toward a Typology of Roman Public Feasting. Gold B.K., Donahue J.E. (eds.) *Roman Dining: A Special Issue of the American Journal of Philology*. Baltimore, Johns Hopkins Univ Press, pp. 95-114.
- Durkheim E., 2005. *Suicide: A Study in Sociology*. London, Routledge, 2005.
- Greer J.S., 2022. Feasting and Festivals. Fu J., Shaffer-Elliot C., Meyers C. (eds.) *T&T Clark Handbook of Food in the Hebrew Bible and Ancient Israel*. New York, Bloomsbury Publishing Plc, T&T Clark, pp. 297-318.
- Hayden B., Villeneuve S., 2011. A Century of Feasting Studies. *Annual Review of Anthropology*, vol. 40, no. 1, pp. 433-449.
- Kuryshva A., Vernikov A., 2024. A Feast in Time of Plague: Debt-Financed Spending Spree During the Pandemic. *Forum for Social Economics*, vol. 53, no. 4, pp. 400-418.
- Lapeca Q.G., Acabado S.B., 2017. Resistance Through Rituals: The Role of Philippine “Native Pig” (Sus Scrofa) in Ifugao Feasting and Socio-Political Organization. *Journal of Archaeological Science*, vol. 13, pp. 583-594.
- Longhofer W., Winchester D. (eds.), 2023. *New Connections to Classical and Contemporary Perspectives*. London, Routledge.
- McDowell E., 2019. A Staggering Percentage of Couples Are Going into Debt to Pay for Their Weddings – Here Are the Countries Where the Problem Is the Worst. *Business Insider*. URL: <https://www.businessinsider.com/wedding-cost-go-into-debt-pay-couples-2019-7>
- Morrison G., 2017. A Theology of Feasting: Encountering the Kingdom of God. *Irish Theological Quarterly*, vol. 82, no. 2, pp. 128-147.
- Mutschler F.H. (ed.), 2018. *The Homeric Epics and the Chinese Book of Songs: Foundational Texts Compared*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing.
- Nahum-Claudel C., Stein F., Lazar S., Candea M., Diemberger H., Robbins J., Stasch R., 2016. *Feasting*. Cambridge, Cambridge Encyclopedia of Anthropology.
- Ngqeza Z., 2018. The Relationship Between Ideology, Food. *Security and Socio-Religious Cohesion in the Old Testament with Specific Reference to Deuteronomy and Eighth Century Prophets*. Cape Town, UWC Theses and Dissertations, pp. 14-76.
- Otnes C., Lowrey T.M., 1993. ‘Til Debt Do Us Part: The Selection and Meaning of Artifacts in the American Wedding. *Advances in Consumer Research*, vol. 20, no. 1.
- Pollington S., 2003. *The Mead-Hall: Feasting in Anglo-Saxon England*. Hockwold-cum-Wilton, UK, Anglo-Saxon Books.
- Rosman A., Rubel P., 1971. *Feasting with Mine Enemy*. New York, Columbia University Press.
- Sherratt S., 2004. Feasting in Homeric Epic. Wright J. (ed.) *The Mycenaean Feast*. Princeton, NJ, American School of Classical Studies at Athens.
- Sherry J., 1983. Gift Giving in Anthropological Perspective. *Journal of Consumer Research*, vol. 10, pp. 157-168.
- Sillitoe P., 1978. Big Men and War in New Guinea. *Man*, vol. 13, pp. 252-271.
- Simoons F.J., Simoons E.S., 1968. *A Ceremonial Ox of India: The Mithan in Nature, Culture, and History*. Madison, The University of Wisconsin Press.
- Smith M.L., 2015. Feasts and Their Failures. *Journal of Archaeological Method and Theory*, vol. 22, no. 4, pp. 1215-1237.
- Sommerschuh J., 2022. From Feasting to Accumulation: Modes of Value Realisation and Radical Cultural Change in Southern Ethiopia. *Ethnos*, vol. 87, no. 5, pp. 893-913.
- The Little Data Book on Financial Inclusion 2022. *Global Findex Database*. URL: <https://www.unepfi.org/wordpress/wp-content/uploads/2023/02/Findex-Data-Book-2021.pdf>.
- Global Findex 2025. *World Bank Group*. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/globalfindex#sec2>
- Wallendorf M., Arnould E.J., 1991. We Gather Together: Consumption Rituals of Thanksgiving Day. *Journal of Consumer Research*, vol. 17, pp. 56-64.
- Weiner J.F., 1988. Durkheim and the Papuan Male Cult: Whitehead’s Views on Social Structure and Ritual in New Guinea. *American Ethnologist*, vol. 15, no. 3, pp. 567-573.
- Wunderlich M., Jamir T., Müller J., Rassman K., Vasa D., 2021. Societies in Balance: Monumentality and Feasting Activities Among Southern Naga Communities, Northeast India. *Plos One*, vol. 16, no. 3, pp. 165-185.
- Zaluchu S.E., 2023. Interpretation About Death Rite of the Nias Ethnic and Its Relation to Social Order. *OMEGA – Journal of Death and Dying*. DOI: <https://doi.org/10.1177/00302228221149804>

Information About the Authors

Gulnara F. Romashkina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Economic Security, System Analysis, and Control, University of Tyumen, Lenina St, 16, 625003 Tyumen, Russian Federation, g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>

Vladimir S. Kibukevich, Postgraduate Student, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Lenina St, 16, 625003 Tyumen, Russian Federation, kibukevich.vs@phystech.edu, <https://orcid.org/0009-0000-9922-6760>

Информация об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина, доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, ул. Ленина, 16, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>

Владимир Степанович Кибукевич, аспирант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, ул. Ленина, 16, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, kibukevich.vs@phystech.edu, <https://orcid.org/0009-0000-9922-6760>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.12>

UDC 172.1
LBC 87.66

Submitted: 08.04.2025
Accepted: 30.05.2025

DESTRUCTIVE MEDIA: DOUBLE STANDARDS OF UNIVERSAL COMMUNICATORS

Andrey M. Druzhinin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes destructive media communications in relation to such concepts as double standards in compliance with ethical norms and codes; the subject of digital communications, for which a qualitative characteristic is proposed – “universal communicator”; inanimate actors of digital media, i.e., bots; as well as a number of other phenomena of modern media. One of the key trends in modern media communications is associated with a decrease in audience interest in traditional media – newspapers, radio, and television. The public switches its attention to easily accessible alternative sources of information – new media and social networks. Constant economic competition with Internet platforms that do not verify information leads to a “domino effect.” Gradually and inevitably, the quality of information verification in traditional media also declines. The “universal communicator” becomes an active actor in the new media system, i.e., a subject who previously combined the roles of various professional attitudes, a civil activist, a journalist, a politician, a volunteer, etc. This phenomenon leads to a weakening and sometimes even to the erasure of the boundaries between various social functions, which is reflected in the quality of the produced media texts. Digital destructive communications are considered in the context of the problem of manipulation through mass media. Current data from sociological research shows the readiness of a significant proportion of citizens to use so-called hostile activism to confront government authorities, businesses, the media, and civil society institutions. One way to solve this problem may be to improve legal regulation in the field of digital media communications, develop the idea of responsible artificial intelligence, and disseminate the basics of media literacy among citizens.

Key words: digital communications, responsible artificial intelligence, destructive media, universal communicators, double standards.

Citation. Druzhinin A.M. Destructive Media: Double Standards of Universal Communicators. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 121-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.12>

УДК 172.1
ББК 87.66

Дата поступления статьи: 08.04.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

ДЕСТРУКТИВНЫЕ МЕДИА: ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ

Андрей Михайлович Дружинин

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ деструктивных медиакommunikаций, включающий рассмотрение ряда явлений современных медиа: двойных стандартов в соблюдении этических норм и кодексов; субъекта цифровых коммуникаций, в отношении которого предложена качественная характеристика – «универсальный коммуникатор»; неживых акторов цифровых медиа (ботов). Один из ключевых трендов современ-

ных медиакоммуникаций связан со снижением интереса аудитории к традиционным СМИ – газетам, радио и телевидению. Общественность переключает внимание на легкодоступные альтернативные источники информации – новые медиа, социальные сети. Постоянная экономическая конкуренция с интернет-платформами, не проверяющими информацию, приводит к «эффекту домино». Постепенно и неизбежно падает качество проверки информации и в традиционных СМИ. Активным актором в системе новых медиа становится «универсальный коммуникатор», то есть субъект, совмещающий роли гражданского активиста, журналиста, политика, волонтера и проч. Данное явление приводит к ослабеванию, а иногда и к стиранию границ между различными социальными функциями, что отражается на качестве продуцируемых медиатекстов. Цифровые деструктивные коммуникации рассмотрены в контексте проблемы манипуляции посредством масс-медиа. Актуальные данные социологических исследований показывают готовность значительной доли граждан использовать так называемые враждебный активизм для противостояния государственным органам власти, бизнесу, СМИ и институтам гражданского общества. Одним из способов решения данной проблемы может быть совершенствование правового регулирования в сфере цифровых медиакоммуникаций, развитие идеи ответственного искусственного интеллекта и распространение основ медиаграмотности среди граждан.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, ответственный искусственный интеллект, деструктивные медиа, универсальные коммуникаторы, двойные стандарты.

Цитирование. Дружинин А. М. Деструктивные медиа: двойные стандарты универсальных коммуникаторов // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 121–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.12>

Стратегии использования некоторых медиакоммуникаций зачастую направлены на задачи, которые можно определить как деструктивные в отношении личности, гражданских, общественных, государственных институтов. Рассматривая данную тему, исследователи нередко имеют в виду различные способы технологически опосредованных манипуляций. В частности, подобные наблюдения специалисты делают в отношении различных социальных сетей. Отмечается, что объем коммуникаций в онлайн сегменте медиа постоянно нарастает с одновременным снижением аудитории традиционных СМИ.

Деструктивные медиакоммуникации могут быть рассмотрены как одна из форм политического манипулирования, проявляющегося в сетевой среде интернет-коммуникаций. Данные формы воздействия на общество реализуются в блогах, социальных сетях, отдельных интернет-порталах, в новостных агрегаторах и проч. Сегодня ряд российских исследователей серьезно обеспокоены растущим увеличением масштабов деструктивного информационно-психологического влияния на российских граждан в целом, в частности на молодежь со стороны многих зарубежных медиаструктур [Бродовская и др. 2023; Давыдова, Кравчук 2024].

Характерная (но не единственная) особенность манипулирования цифровых медиа – это активное использование технологий искусственного интеллекта (ИИ). Анализ больших

данных сейчас привлекается для персонализации рекламы, создания автоматических ботов для продвижения определенной точки зрения, для разрушения коммуникационных кампаний конкурирующих политических субъектов. Современные виртуальные акторы – боты – способны втягивать пользователей в дискуссии, засорять сеть многочисленными однотипными сообщениями, содержащими тенденциозную точку зрения в поддержку тех или иных групп давления.

Цифровые манипуляции могут осуществляться политическими активистами или отдельными участниками различных социальных групп для продвижения своих целей в том случае, когда преследуются быстрые практические результаты без учета общественного блага. Необходимо также учитывать социальный и технологический контекст в изучении проблемы манипуляций в сети. Дело в том, что вопрос цифрового неравенства по-прежнему остается актуальным. Доступ к различным инструментам проверки фактов, уровень цифровой грамотности распространены по территориям разных стран, а также внутри государств крайне неравномерно.

Одновременно приемы цифровых манипуляций активно используют киберпреступники, различные интернет-мошенники [Биттиева, Магомедов 2022; Черная 2018]. Применяемые ими способы совершения преступлений становятся все более изощренными. В свою очередь, активно развиваются различные спо-

события поддержания кибербезопасности. Развитие инструментов и методов борьбы с подобными явлениями, очевидно, требует междисциплинарного подхода с применением различных инструментов и методов широкого круга научных отраслей и прикладных направлений.

Одна из характерных черт информационных медиакоммуникаций и современной журналистики в целом – это уже сформировавшаяся в сети традиция привлекательного (продающего) заголовка (кликбейт). В среде информационного изобилия множатся ложь и полуправда, предвзятые и поляризованные дискурсы и/или сенсационные сообщения, банальные наблюдения, поданные под видом оригинального взгляда при помощи стилистических приемов медиаязыка. Все это является частью широкого и разнообразного контекста постправды и фейковых новостей, которые подпитывают парадигму дезинформации. Подобные явления стали возможны в результате рассмотрения различных медиаавлений в качестве высоколиквидного товара, обладающего определенным индексом популярности, который напрямую зависит от количественных метрик-переходов (кликов).

В условиях цифровой эпохи, когда информация распространяется с невероятной скоростью, становится актуальной проблема онлайн-манипуляций, враждебной пропаганды, которая использует автоматические боты в социальных сетях для влияния на общественное мнение. Это может привести к радикальному изменению общественного мнения и даже к общественному консенсусу в тех областях, где его ранее не было.

Целью таких кампаний является влияние на исход выборов или референдумов, а также дестабилизация социальной обстановки в регионе – мишени. Сегодня онлайн-коммуникации оказывают серьезное влияние на демократический процесс, зачастую ослабляя существующие государственные институты, общественные структуры, традиционные средства массовой информации. Особенно уязвимы перед новыми медиа привычные СМИ, которые по экономическим причинам вынуждены адаптироваться к предлагаемым конкурентами условиям. Это создает предпосылки для снижения качества информации, повышает уязвимость редакций перед инфор-

мационными вбросами, проверка которых требует значительных ресурсов.

Хотя цифровая пропаганда технически не является незаконной, ее можно охарактеризовать как форму политического отклонения, которая подрывает демократические принципы. Ее использование приводит к таким социальным последствиям как создание эхо-камер, делающих публичные онлайн-дискуссии однородными, поляризация политической коммуникации и т. д.

Данные исследований демонстрируют, что цифровая пропаганда, построенная на использовании ботов, подрывает доверие к традиционным политическим институтам: партиям, общественным движениям, предвыборному процессу, избирательной системе. Опросы также свидетельствуют, что граждане различных государств серьезно обеспокоены проблемой манипуляции общественным мнением, опасностью которой, по данным исследователей Pew Research Center, в той или иной степени признают до 84 % респондентов [Wike et al. web].

Различные формы цифровых манипуляций становятся все более распространенным инструментом достижения целей отдельных субъектов политического процесса. В этой контексте запрос на получение достоверной информации становится все более актуальным. Методы и способы распознавания фейков, ложных учетных записей, барьеры при регистрации новых пользователей в сети, распространение знаний о проверке информации – фактчекинге – становятся востребованным и необходимым звеном в массовом коммуникативном процессе.

Цифровая деструктивная пропаганда постоянно расширяет свое смысловое поле. Боты активно использовались для распространения дезинформации по поводу вакцинации в период борьбы с пандемией COVID-19. Фейки в области здравоохранения формировались, в том числе и с применением методов машинного обучения. Основной риск таких коммуникаций уже напрямую связан с манипуляциями человеческими жизнями.

Новые акторы новых медиа: боты и универсальные цифровые коммуникаторы

Фигура профессионала в области информации сегодня претерпела глубокие изменения

в связи с появлением, развитием и проникновением во многие сферы жизни общества социальных сетей. Новые медиа (интерактивные платформы) изменили медиасреду. Современные способы производства и распространения новостей совсем не похожи на методы, использовавшиеся традиционными СМИ до появления Интернета. Нередко деструктивные коммуникации продиктованы специфическими характеристиками субъекта коммуникативного воздействия. Дело в том, что современные онлайн-медиа заставили профессионалов, занятых в индустрии, активно пересматривать основы своей деятельности и адаптироваться к новой социотехнической реальности. Так, образ традиционного журналиста уходит в прошлое, ему на смену приходит некий «универсальный цифровой коммуникатор», который испытывает влияние смежных публичных профессий (политика, гражданского активиста, блогера, лектора). Все эти профессиональные установки переплетаются, становятся подчас мало отличимыми друг от друга. В результате медиAPERсона, не отождествляя себя с какой-либо традиционной коммуникативной профессией, не применяет к своей деятельности ее профессиональные стандарты и особенно морально-этические кодексы и нормы. Кодифицированная профессиональная этика журналиста сегодня редко применяется как основание для работы, например, блогера. Политический и гражданский активист, чья деятельность зачастую сосредоточена на цифровых платформах, и вовсе может избегать практики взвешенных объективных оценок того или иного социального факта.

Искусственно созданные боты все больше обретают своеобразную «субъектность», становятся политическими акторами, способными привлекать внимание, распространять фейки, создавать информационный шум, затрудняющий поиск достоверных данных, создавать так называемые эхокамеры или информационные пузыри. Этими приемами обеспечивается максимально широкий охват аудитории, которого невозможно достичь усилиями одного человека или коллектива авторов. Однако следует учитывать, что все эти инструменты невозможно синхронизировать между собой, принять решения о запуске, спланировать этапы информационного воздействия,

оценить их эффективность без участия живого индивида.

Примечательно, что чаще всего в интернет-дискуссии носитель альтернативной точки зрения объявляется ботом, то есть неживым актором процесса онлайн-коммуникации. Такие действия по расчеловечиванию субъекта – один из частных способов построения авторитарной модели коммуникации. Политический дискурс в результате становится жестко поляризованным. Мнения и позиции вербализуются на примитивном уровне, не проходят проверку на противоречия и заблуждения. Обмен мнениями становится скрытым монологом, направленным исключительно на усиление «единственно верной» точки зрения. Подобный способ коммуникации антидемократичен по своей форме и приводит к усилению догматического мышления, при котором социальные разногласия лишь усиливаются, исключается возможность урегулирования конфликта.

Нужно понимать, что основным активом владельцев социальных сетей являются накопленные ими данные, а также механизмы выявления предпочтений пользователей и управления их вниманием. Существование услуг, связанных с продвижением товаров и идей в соцсетях, стало возможно в результате новейших разработок в области искусственного интеллекта, которые позволяют неживым агентам – ботам – постоянно адаптироваться в условиях быстро меняющейся информационной среды. В результате выявление и достоверная атрибуция того или иного сетевого актора превращается в весьма трудоемкую задачу, зачастую просто невыполнимую для стороннего наблюдателя, не обладающего значительными временными и аппаратными ресурсами. Одновременно совершенствуются способы сокрытия реальной личности пользователя, а также технологии быстрого «клонирования» профилей злоумышленников (будь то кибермошенники или пособники террористов, вербующих себе сторонников в цифровой среде).

Коммуникации за рамками морали и двойные стандарты

В целом деструктивные коммуникации, направленные на явное или скрытое принуждение индивида к действиям, которые несут

вред ему или его сообществу, разумеется, полностью противоречат классическим представлениям о морали, навязывая всему современному обществу такой порядок вещей, при котором «максима воли» единичных «универсальных коммуникаторов» становится основой для формирования практик существующего в настоящее время медиапространства. При этом устоявшиеся деструктивные практики применяются, разумеется, избирательно, в отношении лишь тех сообществ и/или индивидов, которые становятся жертвами современных информационных войн как в глобальном измерении, так и на уровне локальных сообществ, что актуализирует проблему двойных стандартов в моральной оценке тех или иных действий, в особенности политических решений [Булипопова 2010; Ахматов 2007; Соколов 2013; Ковалев, Магомедов, Самыгин 2016; Капранов, Капранова 2019].

Вопрос об этике цифровых коммуникаций в научной парадигме сегодня осложнен практической реализацией различных конструктов «плоских онтологий», при которых существование цифровых артефактов и объектов рассматривается наравне с человеком. В контексте концепции Интернета вещей (Internet of Things) значимым социотехническим актором становится любой продукт искусственного интеллекта, включая боты и дипфейки. В этих обстоятельствах антропоцентрическая модель социальных коммуникаций уже не может быть единственной, и такая ситуация, несомненно, обладает деструктивным потенциалом в отношении человека и человеческих сообществ.

Ю. Хабермас различает действия коммуникативные и стратегические. Как известно, им была сформулирована этика дискурса, позволяющая дать формальную оценку тем или иным intersubjectивным взаимодействиям с точки зрения их добровольности, непротиворечивости, соответствия этическим нормам и правилам, логике и поиску взаимопонимания между людьми [Хабермас 2001]. Неэтичные цифровые коммуникации, направленные на скрытое управление аудиторией путем обмана, разумеется, нельзя принять как ориентир для дальнейшего экономического и социально-политического прогресса, урегулирования как конфликтов глобального характера,

так и локальных противостояний тех или иных групп или лидеров общественного мнения. Здесь особо следует подчеркнуть, что любые практики культурной отмены, изоляции различных стран, в частности России, не имеют ничего общего с декларируемым известным представителем Франкфуртской школы философии требованием не допускать исключения из числа участников дискуссии тех, кто может внести релевантный вклад в поиск приемлемого решения обсуждаемой проблемы или конфликтной ситуации.

В этих условиях этические стандарты в IT-отрасли должны стать динамичной сферой исследований, где гуманистическая философская традиция, критический анализ различных коммуникативных практик будут основой для определения целей цифрового продукта. Различные цифровые артефакты (тексты или изображения), которые создаются неживыми агентами современного цифрового коммуникативного пространства, активизировали дискуссии об ответственном искусственном интеллекте (ОИИ), который на программном уровне будет ограничен в своих действиях моральными нормами и установками [Германов 2023; Шахнов и др. 2024; Овчинникова, Лебедева, Парм 2024].

Л. Флориди предложил различать жесткую и мягкую этику в отношении цифровых коммуникаций. Жесткая этика связана с установленными нормами, тогда как мягкая этика направлена на осмысление допустимых моральных выборов, выходящих за рамки существующего регулирования, кодифицированного в законах и этических стандартах [Floridi 2018]. В этом смысле мягкая этика – это шаг, следующий за соблюдением существующих норм и правил коммуникации. Это значит, что обычное следование предписанным правилам, регламентам, законам и кодексам сегодня уже мера недостаточная. Следует развивать моральное сознание граждан, вовлеченных в процесс передачи и трансляции информации. Очевидно, что для реализации этой задачи особая роль должна быть отведена глубокой гуманитарной подготовке специалистов самого широкого круга профессий, особенно связанных с коммуникациями и информатизацией.

Необходимо также учесть, что уклонение от этических норм часто наблюдается в

контексте двойных стандартов, что подчеркивает важность саморегуляции и осознания ответственности.

Данные исследования Edelman Trust Barometer за 2025 г. указывают на широкое распространение двойных этических норм в восприятии современной медиасреды [Global Report 2025]. Как показали результаты опроса 33 тыс. граждан из 26 стран, в обществе нарастает глубокий кризис доверия, который проявляется в повсеместном недовольстве и смещении акцентов в сторону деструктивных действий в публичном пространстве. Причиной этому стали политическая поляризация и усиливающиеся социальные страхи. Средний уровень доверия к ключевым институтам – бизнесу, правительству, СМИ и НПО – продолжает неуклонно снижаться, причем наиболее ярко эта тенденция проявляется в странах так называемого золотого миллиарда: Германии, Франции, Швеции и Великобритании. Исследователи констатируют рекордно высокий уровень убежденности в том, что лидеры из числа властных элит и бизнеса систематически вводят в заблуждение сограждан.

Необходимо обратить особое внимание на два параметра проведенных замеров. Во-первых, до 69 % респондентов уверены, что институты власти и СМИ транслируют откровенную ложь, что закономерно коррелирует с высоким уровнем недоверия к искусственному интеллекту как инструменту, используемому элитами. Во-вторых, и это свидетельствует об этическом кризисе в обществе, каждый четвертый опрошенный (25 %) рассматривает намеренное распространение дезинформации как действенный и приемлемый способ борьбы с существующим социальным порядком. Эту готовность авторы исследования называют «враждебным активизмом», который окончательно размывает границы между этичным и неэтичным в публичных дебатах, замыкая порочный круг недоверия и агрессии.

Растущая готовность граждан применять враждебный активизм и манипулятивные технологии для достижения своих целей – на фоне осознания рисков стать их жертвой – формирует в массовом сознании систему двойных стандартов, что ведет к двум ключевым последствиям: во-первых, к эскалации конфлик-

тов, где деструктивные коммуникации становятся нормой, вытесняя диалог и поиск компромисса; во-вторых, к тотальной эрозии доверия – как к институтам и медиасреде, так и к участникам коммуникации, что в конечном итоге подрывает основы конструктивного публичного взаимодействия.

Заключение

Сегодня традиционные СМИ, руководствующиеся высокими профессиональными и этическими стандартами, все больше утрачивают свою привлекательность. Тенденции по снижению аудитории таких СМИ экспертами фиксируются последние годы и являются устойчивым трендом [Одинцов 2024; Солопов 2025; Пуншева 2025].

Общественность переключает внимание на легкодоступные альтернативные источники информации – новые медиа, социальные сети. Постоянная экономическая конкуренция с интернет-платформами, не проверяющими информацию, приводит к «эффекту домино». Постепенно и неизбежно падает качество проверки информации и в традиционных СМИ.

Цифровые платформы в настоящее время – предмет изучения в контексте вопросов информационной безопасности, а также эффективности их контроля и обнаружения деструктивного контента, дезинформации, опасных для общества призывов и сообщений.

Противостояние цифровым манипуляциям и деструктивным медиа в целом сопряжено с рядом проблем. Отсутствие законодательства, направленного на решение этого вопроса, обусловлено постоянно развивающимися технологиями. Фактически передовые технологии позволяют заказчикам и исполнителям онлайн-пропаганды оставаться анонимными и скрытыми. Поэтому весьма непросто реализовать политику, необходимую для борьбы с этой формой манипуляции.

Таким образом, становится очевидной необходимость в разработке и внедрении правил и политик, которые будут непосредственно регулировать усилия универсальных коммуникаторов и их информационных ресурсов в процессе обсуждения значимых для социума идей и проблем, а также в ходе избирательных кампаний. Это позволит обеспечить

защиту от дезинформации и повысить уровень доверия общества к государственным институтам власти, демократическим процессам и средствам массовой информации, как новым, так и традиционным.

Необходим комплексный подход, который включал бы методы из нескольких областей исследования, чтобы учитывать все последствия, к которым приводит компьютерная пропаганда. На технологическом уровне правительства могут использовать искусственный интеллект и машинное обучение для противодействия пропаганде с помощью ботов на социальных платформах. Сложные инструменты, такие как проверка фактов, также должны использоваться, чтобы препятствовать распространению дезинформации и повышать доверие общества к средствам массовой информации.

С социально-философской точки зрения повышение осведомленности и критического мышления посредством образования и горизонтального сотрудничества различных субъектов цифровой коммуникации помогает сделать общественность более информированной и подготовленной к деструктивным коммуникациям со стороны как отдельных субъектов (актеров, ботов), так и групп политического давления, враждебных структур. Кроме того правительствам, бизнес-структурам, гражданскому обществу следует обратить внимание на различные инструменты и механизмы повышения доверия граждан в целом, так как данные, собранные социологами, свидетельствуют о растущих рисках агрессивной, деструктивной поляризации общества во многих странах мира. Такое положение вещей делает граждан уязвимыми в контексте ведения враждебной пропаганды, информационных способов ведения гибридных войн. Особую важность имеет морально-нравственная оценка деструктивных коммуникативных практик как неприемлемых для достижения общественно значимых целей и задач.

Следует особо подчеркнуть важность разработки и последующего внедрения международно-правовой и национальной базы, регуливающей автоматизацию ботов и роль социальных сетей, чтобы избежать негативного воздействия на общество и политику. Действия многих суверенных государств по ог-

раничению распространения информации на базе наиболее известных соцсетей, признание таких интернет-ресурсов вне закона – это, по всей видимости, вынужденная мера, продиктованная слабостью международного права в отношении различных деструктивных цифровых явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахматов 2007 – *Ахматов А.* О двойных стандартах в политике и праве // Народное образование. 2007. № 9 (1372). С. 252–258.
- Булипопова 2010 – *Булипопова Е.В.* Причины и предпосылки появления термина «двойные стандарты» в политическом дискурсивном пространстве // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 346–354.
- Биттиева, Магомедов 2022 – *Биттиева Л.Х., Магомедов М.Н.* Способы совершения мошенничеств в сети Интернет // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2, № 10. С. 135–139.
- Бродовская и др. 2023 – *Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю.* Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 2. С. 12–18. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18
- Германов 2023 – *Германов Н.С.* Концепция ответственного искусственного интеллекта – будущее искусственного интеллекта в медицине // Digital Diagnostics. 2023. Т. 4, № S1. С. 27–29.
- Давыдова, Кравчук 2024 – *Давыдова М.А., Кравчук И.Д.* Дискурсы и технологии внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в региональных сегментах социальных медиа // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 16–23. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9924
- Капранов, Капранова 2019 – *Капранов А.В., Капранова Ю.В.* Двойные стандарты, политика и права человека в современном обществе // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия «Политология и социология». 2019. № 1. С. 50–52.
- Ковалев, Магомедов, Самыгин 2016 – *Ковалев В.В., Магомедов М.Г., Самыгин С.И.* Практика двойных стандартов в мировой политике: угрозы национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 55–60.

- Овчинникова, Лебедева, Парм 2024 – *Овчинникова О.П., Лебедева Д.В., Парм О.Я.* Ответственный искусственный интеллект в управлении современной компанией // *Инновации в менеджменте*. 2024. № 1 (39). С. 26–31.
- Одинцов 2024. – *Одинцов Е.* Монополия на новости со стороны классических СМИ продолжает сокращаться. Традиционные СМИ продолжают терять монополию на новости [Газета.ру. 2024. 11 дек.] // <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/12/11/24594506.shtml?ysclid=meldmc67u0800635356>
- Соколов 2013 – *Соколов Л.А.* Двойные стандарты как управленческий феномен // *Вестник МГУУ*. 2013. № 3. С. 1–4.
- Пуншева 2025 – *Пуншева Е.* Снижение доверия, дефицит кадров и искусственный интеллект — главные тренды журналистики [Реальное время. 2025. 29 янв.] // <https://realnoevremya.ru/articles/327372-snizhenie-doveriya-deficit-kadrov-iskusstvennyu-intellekt>
- Солопов 2025 – *Солопов Д.* Тренды медиарынка в 2025 году: что будет с новостями и журналистикой. [РБК Компании. 2025. 29 янв.] // <https://companies.rbc.ru/news/18uKIpQYwZ/trendy-mediaryinka-v-2025-godu-cto-budet-s-novostyami-i-zhurnalistikoj/>
- Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
- Черная 2018 – *Черная Е.А.* Способы совершения преступлений интернет-мошенниками в сфере компьютерной информации // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2018. № 2 (35). С. 104–105.
- Шахнов и др. 2024 – *Шахнов В.А., Пролетарский А.В., Зинченко Л.А., Казаков В.В., Терехов В.В.* К вопросу этики искусственного интеллекта // *Нейрокомпьютеры: разработка, применение*. 2024. Т. 26, № 5. С. 17–29.
- Wike et al. web – *Wike R., Silver L., Fetterolf J., Huang C., Austin S., Clancy L., Gubbala S.*, 2022. Social Media Seen as Mostly Good for Democracy Across Many Nations, But U.S. is a Major Outlier [Pew Research Center] // <https://www.pewresearch.org/global/2022/12/06/social-media-seen-as-mostly-good-for-democracy-across-many-nations-but-u-s-is-a-major-outlier/>
- Global Report... web – *Global Report: Trust and the Crisis of Grievance*. 2025 [Edelman] // https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2025-01/2025%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_01.23.25.pdf
- Floridi 2018 – *Floridi L.* Soft Ethics and the Governance of the Digital. *Philos. Technol.* 2018. № 31. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-018-0303-9>

REFERENCES

- Akhmatov A., 2007. On Double Standards in Politics and Law. *Narodnoe obrazovanie*, no. 9 (1372), pp. 252-258.
- Bulipopova E.V., 2010. Reasons and Prerequisites for the Emergence of the Term “Double Standards” in the Political Discursive Space. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, no. 10, pp. 346-354.
- Bittieva L.Kh., Magomedov M.N., 2022. Methods of Committing Fraud on the Internet. *Journal of Applied Research*, vol. 2, no. 10, pp. 135-139.
- Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Sklyarova N.Yu., 2023. Destructive Informational and Psychological Influence On Russian Youth in Social Media (Based On Roundtable Discussion Materials). *Humanities. Bulletin of the Financial University*, vol. 13, no. 2, pp. 12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18
- Germanov N.S., 2023. The Concept of Responsible Artificial Intelligence as the Future of Artificial Intelligence in Medicine. *Digital Diagnostics*, vol. 4, no. S1, pp. 27-29. DOI: 10.17816/DD430334
- Davydova M.A., Kravchuk I.D., 2024. Discourses and Technologies of External Destructive Information and Psychological Impact in Regional Segments of Social Media. *Vlast*, vol. 32, no. 1, pp. 16-23. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9924
- Kapranov A.V., Kapranova Yu.V., 2019. Double Standards, Politics and Human Rights in Modern Society. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Seriya «Politologiya i sociologiya»*, no. 1, pp. 50-52.
- Kovalev V.V., Magomedov M.G., Samygin S.I., 2016. The Practice of Double Standards in World Politics: Threats to Russia’s National Security. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 6-7, pp. 55-60.
- Ovchinnikova O.P., Lebedeva D.V., Parm O.Ya., 2024. Responsible Artificial Intelligence in the Management of a Modern Company. *Innovacii v menedzhmente*, no. 1 (39), pp. 26-31.
- Odintsov E. The Monopoly on News from Traditional Media Continues to Shrink. Traditional Media Continue to Lose Their Monopoly on News. *Gazeta.ru*. 2024. December 11. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/12/11/24594506.shtml?ysclid=meldmc67u0800635356>
- Sokolov L.A., 2013. Double Standards as a Management Phenomenon. *Vestnik MGUU*, no. 3, pp. 1-4.
- Punshева E. Declining Trust, Personnel Shortages, and Artificial Intelligence are the Main Trends in Journalism. *Realnoye vremya*. 2025. January 29. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/>

- 327372-snizhenie-doveriya-deficit-kadrov-iskusstvennyy-intellekt
- Solopov D. Media Market Trends in 2025: What Will Happen to News and Journalism. *RBK Kompanii*. 2025. January 29. URL: <https://companies.rbc.ru/news/l8uKIpQYwZ/trendy-i-mediaryinka-v-2025-godu-chto-budet-s-novostyami-i-zhurnalistikoj/>
- Habermas Yu., 2001. *Involvement of the Other: Essays on Political Theory*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Chernaya E.A., 2018. Methods of Committing Crimes by Internet Fraudsters in the Field of Computer Information. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (35), pp. 104-105.
- Shakhnov V.A., Proletarskiy A.V., Zinchenko L.A., Kazakov V.V., Terekhov V.V., 2024. On the Issue of the Ethics of Artificial Intelligence. *Neuro-Computers*, vol. 26, no. 5, pp. 17-29. DOI: 10.18127/j19998554-202405-02
- Wike R., Silver L., Fetterolf J., Huang C., Austin S., Clancy L., Gubbala S., 2022. *Social Media Seen as Mostly Good for Democracy Across Many Nations, But U.S. Is a Major Outlier*. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/12/06/social-media-seen-as-mostly-good-for-democracy-across-many-nations-but-u-s-is-a-major-outlier/>
- Global Report: Trust and the Crisis of Grievance*, 2025. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2025-01/2025%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_01.23.25.pdf
- Floridi L., 2018. Soft Ethics and the Governance of the Digital. *Philos. Technol.*, vol. 31, pp. 1-8. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-018-0303-9>

Information About the Author

Andrey M. Druzhinin, Candidate of Sciences (Philosophy), Specialist, Center “Philosophy of Education”, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, 119992 Moscow, Russian Federation, www-222@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0976-822X>

Информация об авторе

Андрей Михайлович Дружинин, кандидат философских наук, специалист ВНМЦ «Философия образования», Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, 119992 г. Москва, Российская Федерация, www-222@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0976-822X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.13>

UDC 123.1
LBC 87.6

Submitted: 16.05.2025
Accepted: 30.05.2025

THE CONCEPTS OF “THE LIFE PATH OF A PERSONALITY” AND “FATE”: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Dina D. Ivanova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation;
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study is to determine the content of the concept of “the life path of a personality” through its comparison with the content of the concept of “fate,” as well as to establish the relationship between these categories in the context of socio-philosophical discourse. In the article, the life path of a personality and fate are examined at the socio-philosophical level of understanding. Their comparative analysis is performed by highlighting common, transitional, and distinct characteristics. The existing links between the concepts of “the life path of a personality” and “fate” are revealed. As a result of the study, it was noted that the definitions under consideration are understood as ways of creating ideas about the social space through which a personality is formed, as well as safe conditions for its existence. The characteristics inherent in the content of both concepts are highlighted: narrativity, communicative signs, and communicative practices that demonstrate both similarities and differences. It is revealed that the concept of “the life path of a personality” differs in three key substantive characteristics: uncertainty, freedom, and responsibility. In comparison with the category of “fate,” the content of the concept of “the life path of a personality” turns out to be broader from the point of view of socio-philosophical analysis, as it allows us to more fully comprehend the movement of personality in the social space in accordance with the processes of modern society, in which risk is of particular importance. The content of the category “fate” has limitations related to its characteristics, such as certainty, lack of freedom, and removal of responsibility. This is not enough to solve modern problems of society, in contrast to the concept of “the life path of a personality,” the interest in which is significantly increasing against this background.

Key words: life path of a personality, fate, personality, person, society, social space, social philosophy.

Citation. Ivanova D.D. The Concepts of “The Life Path of a Personality” and “Fate”: A Socio-Philosophical Analysis. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 130-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.13>

УДК 123.1
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 16.05.2025
Дата принятия статьи: 30.05.2025

ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ» И «СУДЬБА»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Дина Дмитриевна Иванова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.,
г. Саратов, Российская Федерация

© Иванова Д.Д., 2025

Аннотация. Цель исследования состоит в определении содержания понятия «жизненный путь личности» через его сравнение с содержанием понятия «судьба», а также в установлении отношений между этими категориями в контексте социально-философского дискурса. В статье жизненный путь личности и судьба рассмотрены на социально-философском уровне осмысления. Выполнен их сравнительный анализ посредством выделения общих, переходных и отличных характеристик. Выявлены существующие связи между понятиями «жизненный путь личности» и «судьба». В результате исследования отмечено, что под рассматриваемыми определениями понимаются способы создания представлений о социальном пространстве, благодаря которым формируется личность, а также создание безопасных условий для ее существования. Выявлено, что в определение

понятия «жизненный путь личности» входят три ключевые содержательные характеристики: неопределенность, наличие свободы, ответственность. Понятие «судьба», напротив, характеризуется определенностью, отсутствием свободы и снятием ответственности. В связи с этим с точки зрения социально-философского анализа понятие «жизненный путь личности» позволяет более полно осмысливать движение личности в современном обществе, в котором особое значение приобретает риск. Таким образом, в свете современных социальных проблем можно отметить более высокий эвристический потенциал понятия «жизненный путь личности», что обуславливает возрастание к нему теоретического и практического интереса.

Ключевые слова: жизненный путь личности, судьба, личность, человек, общество, социальное пространство, социальная философия.

Цитирование. Иванова Д. Д. Понятия «жизненный путь личности» и «судьба»: социально-философский анализ // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 130–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.2.13>

Жизненный путь личности как понятие, позволяющее исследовать место человека в обществе, его социальное движение и т. д., требует разностороннего изучения. Одним из способов оказывается сравнение с категориями, имеющими с этим понятием прямую концептуальную связь. Такой подход дает возможность выявить сложившиеся отношения между рассматриваемыми понятиями, а также внести уточнения в определение каждого из них. Жизнь, биография и судьба наиболее близки в смысловом отношении к жизненному пути личности. В рамках исследования для проведения сравнительного анализа выбрана категория «судьба». Несмотря на тесную концептуальную связь данной категории с понятием жизненного пути личности, их отношения остаются недостаточно осмысленными в контексте социально-философского дискурса.

В массовом сознании современного российского общества по-прежнему востребовано понятие судьбы как того, что предопределено и может быть предсказано. Несмотря на то что проведенные в 2024 г. социологические опросы показали снижение среди россиян веры в сверхъестественное (по сравнению с 2004 и 2008 г.), интерес к астрологическим предсказаниям в современном российском обществе полностью не исчез [Таинственное и потустороннее... web]. В рамках того же исследования были получены результаты, согласно которым «абсолютное большинство россиян знают свой знак зодиака (97 %), а четверо из десяти с разной периодичностью просматривают или читают астрологические прогнозы (42 %)» [Таинственное и потустороннее... web]. Таким образом, несмотря на снижение в массах веры в сверхъестественное их астрологическая осведомленность сохраняется. Актуа-

лизируются и механизмы поддержания такой осведомленности. Повседневность современного человека составляют онлайн-расклады, персональные чаты Таро с ИИ (искусственным интеллектом) и т. п. По материалам опроса можно сделать вывод, что чаще всего причиной проявления внимания в обществе к мистическому является интерес или желание развлечься. В то же время за ярко выраженной потребностью человека в развлекательном времяпрепровождении может скрываться его стремление не терять дополнительные инструменты предсказания будущего. Сохраняя веру в судьбу, личность позволяет себе быть социально пассивной и организовывать свою повседневность не посредством рефлексии, а с помощью пророчеств. С одной стороны, знание знака зодиака и просмотр гороскопа не обязывают индивида учитывать их в своей жизни, но с другой стороны, риск состоит в том, что человек, постоянно просматривающий предсказания и иронично обосновывающий свое действие интересом, вводит себя в заблуждение, выстраивая свой путь в обществе согласно сверхъестественному, а не рациональному, но не признавая этого.

Тесная концептуальная связь жизненного пути личности и судьбы приводит к необходимости учитывать тенденции современного общества, влияющие на восприятие каждого из них. Целью исследования становится определение содержания понятия «жизненный путь личности» через его сравнение с содержанием понятия «судьба», а также в установлении отношений между этими категориями в контексте социально-философского дискурса.

Прежде чем перейти к сопоставлению понятий «жизненный путь личности» и «судьба»,

необходимо определить особенности их развития. Понятие «жизненный путь личности» было введено в научный оборот только в начале XX в., категория же «судьба» оказалась в центре изучения существенно ранее. В связи с этим в процессе их сравнения целесообразно обращение к категории «путь» как к связывающему элементу, предшествующему понятию жизненного пути личности. В.Н. Топоров, анализируя изложенную в «Энеиде» Вергилия историю Энея, а также значение в ней судьбы, часто отсылает к образу пути: «Как выполнил Эней ту роль, которая в сценарии судьбы была задумана для него, как проходил он свой путь сквозь все испытания и был ли он достоин цели, поставленной перед ним, – обо всем этом во всей полноте судить можно только свыше» [Топоров 1993, 122]. В данном случае словосочетание «проходил он свой путь» оказывается близко по смыслу к жизненному пути личности. Путь – это движение Энея в мире, детерминированном высшими силами – судьбой.

В то же время необходимо учитывать, что анализируемые понятия развивались в разных контекстах. Содержание определения жизненного пути личности в рамках философского дискурса было связано преимущественно со становлением личности в обществе, тогда как содержание понятия «судьба» рассматривалось более широко и предполагало не столько социальное, сколько онтологическое осмысление, нацеленное на изучение бытия человека. С.Ф. Денисов обозначает судьбу как важнейший и древний экзистенциал человеческой жизни [Денисов 1999, 59–61]. Ее понимание формируется не только через логические схемы, но и с помощью переживаний, образующих жизнь человека как сферу существования. Рассматривая мифологему судьбы, С.Ф. Денисов связывает формирование ее смысловых уровней с первобытным обществом, в котором человек начинает осознавать и переживать зависимость своей жизни от природы и поведения сородичей [Денисов 1999, 59–60].

Разноуровневость понятий подчеркивается их генезисом. При анализе содержания категории «судьба» необходимо учитывать, что оно включает в себя элемент, связанный с мистическим или религиозным происхожде-

нием. «То, о чем я говорю, знают и простые обыватели. Говорят же они: вот, что принесла ему судьба. А это ему принесла, значит, это ему назначено», – пишет Марк Аврелий [Марк Аврелий 1985, 25]. Предполагается, что судьба дается человеку извне. Отсюда появляются образы мойр, богов, которые создают истории людей. Напротив, одним из распространенных определений жизненного пути становится его понимание через «переходы и стадии, которые люди переживают в течение своей жизни» [Giddens et al. 2006, 86]. Содержание понятия оказывается связано с социальным происхождением. Ключевым элементом жизненного пути становится личность, творящая свой путь в обществе и свое «Я» через набор решений, реакций, выборов и т. д. Л.Н. Грибакин замечает: «Во многом, если не во всем, содержание жизненного пути индивида обусловлено взаимодействием индивида с предметами, обществом и его институтами, с самим собой» [Грибакин 2002, 338]. С одной стороны, подчеркивается наличие определенности и зависимости от социальных условий, а с другой – обозначается присутствие выбора у человека, который самостоятельно находит подходящий для себя способ организации своей жизни в обществе. «Выбрать свой путь человек должен сам» [Коган 1988, 100]. Несмотря на наличие детерминированности движения человека в социальном пространстве, исследователем подчеркивается активность личности, в ходе проявления которой и формируется ее жизненный путь.

Однако при рассмотрении понятия «жизненный путь личности» на социальном уровне, а категории «судьба» – исключительно на онтологическом уровне возникает концептуальная ограниченность, препятствующая комплексному осмыслению их содержаний и отношений между ними. Следует учитывать взаимосвязь онтологических и социальных содержаний. Сфера социального оказывается под контролем космических сил, определяющих положение человека в обществе с точки зрения его статуса и успеха. М. Дуглас обращает внимание, что в сообществах Западной Африки имеется убежденность, согласно которой «одна часть личности предрекает жизненный путь человека еще до его

рождения» [Дуглас 2000, 128]. В такой интерпретации содержание понятия «судьба» связано с наличием особой космической силы, выходящей за пределы общества. Однако представляется важным то, что при описании ее действия используются категории, связанные с пониманием социальных процессов: «После того, как человек родился, любая его попытка добиться успеха в той области, в которой предречен неуспех, будет оканчиваться неудачей» [Дуглас 2000, 128]. В то же время космические силы сами выступают инструментом в руках личности для регулирования ее жизненного пути и общественных процессов. Несмотря на то что содержание понятия «судьба» выходит за пределы общества, оно остается неразрывно связанным с социальным и включает в себя механизм понимания и способы трансформации положения человека в социуме.

Необходимо отметить, что содержания обоих понятий рассматриваются в рамках единого социально-философского уровня осмысления. Г. Зиммель замечает: «От того, что мы называем судьбой, неотделим характер “провидения”. Но это отражает только самую поверхность понятия судьбы» [Зиммель 1996, 187]. Этим подчеркивается особая сложность понимания категории. Так, если какая-либо случайная встреча станет «исходным пунктом решительных жизненных перемен, то это стечение обстоятельств получит имя судьбы» [Зиммель 1996, 189]. Это позволяет обнаружить еще один социально-философский аспект категории, выраженный в формировании определенности человеческой жизни или ее смысла через резкое изменение заданной ранее траектории.

Существенный вклад в приведение понятий «судьба» и «жизненный путь» к социально-философскому уровню рассмотрения внесли представители марксистской философии. Ведя активную борьбу с мистическими теориями, исследователи не исключали категорию судьбы, а стремились осмыслить ее содержание. Л.Н. Коган акцентирует внимание на том, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин не только использовали понятие «судьба» в своих трудах, но и давали ему социально-философскую интерпретацию. «Говоря о “судьбе”, классики марксизма-ленинизма имели в

виду прежде всего объяснение исторических и социальных причин тех или иных событий в жизни народов, классов, партий и отдельных людей», – замечает Л.Н. Коган [Коган 1988, 5]. В центре внимания оказывается человек, самостоятельно творящий историю, но и одновременно зависящий от ее закономерностей.

Перенесение категории судьбы на социально-философский уровень осмысления позволил обозначить, с одной стороны, наличие у нее социального содержания и несостоятельность мистического, а с другой – возможность проведения анализа ее содержания и содержания понятия жизненного пути личности в рамках единого социального контекста. Для самого Л.Н. Когана также важно изучение жизнотворчества человека с научной позиции, преодолевающей религиозное содержание. Судьба, по определению исследователя, «представляет собой неразрывное диалектическое единство социальной детерминации жизненного пути и свободного выбора человека, естественно, в границах исторической необходимости и в соответствии с общественными интересами» [Коган 1988, 263]. Согласно этому определению, жизненный путь не приравнивается к судьбе, а является ее проявлением в обществе через определенность и свободный выбор личности.

По мнению Л.Н. Когана, понятие «судьба» в отличие от понятия «жизненный путь человека» применимо и по отношению к неодушевленным предметам, и по отношению к историческим событиям – для характеристики неизвестного будущего, а также при возникновении альтернативы развития явления, общности, класса и т. д. [Коган 1988, 10–11]. Исследователь ставит целью показать, что содержания концептов различаются и не всегда взаимозаменяемы. Однако проведенный анализ является упрощенным вариантом, в рамках которого не учитывается влияние на содержание понятий восприятия человеком социального пространства и собственного движения в нем.

Принимая во внимание особенности контекста формирования понятий «судьба» и «жизненный путь личности» и их интерпретаций, следует перейти к сравнению их содержания. Компаративный анализ осуществлялся в ходе трех исследовательских этапов. В рам-

как первого были выделены общие компоненты анализируемых понятий.

Формирование представлений у человека о социальном пространстве. Понятия «жизненный путь личности» и «судьба» связаны с пониманием человеком своего места в обществе и выстраиванием движения в нем. Речь идет не столько о подлинности представлений, сколько о самом способе осмысления социального пространства. Для жизненного пути личности это может быть представлено через социальные стратегии, роли, благодаря которым формируется понимание законов социального пространства. Содержание категории «судьба», несмотря на наличие «мистического», также предполагает объяснение происходящих в обществе процессов и событий. Например, человек, уверенный, что знает о том, что ему предназначено, будет особым образом выстраивать свои социальные связи. Это особенно ярко выражено в случаях, когда «тайное знание» становится неожиданно доступным, и человек начинает либо корректировать свой путь, либо сопротивляться предначертанному.

Создание безопасных условий для личности. Пространство, в котором существует человек, содержит разного рода опасности, включая социальные. Содержания понятий «жизненный путь личности» и «судьба» подразумевают их преодоление. Благодаря формированию представлений о социальном пространстве, прояснению его закономерностей у личности меняется отношение к потенциальным угрозам, вырабатываются способы создания безопасных условий. Так, например, Э. Гидденс пишет, что «чувство “судьбы”», обладает ли оно позитивным или негативным оттенком – неясное и обобщенное чувство доверия к далеким событиям, которыми мы не можем управлять, – помогает индивиду при встрече с бременем экзистенциальной ситуации, которая в противном случае стала бы источником постоянного беспокойства» [Гидденс 2011, 272]. В то же время это касается не только того, как нужно воспринимать происходящее, но и как его понимать с помощью правил чтения знаков, специальных практик.

Конструирование личности. В отношении судьбы конструирование собственного «Я» осуществляется в момент принятия решения –

когда личность смиряется с судьбой. «И сам отказ от собственной воли <...> ради полного вручения себя судьбе – не знак покорности, пассивности или безразличия, но эксцентричное движение соотношения своей самости, своего человеческого Я со сверх-человеческой судьбой, положения в основания веры и судьбы и верности ей – и то и другое как результат свободного выбора, а никак не той духовной узости, которую называют суеверием» [Топоров 1993, 128]. Повиновение судьбе приобретает характер не принуждения, но сознательного ее принятия. Понятие «жизненный путь личности» включает конструирование человеком собственного «Я» в качестве одной из первостепенных характеристик, благодаря которой он идентифицирует себя с другими в обществе, а также создает свой образ.

На втором этапе исследования были выделены переходные характеристики понятий «судьба» и «жизненный путь личности», содержащие одновременно сходства и различия.

Нарративность. Эта характеристика раскрывает одну из причин того, что понятия «жизненный путь личности» и «судьба» зачастую воспринимаются как взаимозаменяемые и приравниваются к биографии. В обоих случаях присутствует история жизни человека как некий рассказ. Однако если понятие жизненного пути личности предполагает, что история жизни создается личностью или обществом через различные социальные практики, то в случае судьбы она дана (предопределена) заранее и открывается при определенных обстоятельствах через различные инструменты провидения.

Коммуникативные знаки. Неотъемлемой характеристикой понятия «судьба» является наличие определенных символов и их интерпретаций. Например, герой, чтобы узнать, что ему уготовили мистические силы, читает знаки и разгадывает послания. В социальном пространстве это выражается через весть или событие, существенно меняющие представление человека о его движении в обществе. Содержание понятия «жизненный путь личности» также связано с набором символов, знание которых позволяет конструировать путь человека в обществе, выстраивать

понимание между участниками социального пространства. Таким образом, каждое из понятий оказывается тесно переплетено с актом коммуникации.

Существенным представляется фрагмент из работы В.Н. Топорова: «Эней не просто слепо верился судьбе, отрекся от “своего”, подчинил все в своей жизни судьбе, но, веряясь, отрекаясь, подчиняясь, он тем не менее стал участником диалога с судьбой» [Топоров 1993, 112]. Анализ отрывка показывает, что некоторая мистическая сила может вступать в коммуникацию с человеком. Однако личности еще требуется заслужить это и подобрать соответствующий способ, чтобы эта сила «заговорила» и стала помощником в жизни. При этом чтение знаков или возможность диалога доступны не каждому, чаще всего – провидцам и оракулам, имеющим особую связь с мистическим миром, через которую «каждый из них раскрывает то, что позволяет ему видеть его “мощность”, его дальновидение, но отчасти и то, что, по его мнению, нужно субъекту восприятия, “знако-заказчику” в данный момент» [Топоров 1993, 127]. Знаки – это важная составляющая судьбы, которая показывает условия формирования коммуникации между личностью и судьбой как самостоятельным участником процесса.

В содержании понятия «жизненный путь личности» коммуникация предполагает не выстраивание отношений «судьба (событие или субъект) – человек», а выстраивание отношений «человек – человек (общество)». В данном случае знаки способствуют диалогу, который не открывает подробностей жизненного пути человека, а создает и поддерживает его. Для коммуникации на базовом уровне человеку не требуется обладать особым знанием, доступным «избранным лицам», так как трансляция и интерпретация повседневных символов усваивается в процессе социализации каждым участником общества.

Коммуникативные практики. Содержание категории «судьба», как и содержание понятия «жизненный путь личности», связано не только с получением и передачей информации о человеке и его месте в социальном пространстве, но и с возможностью преобразования жизненной траектории. У представителей отдельных народов в Западной Африке

были зафиксированы специальные практики, направленные на изменение предназначенного. «Знахарь способен определить, что причиной неудач человека является предопределенная ему судьба, и затем исправить то, что было предрешено до рождения» [Дуглас 2000, 128]. В создании жизненного пути личности также играет важную роль знание тех или иных практик, нацеленных на реализацию и утверждение положения человека в социальном пространстве. Умение правильно их применять позволяет личности ускорять или замедлять свое движение в обществе, менять или отстаивать имеющуюся социальную позицию в соответствии с собственными потребностями.

Проведение того или иного ритуала по изменению «судьбы» будет доступно не каждому. Напротив, понятие «жизненный путь личности» включает знание базовых социальных практик, которое потенциально может получить каждая личность в процессе своей социализации. Безусловно, существуют препятствия в виде различных стартовых социальных позиций, установленных дистанций, но не отрицается возможность для их изменения.

Наконец, третий исследовательский этап связан с выявлением характеристик, позволяющих концептуально различить понятия «жизненный путь личности» и «судьба».

Определенность – неопределенность. Относительно категории судьбы предполагается, что есть нарратив, который определяет период времени или всю жизнь человека в социальном пространстве. Характеристика определенности свойственна судьбе вне зависимости от попытки личности принять или изменить свою жизненную историю. Наиболее распространенной является интерпретация, согласно которой «человек хотя и может через посвященных заранее узнать о том, что его ожидает, не в силах ничего изменить радикально и способен только слегка смягчить подстерегающие его удары судьбы, отказаться от невыполнимых желаний, быть готовым использовать возможности, которые встретятся на его пути» [Дуглас 2000, 127–128]. Например, спортсмен получает травму и вынужден сменить профессию, окружение, перестроить ключевые составляющие своей повседневности – такое событие приобретает наименование «судьба». При изменении нарратива оп-

ределенность не отрицается: новое направление отменяет другое, но уже содержит в себе другой готовый сценарий. Напротив, понятие «жизненный путь личности» хотя и содержит отдельные элементы определенности, включающие те или иные социальные факты, установки, поворотные события, все же будет связано с неопределенностью. Так, траектории жизненного пути редко бывают однозначными и предсказуемыми. Они включают в себя множество разрывов или внезапных переломов, а некоторые из них становятся поворотными точками, которые приводят к кардинальному изменению всей направленности [Hutchison 2011, 18]. В конкретном событии, влияющем на человека и его движение в социальном пространстве, оказывается важным не сама точка определенности, а те образы, модели и инструменты, которые ей предшествовали или те, на которые она указывает в будущем – их многовариантность. При создании своего жизненного пути личность вынуждена сталкиваться с неопределенностью, одновременно стремясь к ее преодолению.

Отсутствие свободы – свобода. В содержании категории «судьба» свобода человека сводится к минимуму, так как предлагаются готовые ответы для жизненных ситуаций. При этом у личности есть конкретный нарратив, который ее может устраивать или нет, однако значительно изменить или повлиять на него она не может и единственное что остается ей в этой ситуации – принять его или не принимать. Человек лишен не самого по себе выбора, а возможности преобразования своей собственной жизни. «Дарующая счастье судьба» – один из наиболее предпочтительных вариантов, повлиять на вероятность которого человеку не дано. В связи с этим понятию «судьба» присуща несвобода, заключающаяся в неспособности личности существенно изменять обстоятельства своего движения в обществе. В то же время нельзя сказать, что понятие жизненного пути личности не связано с ограничением воли, с ситуациями вынужденного подчинения, однако допускаемая многовариантность дает больше возможностей для действий, что расширяет диапазон реализации потенциала личности в социальном пространстве. По отношению к

судьбе свобода человека выражается в ее принятии, по отношению к жизненному пути личности – в способности разными способами создавать нарратив здесь и сейчас.

Снятие ответственности – ответственность. Увеличение определенности и уменьшение свободы влияют на степень самостоятельности личности. Содержание категории «судьба» предполагает наличие мистического доминирующего субъекта или поворотных событий, снимающих с человека ответственность за выстраиваемую траекторию жизни. При попытке личности изменить предначертанное возникает момент ответственности, однако даже проявив ее, человеку придется принять новую социальную траекторию и отказаться от самостоятельного управления. Понятие «жизненный путь личности», наоборот, предполагает ответственность за принятие решений и их последствия – вне зависимости от степени действия или бездействия человека. Совершая выбор, личность отвечает за полученный результат не только перед обществом, но и перед собой. Глен Х. Элдер (мл.) акцентирует внимание на примере неудачного брака, когда последствия выбора могут трансформировать весь жизненный путь [Elder 1994, 5].

Проведенное сравнение позволяет говорить об особом типе отношений двух понятий – «жизненный путь личности» и «судьба», где они не взаимоисключают и не взаимозаменяют друг друга. В рамках социально-философского дискурса посредством исследуемых определений выражаются способы осмысления социального пространства, благодаря которым формируется личность, а также создаются безопасные условия для ее существования. Обоим понятиям свойственен ряд характеристик, которые обнаруживают между ними как сходства, так и различия. Так, в каждом случае формируется некоторая история, представленная и корректируемая с помощью толкования знаков и применения практик. В пределах переходных характеристик понятия «жизненный путь личности» и «судьба» будут по-разному отвечать на вопрос: задана ли история жизни изначально или выражающий ее нарратив создается личностью и обществом с опорой на социальные знания, осваиваемые в процессе социализации.

Социально-философский анализ показывает высокий эвристический потенциал понятия «жизненный путь личности» в осмыслении процессов в современном обществе, где ключевую роль играют разнообразные риски, что делает актуальной дальнейшую теоретическую разработку этой категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гидденс 2011 – Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Грибакин 2002 – Грибакин А.В. Жизненный путь индивида // Двадцать лекций по философии : учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2002. С. 324–340.
- Денисов 1999 – Денисов С.Ф. Судьба как экзистенциал и мифологема // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 58–62.
- Дуглас 2000 – Дуглас М. Чистота и опасность. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.
- Зиммель 1996 – Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.
- Коган 1988 – Коган Л.Н. Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988.
- Марк Аврелий 1985 – Марк Аврелий. Размышления. Л.: Наука, 1985.
- Таинственное и потустороннее... web – Таинственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах, или россияне о магах и астрологах [ВЦИОМ. Новости] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-omagakh-i-astrologakh>
- Топоров 1993 – Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. Ч. I. М.: Радикс, 1993.
- Giddens et al. 2006 – Giddens A., Duneier M., Appelbaum R. P., Carr D. Essentials of Sociology. N. Y.: London: W.W. Norton & Company, Inc., 2006.

- Elder 1994 – Elder G.H. Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course // *Social Psychology Quarterly*. 1994. Vol. 57, № 1. P. 4–15.
- Hutchison 2011 – Hutchison E.D. A Life Course Perspective // *Dimensions of Human Behaviour: The Changing Life Course*. 2011. P. 1–38.

REFERENCES

- Giddens A., 2011. *The Consequences of Modernity*. Moscow, Praksis Publ.
- Gribakin A.V., 2002. *The Individual's Life Path*. Yekaterinburg, Bank kultur. inform. Publ., pp. 324–340.
- Denisov S.F., 1999. Fate as an Existential and a Mythologeme. *Vestnik Omskogo universiteta*, vol. 4, pp. 58–62.
- Douglas M., 2000. *Purity and Danger*. Moscow, KANON-press C Publ., Kuchkovo pole Publ.
- Zimmel G., 1996. *Favourites*. In 2 vols. Vol. 2. *Contemplation of Life*. Moscow, Yurist Publ.
- Kogan L.N., 1988. *Man and His Fate*. Moscow, Mysl Publ.
- Marc Aureliy, 1985. *Meditations*. Leningrad, Nauka Publ.
- Mysterious and Otherworldly, or Russians About Magicians and Astrologers. *VCIOM. News*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-omagakh-i-astrologakh>
- Toporov V.N., 1993. *Aeneas – The Man of Destiny. Part I*. Moscow, Radix Publ.
- Giddens A., Duneier M., Appelbaum R.P., Carr D., 2006. *Essentials of Sociology*. New York, London, W.W. Norton & Company, Inc.
- Elder G.H., 1994. Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*, vol. 57, no. 1, pp. 4–15.
- Hutchison E.D., 2011. A Life Course Perspective. *Dimensions of Human Behaviour: The Changing Life Course*, pp. 1–38.

Information About the Author

Dina D. Ivanova, Postgraduate Student, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation; Lecturer, Department of History and Philosophy, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Politechnicheskaya St, 77, 410054 Saratov, Russian Federation, dinaivanova.97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0062-0635>

Информация об авторе

Дина Дмитриевна Иванова, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация; преподаватель кафедры «История и философия», Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А., ул. Политехническая, 77, 410054 г. Саратов, Российская Федерация, dinaivanova.97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0062-0635>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN LOGOS ET PRAXIS

1. The editorial staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

68>